

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

КУЛИКОВО ПОЛЕ

материалы
и исследования

МОСКВА

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск № 73

КУЛИКОВО ПОЛЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А. К. ЗАЙЦЕВ

МОСКВА

1990

В сборнике публикуются материалы и исследования, посвященные комплексной теме «Куликово поле. История. Ландшафт», которая с 1981 г. разрабатывается совместно Государственным Историческим музеем и Институтом географии АН СССР при участии других научных организаций Москвы и Тулы.

В сборнике изложены главные направления исследований. Основная задача темы — изучение эволюции природного ландшафта района Куликова поля на протяжении голоцена, история его заселения и хозяйственного освоения. Особое внимание обращено на реконструкцию палеоландшафта времени Куликовской битвы и на изучение археологических памятников того времени с целью уточнения места и обстоятельств сражения.

Впервые публикуемые археологические материалы и палеогеографические характеристики Куликова поля представляют новые данные для изучения великой битвы на Дону 1380 г. и музеефикации Куликова поля.

Публикуемые материалы были изложены авторами на научной конференции «Куликово поле. История. Ландшафт», проходившей в ГИМ в мае 1985 г.

Рецензенты:

доктор исторических наук
Э. Г. ИСТОМИНА

доктор географических наук
В. П. ГРИЧУК

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЛИКОВА ПОЛЯ

Куликово поле является памятником истории республиканского значения. Его культурно-историческая ценность обусловлена выдающимся значением Куликовской битвы в истории нашей Родины. Отмечавшийся в 1980 г. юбилей — 600-летие великой битвы на Дону — удивительный пример того, как великие события прошлого глубоко волнуют умы широких кругов наших современников. Он показал, какую важную роль играют научные исторические знания в идейной и воспитательной работе, и дал значительный импульс активизации изучения героических событий 1380 г.

Обширная новейшая литература по истории Куликовской битвы, практика реставрационной и музейной работы, археологические исследования выявили или по-новому поставили целый ряд проблем, связанных с изучением великой битвы на Дону и ее памятников. Большие успехи источниковедения в изучении письменных памятников Куликовского цикла не только способствовали углублению наших представлений о ходе битвы, ее последствиях и историческом значении, но и вскрыли в ряде случаев недостатки в аргументации достоверности наших знаний о событиях Куликовского сражения. Отчетливо проявилась плохая археологическая изученность района Куликова поля и, как следствие, малочисленность его вещественных памятников, непосредственно относящихся к битве. Слабо изученной оказалась история самого Поля — история его заселения и хозяйственного освоения. В конечном счете, в распоряжении исследователей не было научного представления о ландшафте Куликова поля XIV века, и более того — многим историкам недостаточно известна даже его современная конкретная топография¹.

По специфике своей работы, в силу предметности музейного исторического мышления, музейные историки, экспозиционеры и фондовики наиболее остро ощущали потребность в изучении Куликова поля. Задачи музеефикации во всей полноте встали в последние десятилетия и были решены после больших работ по реставрации памятников и мероприятий по благоустройству Поля конца 60—70-х гг. к юбилейному 1980 г. Над созданием экспозиции музея «Куликово поле» (филиал Тульского областного краеведческого музея) работали сотрудники Государственного Исторического

музея и само образование музея рассматривалось как первый шаг в разработке стройной системы музеефицированных объектов и экскурсионных маршрутов Поля². В 1979 г. ГИМ начал продолжающиеся до настоящего времени археологические работы на Куликовом поле. В 1979—1980 гг. они проводились с целью выявления погребений воинов, павших в 1380 г., а также поиска реликвий битвы на значительной территории в районе сел Хворостянка, Куликовка, Ивановка, Монастырщина и не дали существенных результатов³. Вместе с тем практические задачи музеефикации привели к выводу о необходимости систематического изучения Куликова поля, сочетающего исторические и археологические исследования с геоморфологическими и палеоботаническими исследованиями, «направленными на восстановление рельефа, гидрологии и растительного покрова поля эпохи Куликовской битвы, очень важных также для локализации места и самого хода сражения»⁴.

Упомянутый вопрос локализации битвы остро встал в связи с публикацией парадоксальной гипотезы В. А. Кучкина и К. П. Флоренского⁵.

Эта гипотеза — левобережный (по отношению к р. Непрядве) вариант сражения — связала историко-географическую проблематику сражения практически со всем кругом вопросов изучения Куликовской битвы. Для музеефикации Поля вопрос надежности локализации чрезвычайно важен, ибо это вопрос принципа исторической достоверности.

Достоверность той или иной локализации обеспечивается комплексной методикой, объединяющей три пути исследования: исторический, топонимический и археологический⁶. При локализации сражений важным и обязательным является и четвертый путь — палеогеографический, дающий характеристику древнего ландшафта искомой территории. Уже в первом исследовании, посвященном локализации Куликовской битвы, — статье С. Д. Нечаева — содержались отдельные элементы всех четырех направлений исследования⁷.

Однако к концу XIX в. интерес к историко-географическим проблемам сражения постепенно угас, и к настоящему времени определение места Куликовской битвы не содержит достаточной аргументации по каждому из указанных пунктов научной методики локализации.

В работах В. А. Кучкина первые два пункта были недостаточно аргументированы⁸, третий и четвертый практически отсутствовали⁹. Не будучи профессиональным историком, К. П. Флоренский первые два пути разработал, естественно, несколько слабее¹⁰, но четвертый путь был намечен методически верно, однако недостаточны были его фактические данные. Археологической аргументации не было.

Именно археологическим и палеогеографическим исследованиям и было уделено основное внимание в начавшейся с 1981 г. разработке междисциплинарной темы «Куликово поле», которая ве-

лась первоначально в рамках «Программы комплексных научно-исследовательских работ по изучению взаимодействия природной среды и человека бассейна Оки в голоцене», проводившихся совместно Институтом географии АН СССР и Государственным Историческим музеем.

Основной задачей исследований является изучение эволюции ландшафта района Куликова поля на протяжении голоцена, истории заселения и хозяйственного освоения этого района. На основании археологических исследований, анализа письменных источников, картографических материалов и других данных предполагается восстановить историю заселения Поля и прилегающих территорий за последние 5—6 тысяч лет. С помощью пыльцевого анализа и палеопочвенных методов должна быть восстановлена история развития растительности изучаемого региона, на основании геолого-геоморфологических исследований предполагается реконструировать гидрологический режим Дона, Непрядвы и других существовавших в районе Куликова поля рек и водоемов, определить время развития овражно-балочной сети. Основное внимание в этих работах обращается на реконструкцию палеоландшафта для хронологического среза, соответствующего времени Куликовской битвы, и на поиски и исследования археологических памятников того времени с целью уточнения места и обстоятельств сражения.

Совершенно очевидно, что, будучи комплексным единством памятников истории и природы, археологии и архитектуры, Куликово поле при решении проблем его музеефикации и мемориализации, охраны и восстановления должно рассматриваться комплексно, междисциплинарно. Первые результаты комплексного исследования Куликова поля и его района публикуются в данном сборнике.

Куликово поле расположено на северной окраине лесостепной зоны. Оно включает в себя пространство, ограниченное на севере и западе реками Доном и Непрядвой, а на юго-востоке и юге линией населенных пунктов Орловка — Ивановка — Шаховское — Самохваловка¹¹. Местные представления относят эту линию на 10—20 км далее, так что жители северной части Донковского района Липецкой области считают, что они живут на Куликовом поле. Более значительное пространство отводится Полю источниками XV—XVII вв., особенно оно велико по данным Книги Большому чертежу, охватывая большую часть водораздела Верхней Оки и Верхнего Дона¹². Вопрос об исторических пределах Куликова поля разработан еще недостаточно. Интересные данные о микро- и макротопонимах «Куликово поле» публикуются в статье Е. Д. Маркиной данного сборника.

Указанное «широкое» (историческое) и «узкое» (современное) понимание пределов Куликова поля следует учитывать при изучении этого памятника. Сосредоточивая в исследовании внимание на территории Поля в современном представлении, приходится, особенно при реконструкции ландшафта или заселении изучаемой тер-

ритории, рассматривать ее в широком понимании и, включая близлежащие территории левобережья Дона, говорить о «районе Куликова поля».

На начальном этапе работ (1981—1984 гг.) основное внимание полевых исследований уделялось району устья Непрядвы. Отсюда работы постепенно переносились в глубь Поля и вдоль рек. Устье Непрядвы, бесспорно, надежный ориентир определения места сражения по краткой «Летописной повести о Куликовской битве». Это подтверждает и текст «Задонщины»¹³. Сообщения старожилов с. Монастырщина о частых находках человеческих костей дают некоторые основания для поиска погребений воинов, павших в битве. Следует сразу оговориться, что поиски этих погребений, начатые в 1979 г. и ведущиеся по настоящее время, пока не дали положительных результатов¹⁴. Особого внимания заслуживал обширный пойменный массив со следами старичных понижений в левобережье Непрядвы близ ее устья. Такие участки перспективны для поиска археологических памятников, а сутлинистые пойменные отложения сохраняют ценнейшую информацию для изучения природного ландшафта в его историческом развитии, а также хозяйственного освоения исследуемого региона. Выявленное здесь многослойное поселение Монастырщина II в результате комплексного палеогеографического и археологического изучения стало своего рода краткой пойменной летописью Непрядвы и значительной части Куликова поля за последние приблизительно 6 тысяч лет¹⁵. Этому ключевому в изучении ландшафта и археологии Поля памятнику и его окружению посвящена следующая статья настоящего сборника.

Недалеко от устья Непрядвы, ниже по течению, на правом берегу Дона в 1957 г. С. А. Изюмовой были проведены единственные до работ ГИМ профессиональные раскопки на Поле, выявившие грунтовой древнерусский могильник. Этот памятник, не привлекая своевременно внимания и публикуемый ныне в сборнике, давал основание для поиска соответствующего ему древнерусского поселения. Оно было найдено в 1983 г. и стало ключевым для изучения древнерусских археологических памятников района Куликова поля. Статья М. И. Гоняного посвящена публикации материалов об этом поселении.

Важным результатом палеопочвенных исследований является публикация работы А. Л. Александровского. Материалы детальной почвенной съемки, проведенной исследователем, в сочетании с другими данными позволили определить распространение лесных почв среди черноземных массивов Куликова поля, реконструировать его залесенность. Отмечена значительная залесенность левобережья Непрядвы и склонов балок самого Поля.

Одновременно с полевыми исследованиями проводилась работа по мобилизации разрозненных археологических и исторических сведений о районе Куликова поля. В публикуемой работе М. В. Фехнер определены основные контуры района случайных находок

оружия и других предметов XIV в., которые можно связать с битвой на Дону. Как бы вторично был найден так называемый Тульский клад середины XIII в., экспонирующийся в Оружейной палате,— выяснилось истинное место его находки: Куликово поле, с. Кресты (см. статью Р. В. Клянина).

Целостная картина хозяйственного освоения Куликова поля невозможна без правильного представления о его истории XVI—XVII вв. Первой специальной работой по истории освоения изучаемого района в XVI—XVII вв. является статья тульского историка Н. К. Фомина. С этой же темой связаны публикуемые С. Р. Долговой материалы ЦГАДА XVII—XVIII вв.

Работы О. А. Шватченко и И. Л. Черная не относятся непосредственно к району Куликова поля, но они представляют интерес для определения маршрутов русских и ордынских войск к полю битвы 1380 г.

Содержание почти всех публикуемых в данном сборнике статей было изложено в докладе I конференции по изучению Куликова поля (май 1985 г.). Некоторые аспекты указанных работ рассматривались в предварительных публикациях и сообщениях на различных конференциях¹⁶. Итоги обобщены в научно-популярных изданиях¹⁷.

Палеогеографические исследования Куликова поля к данному времени значительно приблизились к тому моменту, когда историкам будет дана научная основа для пространственной ориентации в рассмотрении хода великой битвы на Дону. Уже достаточно ясно, что имеющаяся сумма палеогеографических данных о левобережье Непрядвы резко противоречит левобережной концепции локализации сражения.

В данном сборнике публикуются материалы об археологических памятниках, уже в основном изученных. К настоящему моменту в районе Куликова поля выявлено свыше 130 древнерусских памятников (преимущественно это селища, а также городища и бескуранные могильники). Их изучение продолжается¹⁸.

Важнейшим итогом археологического изучения Поля представляется сам факт выявления на нем древнерусских археологических памятников XIII—XIV вв. Прежде считалось, что освоение района Куликова поля началось не ранее XVI в., а до этого, в XIII—XIV вв., оно считалось незаселенным «Подем половецким», причем это поле начиналось почти сразу к югу от Пронска¹⁹. Новый факт позволил сделать важный в историческом отношении вывод о продвижении приблизительно с рубежа XII-XIII вв. древнерусского земледельческого населения несколько к югу, в более плодородные, преимущественно черноземные области.

Возникшие в конце XII — начале XIII в. на прежде незаселенном опасном со стороны степи участке юго-восточного пограничья Руси, в районе соприкосновения границ Черниговской и Рязанской земель, эти древнерусские памятники свидетельствуют об изменении политической обстановки в рассматриваемом регионе, о том, что эта территория стала безопасной для земледелия.

Археологические свидетельства начала хозяйственного освоения плодородных почв рассматриваемой территории в конце XII или начале XIII в. заставляют более внимательно, чем прежде, отнестись к тем немногим летописным свидетельствам о рязанской истории, которые в последней четверти XII — первой четверти XIII в. несколько увеличиваются по сравнению с предшествующим периодом. Особый интерес представляют известия о походах на Дон и на половцев Всеволода Большое Гнездо (1198 г.), Романа Глебовича (1205 г.), Ингваря Игоревича с владими́ро-суздальской «помощью» (1218 г.), свидетельствующие об активной и успешной борьбе рязанских князей и их сюзеренов — князей владими́ро-суздальских с Половецкой степью²⁰. Таким образом, установленный факт заселения района Куликова поля ставит задачу специального изучения миграций населения и динамики юго-восточных границ Руси конца XII—XIV вв.²¹

Вместе с тем учет заселенности Куликова поля, представлявшего собой не просто лесостепное девственное пространство «Поля половецкого», а хозяйственно освоенную территорию с пашнями и залежами, позволил по-новому поставить вопрос о заповеднике «Куликово поле» с целью сохранения на этом памятном историческом месте уже небольших разрушающихся уникальных в палео-географическом отношении урочищ²². Вопросы сохранения и восстановления природных и культурно-исторических памятников Поля, вопросы его музеефикации на новом, экологическом уровне были рассмотрены на II конференции по изучению Куликова поля (апрель 1988 г.).

¹ См.: Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 15—42; Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения//Там же. С. 43—70; Шкурко А. И. Вопросы музеефикации памятников Куликовской битвы//Там же. С. 225—233; Куликово поле: Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. Тула, 1982. С. 3.

² Шкурко А. И. Указ. соч. С. 225.

³ Тухтина Н. В. Работы на Куликовом поле//АО. 1980 г. М., 1981. С. 85; Шкурко А. И. Указ. соч. С. 229.

⁴ Шкурко А. И. Указ. соч. С. 227, 229.

⁵ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле//Вопросы истории. 1980. № 4. С. 16—18; Флоренский К. П. Где произошло Мамаево побоище?//Природа. 1984. № 8. С. 41—47; Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы//Там же. С. 47—53.

⁶ Витов М. В. Проблемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг//Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. V; Бескровный Л. Г. Специфика методов исследования по исторической географии//Материалы МФГО СССР. История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 5. М., 1971. С. 48—51; Зайцев А. К. Домагощ и границы «Вятичей» XII в.//Историческая география России. XII — начало XX вв. М., 1975. С. 21; Добродомов И. Г., Кучкин В. А. Этимология и старые географические объекты//Вопросы географии. Сборник 110. Топонимика на службе географии. М., 1979. С. 157—163; Зайцев А. К. Историко-географический аспект изучения Куликова поля//XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных этапах: Тезисы докладов. М., 1987. С. 68 (Ротапринт).

- ⁷ Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища//Вестник Европы. 1821. Ч. 118. № 14. С. 125—129, 164а.
- ⁸ См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 54—61.
- ⁹ В статье «О месте Куликовской битвы» В. А. Кучкин учитывает палеогеографические наблюдения К. П. Флоренского. (См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 53).
- ¹⁰ См. замечания В. А. Кучкина по статье К. П. Флоренского. (См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 51—53).
- ¹¹ Решения исполкома Тульского областного Совета депутатов трудящихся «Об утверждении границ охранной зоны и зоны регулирования застройки Куликова поля»//Куликово поле. Сборник... С. 89.
- ¹² Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д., Фоломеев Б. А. Куликово поле и его археологические памятники//Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 49—50.
- ¹³ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 13.
- ¹⁴ Поиски затруднены тем, что ориентировочный район нахождения довольно велик и почти полностью занят усадьбами с. Монастырщина. Сведения о находках человеческих костей чаще всего связаны со следами прицерковного кладбища или древнерусского могильника в слободке Грызловке указанного села (раскопки С. А. Изюмовой и М. И. Гоняного).
- ¹⁵ Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Хотинский Н. А. и др. Монастырщина II — неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона//Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 120—136. (Ротапринт).
- ¹⁶ Кроме указанных выше, см.: Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Мошинский А. П. и др. Археолого-географические исследования на Куликовом поле//АО 1982 г. М., 1984. С. 94; Фоломеев Б. А., Гоняный М. И., Гласко М. П. Работы Окско-Донской экспедиции//АО 1983 г. М., 1985. С. 91; Гоняный М. И., Мошинский А. П. Разведки и раскопки в районе Куликова поля//АО 1984. М., 1986. С. 47; Гоняный М. И. Исследования в районе Куликова поля//АО 1986 г. М., 1987. С. 57—58; Хотинский Н. А. Антропогенная трансформация ландшафтов Куликова поля и перспективы их охраны и восстановления//Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М., 1987. С. 69—87. (Ротапринт); Александровский А. Л. Антропогенная эволюция почв Куликова поля//Там же. С. 88—104; Недошивина Н. Г., Гоняный М. И. Археологические исследования в районе Куликова поля//Научные чтения. Археология Рязанской земли: Тезисы докладов. Рязань, 1988. С. 48—49. (Ротапринт); Зайцев А. К. К исторической географии южного пограничья Рязанского княжества в XII—XIV вв.//Там же. С. 46—47; Черная И. Л. Археологические памятники Рязанских засеков//Там же. С. 35—37.
- ¹⁷ Долгова С. Р. История Куликова поля в документах XVI—XVII вв.//Природа. 1984. № 8. С. 54—55; Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гуман М. А. Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет//Природа. 1985, № 12. С. 30—38; Хотинский Н. А. История и география Куликова поля//Знание. М., 1988. 64 с. Хотинский Н. А. Ковыль-трава на Куликовом поле//Мысль. М., 1988. 173 с.
- ¹⁸ См. примеч. 16.
- ¹⁹ ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Изд. 2-е. Стб. 432; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, С. 204, 203 (карта).
- ²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414—415; ЛПС — С. 108 (Ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 425); ПСРЛ. Т. XXV. С. 116.
- ²¹ Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д. и др. Куликово поле и его археологические памятники... С. 51—52; Зайцев А. К. К исторической географии южного пограничья Рязанского княжества... С. 46—47; Гоняный М. И., Недошивина Н. Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону//Культура и история средневековой Руси: Тезисы конференции, посвященной 85-летию А. В. Арциховского. М., 1987. С. 14—16. (Ротапринт).
- ²² Хотинский Н. А. Куликово поле//Лесная новь. 1987. № 2.

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ПРИРОДНАЯ СРЕДА ПРИУСТЬЕВОЙ ЧАСТИ НЕПРЯДВЫ

В междуречье Дона и Непрядвы, при их слиянии, расположен обширный пойменный массив с останцами и следами многочисленных старичных понижений. На этот участок было обращено особое внимание на начальном этапе исследований Куликова поля. Как показали археолого-географические исследования авторов на Средней Оке, проводившиеся в предшествующие годы, такие участки поймы наиболее перспективны для поиска археологических памятников, а суглинистые отложения поймы хранят ценнейшую информацию для изучения природного ландшафта в его историческом развитии, истории заселения и хозяйственного освоения исследуемого региона. Решение этих задач является одним из важнейших направлений научно-исследовательских работ на Куликовом поле.

Применяя разработанную на Средней Оке методику, основанную на комплексном археолого-географическом подходе¹, авторы провели детальное изучение пойменного массива в районе устья Непрядвы. Параллельно с археологическими исследованиями проводились геоморфологические, ландшафтные, палеогеографические (палеопочвенные, палинологические, палеогидрологические) и геофизические исследования. В результате на пойме были выявлены поселения эпохи мезолита, неолита, энеолита и средневековья, в том числе пока единственное в районе Куликова поля многослойное поселение Монастырщина II, которое благодаря своей стратиграфии стало одним из опорных памятников неолита Верхнего Дона². Суммируя все имеющиеся в настоящее время данные, авторы рассматривают в комплексе динамику развития природной обстановки и основные этапы заселения и хозяйственного освоения территории.

Геоморфологическое строение почвы

Единая на данном участке долина рек Дона и Непрядвы имеет асимметричное строение и глубоко врезана. Правый ее борт высокий и крутой с выходами коренных пород — плотных известняков карбона. Слабо меандрирующее русло Непрядвы прижато к берегу, образуя в излучине небольшой участок поймы, а ближе к устью —

лишь бечевник. Левый берег пологий, с комплексом слабо выраженных надпойменных террас. Днище долины, разработанное совместно обеими реками, занято поймой шириной до 300 м. Выделяются три уровня поймы: высокий, средний и низкий. Высокая пойма представлена редкими останцами и сложена ярко-бурыми пористыми суглинками и имеет высоту 6,0—6,5 м; ее русловая фация представлена разнозернистыми песками со щебнем и плохо окатанной галькой коренных пород и поднимается над урезом до 2,5 м.

Средняя пойма развита широко, имеет высоту 5,0—5,5 м и сложена аллювием преимущественно пойменных фаций суглинисто-супесчаного состава; ее русловая фация представлена разнозернистыми песками с галькой и щебнем коренных пород и поднимается над урезом до 0,5 м. Аллювий старичной фации залегает в виде линз различной мощности и протяженности и представлен иловатыми суглинками, глинами и илами с обилием растительных остатков. Низкая пойма развита фрагментарно в виде узких ступеней высотой до 1,5 м и сложена темно-серыми средними и тяжелыми суглинками. Отмечается подчиненность течения Дона направлению Непрядвы — после впадения Непрядвы его русло приобретает единое с последней субширотное простирание.

Как указывалось выше, наибольшее внимание при проведении комплексных исследований было обращено на пойменный массив в междуречье рек Дона и Непрядвы, в месте их слияния. Занимая относительно небольшую территорию, пойма здесь отличается сложным строением рельефа, свидетельствующим о динамической активности территории на протяжении всего периода формирования пойменного массива: неоднократные смещения русел оставили свои следы в старичных понижениях различного генезиса, возраста, морфологии и узких, вытянутых вдоль русел останцов высокой поймы, слабом развитии, практическом отсутствии низких надпойменных террас (рис. 1, 2).

Высокая пойма развита преимущественно на западе массива в виде узких, небольших по площади останцов, протянувшихся вдоль русла Непрядвы и местами подмываемых ею, а также на севере массива, на правом берегу Дона. Низкая пойма развита слабо, в основном на левобережье Дона. Основное пространство занимает средняя пойма. Поверхность ее характеризуется сочетанием ровных, почти плоских участков с различными по морфологии понижениями. Выделяются два морфологических типа понижений: овальные с плоским днищем, опущенным на 1—1,5 м ниже поверхности средней поймы — развиты на большей территории массива, в его центральной, южной и северной частях; узкие, значительно вытянутые, с днищем, опущенным до 2,0 м ниже поверхности, — тяготеют к правобережью Дона. Исследования отложений в них показали озерное происхождение этих понижений. Приведем описание типичного строения старичных понижений:

Скважина I — пробурена в центре овального понижения, расположенного на юге массива, высота устья скважины — 4,0 м над урезом.

- 1) 0,00—1,05 м — суглинок средний, темно-серый, тумусированный, зернистой структуры;
- 2) 1,05—1,85 м — суглинок средний, темно-серовато-бурый, с пятнами оглеения и ожелезнения, редкими включениями обломков ракушки, структура не выражена;
- 3) 1,85—2,45 м — суглинок тяжелый, более пестро окрашенный, оглеен и ожелезнен, с включениями бобовин;
- 4) 2,45—4,65 м — глина темно-серая, пластичная, с единичными марганцовистыми и железистыми включениями, на глубине 3,25—3,45 м — почти черная, с глубиной становится светло-серой и иловатой с обилием растительных остатков, единичными обломками известняка — аллювий старичной фации;
- 5) 4,65—5,90 м — песок глинистый, разнозернистый, светло-желтый, с включениями щебня, гравия, гальки.

Скважина VIII — пробурена в центре узкого понижения, расположенного на севере массива на правобережье Дона, параллельно его руслу, высота устья скважины — 3,75 м над урезом.

- 1) 0,00—1,056 м — суглинок средний и тяжелый, почти черный, до глубины 0,6 м зернистой структуры, пластичный, слабо иловатый, со следами оглеения;
- 2) 1,06—1,50 м — суглинок тяжелый, темно-серый, оглеен;
- 3) 1,50—1,87 м — глина сизо-темно-серая, со светло-желтыми пятнами, жирная, пластичная;
- 4) 1,87—7,00 м — ил светло-серо-голубой с линзочками тонкозернистого светло-серого песка, пластичный — аллювий старичной фации;
- 5) 7,00—7,20 м — щебенка и плохо окатанная галька известняка.

На данном этапе исследований старичных понижений можно предварительно говорить только об их относительном возрасте. Так, лучшая выраженность в рельефе озеровидных понижений правобережья Дона, развитие в этой части массива более молодого почвенного покрова в целом свидетельствуют об их более позднем

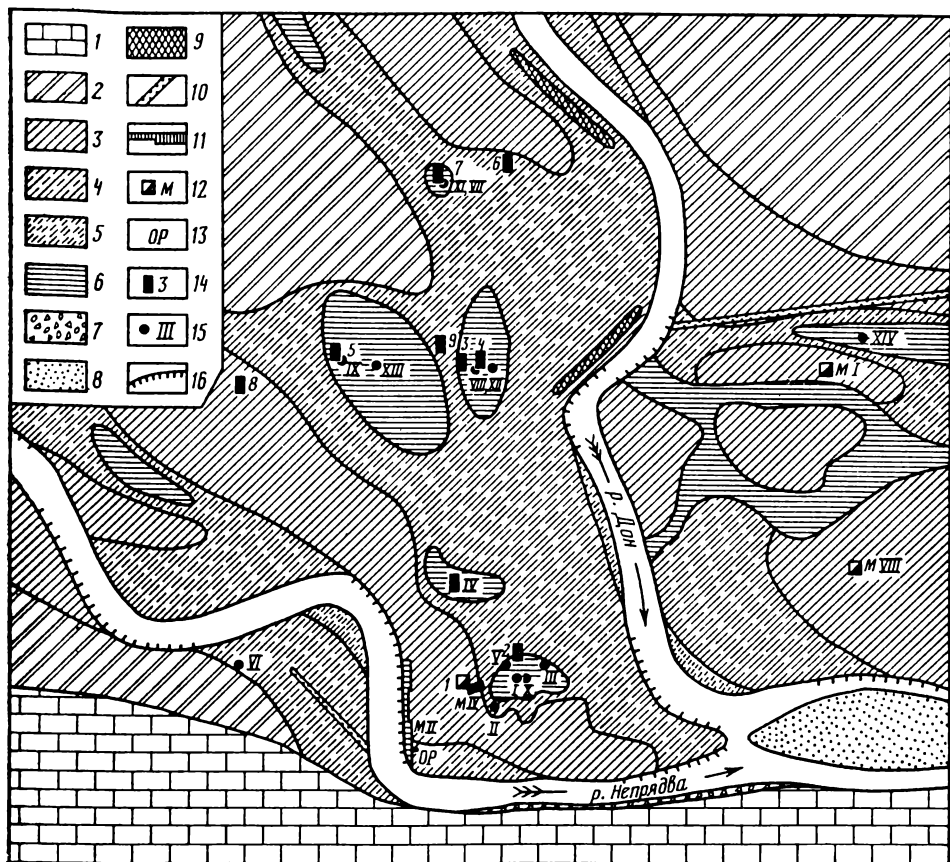

Рис. 1. Схема геоморфологического строения пойменного массива

1 — коренные склоны; 2 — первая надпойменная терраса; 3 — высокая пойма; 4 — средняя пойма; 5 — низкая пойма; 6 — старичные понижения; 7 — бечевник; 8 — намывной остров в русле Дона; 9 — эрозионные ложбины неустановленного генезиса; 10 — мелиоративные траншеи; 11 — археологический раскоп в районе поселения Монастырщина II; 12 — археологический памятник; 13 — опорный разрез поймы Непрядвы; 14 — шурфы; 15 — скважины; 16 — участки интенсивного подмыва берега

происхождении относительно озер, существовавших в центральной, южной и северной частях массива и в настоящее время представляющих собой мелкие плоскodonные понижения. Вопрос же, с руслом какой реки — Дона или Непрядвы — связано происхождение того или иного типа старичных понижений, остается открытым. В разрешении этого вопроса могут помочь комплексные исследования левобережья Дона, пойма которого характеризуется широким

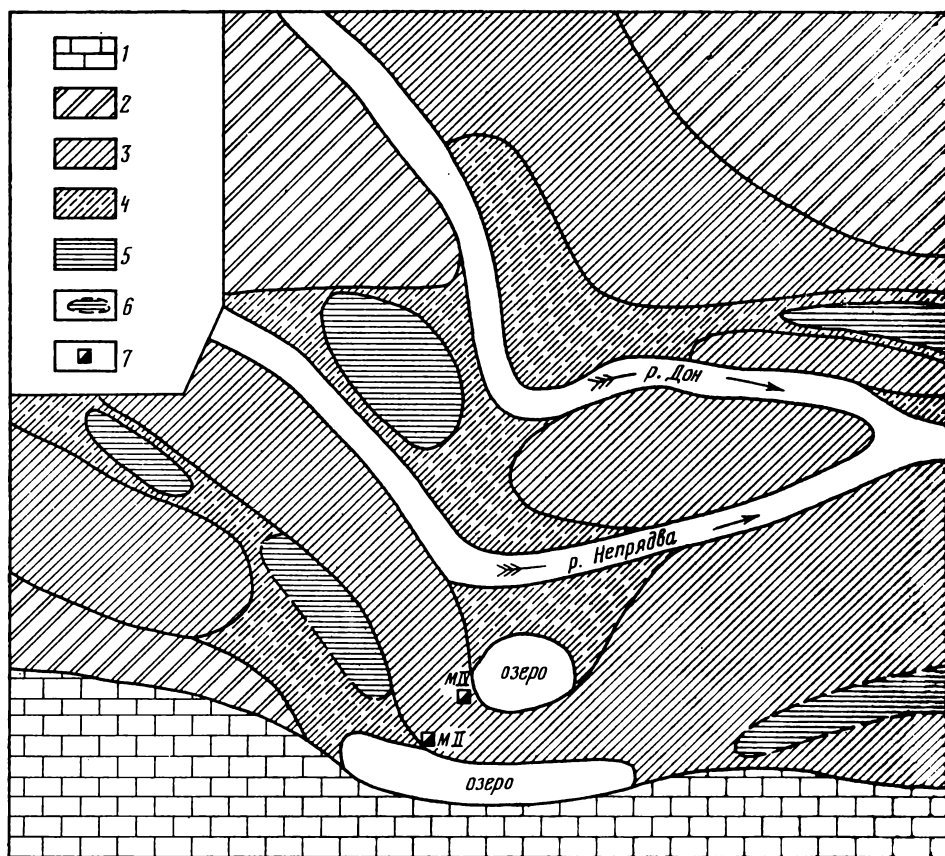

**Рис. 2. Схема реконструкции рельефа пойменного массива при слиянии
Неприядвы и Дона на конец IV—II тыс. до н. э.**

1 — коренные склоны; 2 — первая надпойменная терраса; 3 — высокая пойма; 4 — средняя пойма; 5 — старичные понижения; 6 — старичные понижения предполагаемые; 7 — поселения Монастырщина II и Монастырщина IV

развитием, в основном ее высокого уровня, субширотной системой плоскodonных приболоченных понижений озерного происхождения и следами в приречной части поймы недавно существовавшей протоки. С учетом имеющихся данных результаты исследований позволили бы установить генезис озер, последовательность их образования, а сведения о возрасте старичных отложений (по археологическим и радиоуглеродным данным) — время их образования, этапы развития, а также провести реконструкцию рельефа на ряд хронологических срезов.

Как было установлено, к одному из старичных понижений, расположенному на юге массива, привязано неолитическое поселение — Монастырщина IV. Старичное понижение имеет довольно распластанную форму, близкую к субширотному простираению, неровное днище с самыми низкими отметками в западной части ~4,0 м над урезом, фестонообразные борта. Длина его 140 м, ширина колеблется от 30 до 80 м.

На борту старичного понижения, на высоте 4,80—4,95 м над урезом, заложен шурф площадью 4 м². Вскрытые в нем горизонты имеют падение к центру понижения.

Описание отложений по северо-восточной стенке шурфа:

- 1) 0,00—0,07 м — дернина;
- 2) 0,07—0,32 м — суглинок легкий, темно-серый, гумусированный, зернистой структуры, продернован;
- 3) 0,32—1,00 м — суглинок легкий и средний, буровато-светло-серый, зернистой структуры, со слабо выраженной горизонтальной слоистостью за счет тонких прослоев светлой желтовато-серой супеси;
- 4) 1,00—1,30 м — суглинок средний, буровато-темно-серый, гумусированный, зернисто-порошистой структуры, слабо ожелезнен;
- 5) 1,30—2,00 м — суглинок средний, темно-серый с бурым оттенком, пористый, мелкокомковатой структуры, в нижней части горизонта обилие кротовин;
- 6) 2,00—2,40 м — суглинок средний — тяжелый, светло-буровато-желтый, ожелезненный, пористый, с обилием кротовин.

Отложения бортовой части понижения представлены: дерновой почвой (горизонт 2); аллювием приречной зоны осадконакопления (горизонт 3); аллювием внутренней зоны осадконакопления (горизонт 4), включая погребенную почву (горизонт 5). Отложения горизонта 6 относятся к более древнему аллювию высокой поймы.

В отложениях поймы левого берега Непрядвы, активно ею подмываемой, в 300 м выше устья, на участке резкого поворота русла на восток, обнаружено многослойное поселение Монастырщина II. Геоморфологическое положение поселения неоднородно. Северная его часть расположена на высокой пойме, южная — на средней (рис. 3). В разрезе поймы на территории стоянки четко прослеживаются причленение отложений разновозрастных уровней поймы — среднего и высокого, имеющих следующее строение:

- 1) суглинок легкий и средний, буровато-серый, гумусированный, зернистой структуры — современная слабо развитая дерновая почва мощностью 0,7 м;

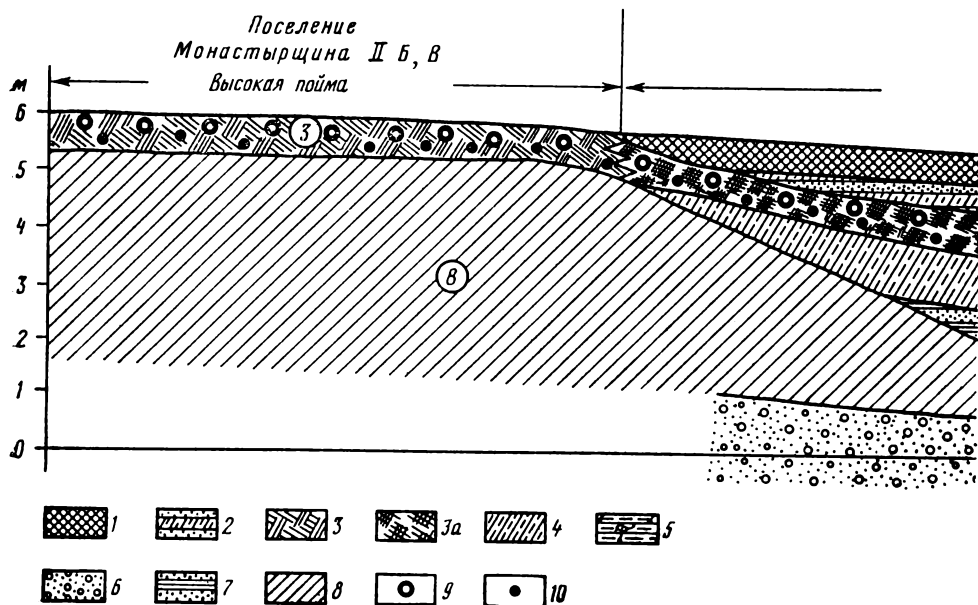

**Рис. 3. Разрез поймы Непрядвы в районе поселения Монастырщина II.
Литологические горизонты (1—8)**

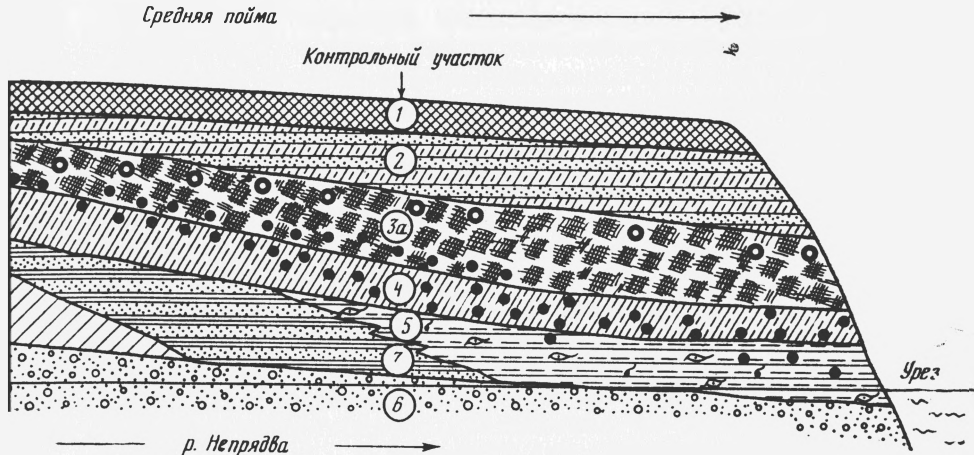
1 — почва дерновая; 2 — аллювий приречной зоны осадконакопления; 3 — почва черноземовидная; 3а — почва погребенная черноземовидная; 4 — аллювий внутренней зоны осадконакопления; 5 — аллювий старичной фации; 6 — аллювий русловой фации; 7 — аллювий переходной зоны осадконакопления; 8 — аллювий древней высокой поймы; 9 — археологический материал XII—XIV вв., 10 — археологический материал конца V — начала II тыс. до н. э.

2) суглинок линзовидно-горизонтально-слоистый: чередование прослоев суглинка среднего, буровато-серого и песка тонко-мелкозернистого, серо-желтого, мощностью 3—10 см; мощность горизонта увеличивается от нескольких десятков см в северной части разреза до 1,80 м в южной;

3) суглинок средний — тяжелый, темно-серый, гумусированный, зернисто-комковатой структуры — современная черноземовидная почва, развитая на останцах высокой поймы и низких надпойменных террасах, мощностью 0,7 м;

3а) сулинок средний, буровато-темно-серый, гумусированный, зернисто-комковатой структуры, в средней части, на глубине 1,80—2,0 м (глубина дается по опорному разрезу) прослой суглинка тяжелого, светло-бурого, с плохо выраженной структурой и единичными включениями угля и битой ракушки; ниже по разрезу суглинок более плотный, вязкий, с редкими включениями щебня известняка; на контакте с нижележащим горизонтом обилие кротовин

Поселение
Монастырщина II A
Средняя пойма

степных землероев — погребенная черноземовидная почва мощностью 0,60 м в северной части разреза и более 1,60 м в южной;

4) суглинок средний — тяжелый, скрытослоистый, серо-бурый, плотный, пористый, с мелкими карбонатными включениями и битой ракушкой; в верхней части горизонта обилие кротовин, включений угля, единичные остатки костей; признаки почвообразования прослеживаются почти по всей толще горизонта, мощность которого не превышает 1,0 м;

5) глина светлая, желтовато-серая; иловатая, пластичная, с пятнами ожелезнения и оглеения, обилием трубочек ожелезнения и единичными тонкими линзовидными прослоями светло-серого мелко-зернистого песка в верхней части горизонта; характерно обилие растительных остатков по всей толще — аллювий старичной фации, видимая мощность около 1,0 м; вниз по течению уходит под урез;

6) песок разнородный, преимущественно крупно-грубозернистый, желтовато-серый, с обилием гальки, гравия и щебня коренных пород — аллювий старичной фации; на участке средней поймы кровля ее поднимается над урезом на высоту до 0,5 м, а на участке древней поймы — до 2,5 м; уходит под урез;

7) линза горизонтально чередующихся прослоев бурого, мелкозернистого песка, мощностью до 5 см, и глины бурой, пластичной, мощностью до 4 см; максимальная мощность горизонта наблюдается в средней части линзы и достигает 1,5 м; вниз по течению отложения резко погружаются, замещаясь аллювием старичной фации;

8) суглинок средний — тяжелый, ярко-бурый, порошисто-комковатой структуры, с характерной столбчатой отдельностью и оби-

лием включений дутиков и журавчиков размером до 10 см; мощность горизонта колеблется от 4,5 до 6,0 м.

Отложения приведенного разреза поймы представлены: современными почвами — черноземовидной (горизонт 3), дерновой (горизонт 1); аллювием пойменных фаций средней поймы — аллювием приречной зоны осадконакопления (горизонт 2), внутренней зоны осадконакопления (горизонт 4), включая горизонт погребенной черноземовидной почвы (горизонт 3а), переходной зоны осадконакопления (горизонт 7); аллювием старичной фации (горизонт 5); аллювием русловой фации (горизонт 6); аллювием древней высокой поймы (горизонт 8).

Обращает внимание положение в разрезе черноземовидной почвы. На останце высокой поймы она (горизонт 3) развита на поверхности, на ярко-бурых пористых суглинках и имеет мощность около 0,7 м. При переходе к средней пойме наблюдается ее погружение под молодой слоистый аллювий (горизонт 2) со значительным увеличением мощности до 2,0 м (горизонт 3а). На поверхности средней поймы, на линзовидном горизонтально-слоистом суглинке, развита дерновая почва (горизонт 1).

Пестрый фациальный и литологический состав аллювия поймы свидетельствует об изменениях гидрологического режима системы Дон — Непрядва, положения их русел и темпов накопления аллювия на разных стадиях развития поймы за последние 6 тысяч лет, дополняя наши представления об истории развития рельефа, изложенные ниже.

Остановимся подробнее на характеристике почв территории и анализе совместно протекающих почвенных процессов и формирования аллювия, позволяющих рассмотреть генезис основных фаций аллювия поймы и восстановить историю развития рельефа пойменного массива. Приведенные ниже значения скоростей осадконакопления на пойме получены согласно разработанной методике, основанной на фациальном анализе отложений и определении возраста основных фаций аллювия по археологическим данным.

В пределах исследуемого пойменного массива специфические луговые почвы не встречены, а дерновые развиты ограниченно, лишь на участках с молодым слоистым аллювием. Наиболее широко развиты на пойме черноземовидные почвы (горизонт 3), по своим свойствам приближающиеся не к пойменным, а к водораздельным черноземным почвам. Такая дифференциация почв на пойме свидетельствует об ослаблении пойменного режима во время формирования черноземовидной почвы. В наибольшей степени это относится к северной части памятника, где она по мощности, структуре и другим свойствам сходна с водораздельными черноземами, формирующимися на лессовидных суглинках, близких к ярко-бурым суглинкам высокой поймы. Почва глубоко выщелочена от карбонатов, в гумусовом горизонте отмечается небольшое количество кварцевой присыпки, в подгумусовом горизонте развита ореховатая

структура. Все это сближает данную черноземовидную почву с черноземами оподзоленными или темно-серыми лесными проградированными почвами. Значительная облесенность поймы в недавнем прошлом подтверждается широким распространением серых лесных (оглеенных) почв в приустьевой части Непрядвы и на других участках поймы Дона и Непрядвы.

Следует отметить, что на высокой пойме (поселение Монастырщина II) признаков заметного накопления аллювия во время образования черноземовидной почвы (АТ—3, SB и SA периоды) не наблюдается. Вероятно, с неолита высокая пойма практически не заливалась в половодья.

На средней пойме, как следует из описания разреза, черноземовидная почва перекрывается линзовидно-горизонтально-слоистым молодым аллювием мощностью до 2,0 м. При этом отмечается резкое погружение почвы под молодые отложения вниз по течению, где отметки ее кровли опускаются до 2,5 м от поверхности. Профиль почвы хорошо развит и оструктурен, интенсивно гумусирован на большую глубину; признаки слитости и оглеения отсутствуют, характерно обилие кротовин степных землероев. Все это свидетельствует о высокой степени процесса черноземообразования, обусловленного, вероятно, ослаблением пойменного режима. Однако в отличие от высокой поймы, формирование черноземовидной почвы здесь шло с относительно постоянным накоплением аллювия и, возможно, с перерывами различной длительности. По данным почвенных исследований, формирование черноземовидной почвы на средней пойме началось, когда ее поверхность находилась приблизительно на середине горизонта 3а, т. е. на середине к настоящему времени погребенной почвы. Подтверждением этому может служить сохранение высоких скоростей накопления аллювия в ее нижней части — до 0,7 мм/год, определенных на присутствие в нем археологического материала второй половины III — начала II тыс. до н. э. и фактически являющейся продолжением скрытослоистых суглинков верхней части горизонта 4, переработанных наложенным почвенным процессом. При этом скорости накопления суглинка достигали в среднем 0,7 мм/год. Точно установить время начала формирования черноземовидной почвы сложно, т. к. уровень, с которого оно началось, впоследствии длительное время находился в сфере интенсивного воздействия почвенных процессов. Не вызывает лишь сомнения то, что это произошло после того, как человек покинул стоянку, т. е. не ранее начала II тыс. до н. э. По той же причине в горизонте 3а, его нижней части, не могут сохраниться следы процесса осадконакопления и его возможных перерывов, происходившего параллельно с почвенным. В течение всего периода формирования этой почвы процессы гумусообразования, переослаивания, зоогенного перемешивания почвенной массы распространялись на большую глубину и приводили к исчезновению слоистости отложений (гомогенизации) по вертикальному почвенному профилю. Средние скорости формирования отложений

верхней части погребенной черноземовидной почвы уже составляли 0,13 мм/год.

В аллювиальных отложениях высокой и средней поймы обращает внимание характер залегания археологического материала раннего неолита — позднего средневековья. В северной части памятника, на высокой пойме, материалы эпохи мезолита и неолита залегают в средней части черноземовидной почвы. В южной части памятника, где склон высокой поймы резко погружается, перекрываясь отложениями средней поймы, в районе контрольного участка материал эпохи раннего и развитого неолита лежит ниже гумусового горизонта погребенной черноземовидной почвы; материал позднего (пережиточного) неолита — в нижней части погребенной почвы. Далее, вниз по склону, погребенная почва включает лишь материал средневековья, культурные слои эпохи неолита расположены здесь ниже почвенного профиля. Это указывает на то, что в то время как на высокой пойме и верхней части ее склона интенсивно шло черноземообразование, на нижнем склоне высокой поймы и прилегающей к нему средней пойме и в старичном водоеме происходило накопление аллювия. Таким образом, наблюдается смещение во времени процесса почвообразования одного типа в зависимости от пойменного рельефа.

Как указывалось, погребенная черноземовидная почва перекрывает линзовидно-горизонтальными слоистыми сутлинками, относящимися к пойменной фации приречной зоны осадконакопления, аккумуляция которых проходила с большой скоростью, не менее 3 мм/год. Поэтому процессы почвообразования не успевали их переработать. Тем не менее почвообразование не прекращалось, и слабые признаки оструктуривания и накопления гумуса имеются во всем горизонте, перекрывающем погребенную почву.

Слоистый аллювий развит лишь в узкой полосе приречной части поймы рек Дона и Непрядвы на ее среднем уровне. Такая же закономерность в его распространении отмечается выше и ниже слияния этих рек. Генезис и начало формирования перекрывающего аллювия проблематичны. Мы можем допустить, что образование его могло быть связано, во-первых, с изменением гидрологического режима системы Дон — Непрядва в связи с возросшей хозяйственной деятельностью человека в XVII—XVIII вв., вызвавшей увеличение высоты половодий, их неравномерность, а следовательно и увеличение аккумуляции в приречной зоне поймы (при условии стабильности русел на предыдущих этапах развития поймы). Во-вторых, с неоднократными изменениями положения русел. Это допускает в период формирования черноземовидной почвы, начавшийся на средней пойме, как уже указывалось, не ранее начала II тыс. до н. э., положение Непрядвы у левого борта долины. Ответственным было и положение устья Непрядвы и русла Дона — севернее современного. В пользу этого предположения свидетельствует сам факт существования в аллювиальных отложениях поймы хорошо развитой черноземовидной почвы, что могло произойти при

ослаблении пойменного режима и длительной незаливаемости территории, сохраняющимся, видимо, вплоть до позднего средневековья, судя по наличию в погребенной почве близ контакта со слоистым аллювием археологического материала XIV в. В последующее время происходит смещение русла Непрядвы к правому борту. В результате исследуемый участок поймы входит в зону активных паводков и начинает перекрываться аллювием приречной зоны. При этом на интенсивность аккумуляции оказывает влияние и вступивший в XVII—XVIII вв. в эрозионно-аккумулятивный процесс антропогенный фактор. Отсутствие на остальной территории пойменного массива отложений фации приречной зоны, но более древней генерации, фиксирующих более раннее положение русел в пространстве, видимо, связано с последующим мощным почвенным процессом, уничтожившим слоистую структуру аллювия — в шурфах, заложенных во внутренней части пойменного массива, прослеживается хорошо развитая почва. Будущими детальными исследованиями почвенного покрова поймы и фациальным анализом пойменных отложений уточнятся вопросы происхождения и времени формирования слоистого аллювия. Это имеет важное теоретическое и практическое значение в связи с широким его развитием в долинах рек Европейской части СССР.

В настоящее время происходит замедление аккумуляции аллювия на средней пойме, и на молодом аллювии формируется дерновая почва с гумусовым горизонтом мощностью 30—35 см, с заметным и постепенным исчезновением слоистой структуры и образованием комковато-зернистой.

Древние поселения

На рассмотренном выше пойменном массиве в районе устья Непрядвы были выявлены четыре древних поселения (памятника): многослойное поселение Монастырщина II на левом берегу Непрядвы, неолитическая стоянка Монастырщина IV в юго-западной части пойменного массива и два древнерусских селища — Монастырщина VIII и Татинки I на левом берегу Дона ниже впадения в него Непрядвы.

Поселение Монастырщина II

Поселение занимает небольшой участок высокой и средней поймы на левом берегу Непрядвы протяженностью около 100 м. Активный подрез левого берега Непрядвы, начавшийся, по-видимому, несколько столетий назад, уничтожил значительную часть памятника, и в настоящее время распространение культурного слоя в глубь берега не превышает 10—15 м. Северная, наиболее возвышенная часть памятника (до 6 м над урезом воды в реке) расположена на останце высокой поймы, южная — на средней пойме, имеющей высоту 5—5,5 м. Раскопками вскрыта полоса вдоль бе-

рега Непрядвы шириной до 6 м и длиной 66 м. Общая площадь раскопок составила 396 м², из которых 110 м² приходится на южную часть памятника, где мощность вскрытых отложений достигала 5,5 м (описание разреза берега в районе стоянки приводилось выше).

Неоднородность геоморфологического строения территории памятника и литологического состава отложений, включающих культурные слои, нашла отражение и в характере залегания археологического материала (см. рис. 3). Культурный слой поселения на всем протяжении не имеет четких верхней и нижней границ, не выражен цветом или составом и приурочен к разным литологическим горизонтам. Кроме того, он значительно варьирует по мощности. В северной части памятника находки эпохи мезолита, неолита и средневековья залегают в верхней части останца древней поймы, в черноземовидной почве, до глубины 0,4—0,5 м от поверхности. К югу, вниз по склону, на участке сочленения высокой и средней поймы, наблюдается постепенное погружение культурного слоя и увеличение его мощности. Между средневековым и неолитическим слоями появляется стерильная прослойка, также увеличивающаяся к югу. Глубина залегания средневекового материала в южной части памятника достигает 1,95 м, неолитического — 2,7—4,9 м. Мезолитический материал при переходе от высокой к средней пойме исчезает, а количество средневекового резко падает. В южной части поселения меняется характер неолитического материала — появляются новые типы керамики, отсутствующие в северной части поселения.

Исходя из существенных различий между южной и северной частями поселения Монастырщина II, заключающихся в особенностях геоморфологического строения территории, разных гипсометрических уровнях залегания культурных слоев, а также в планиграфическом распределении находок разного возраста, мы выделяем на рассматриваемой территории стоянку II А в южной ее части на участке средней поймы, стоянку II Б и средневековое селище II В в северной части на участке высокой поймы.

Стоянка Монастырщина II А

Культурный слой неолитического времени в отложениях средней поймы значительно варьирует по мощности и имеет разную насыщенность находками. При переходе от высокой поймы к средней он залегает со значительным уклоном, имеет мощность до 1 м и слабо насыщен находками. В центральной части стоянки, в районе контрольного участка, наблюдается относительно ровное залегание культурного слоя и возрастание количества находок. Средняя его мощность здесь составляет 1,4 м. Он залегает в нижней части погребенной почвы (горизонт 3А) и в серо-буrom суглинке (горизонт 4) на глубине 2,35—3,75 м. Исходя из стратиграфического распределения находок, культурный слой может быть под-

разделен на три горизонта: верхний — глубина 2,35—2,8 м, средний — глубина 2,8—3,55 м с подразделением его на два яруса с ориентировочной границей между ними на глубине 3,1 м и нижний — глубина 3,55—3,75 м (глубины даны по контрольному участку). К югу от контрольного участка культурный слой продолжает погружаться и достигает глубины 2,7—4,9 м. Здесь он залегает не только в горизонте 4, но и в горизонте 5, то есть в старичных отложениях, что свидетельствует о синхронности старичного водоема и стоянки. Однако находок здесь обнаружено очень мало.

Находки со стоянки II А представлены 180 фрагментами сосудов, 14 каменными орудиями, 25 отщепами и обломками кремня, двумя обломками изделий из кости, глиняной головкой животного и костями животных. Ниже рассматриваются находки, происходящие из центральной части стоянки, где наблюдается относительно ровное залегание культурного слоя и хорошая стратиграфия.

В нижнем горизонте встречены единичные фрагменты тонкостенных сосудов коричневого цвета с примесью песка. Поверхность фрагментов гладкая. Орнамент в виде мелких нечетких наколов имеется только на одном фрагменте.

В этом же горизонте найдены обломок обушковой части долота (рис. 4, 13) и рубящего орудия, переоформленного в поперечный резец.

Средний горизонт имеет мощность в центральной части стоянки 0,75 м и отличается большей насыщенностью находками по сравнению с нижним горизонтом. В нем встречено 60 фрагментов сосудов, четыре кремневых орудия и 16 отщепов. Материалы нижнего и верхнего ярусов этого горизонта тесно связаны и характеризуются преобладанием в них ямочно-гребенчатой керамики.

В нижнем ярусе ямочно-гребенчатая керамика относительно толстостенная (6—8 мм) с зональной орнаментацией. Ямки глубокие, и от них на внутренней поверхности образованы бугорки-негативы. Форма ямок различная: круглая коническая, узкая овальная и полуовальная, а также овальная с рваными краями и неровным дном (рис. 5, 8—14). Зоны, орнаментированные ямками, разделены несколькими рядами наклонных, иногда слегка изогнутых отрисков мелкозубчатого штампа или мелких ямок-наколов. Керамика, орнаментированная овальными ямками с неровным дном, имеет следы полосчатого сглаживания на внутренней поверхности и примесь толченой ракушки в тесте. В глиняном тесте остальной керамики имеется примесь песка, в том числе и крупнозернистого, а иногда — дресвы.

В верхнем ярусе отсутствует керамика, орнаментированная коническими и узкоовальными ямками, преобладает овальноямочная с неровным дном и появляется ромбоямочная керамика (рис. 5, 1—7). Оттиски гребенчатого штампа употребляются редко и выполняют преимущественно роль разделителя зон. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, заходит на внутреннюю поверхность венчиков и наносится на уплощенные бортики, но на ту-

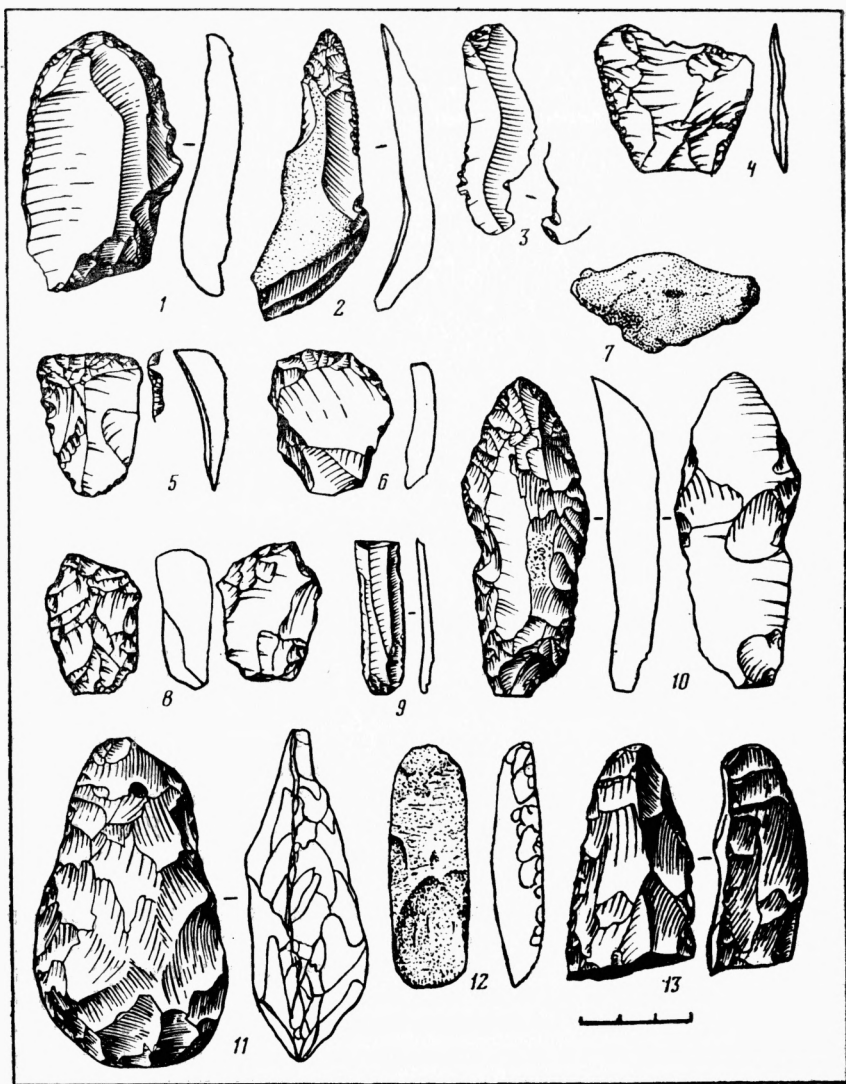

Рис. 4. Стоянка Монастырщина II А

1—8, 10 — находки верхнего горизонта; 9, 11, 12 — находки среднего горизонта; 13 — находки нижнего горизонта

лове встречаются и неорнаментированные зоны. Появляются геометрические мотивы, ямочный орнамент иногда наносится в отступающей манере. Один из сосудов орнаментирован по тулову рядами крупных овальных ямок и диагональными рядами мелких ямок,

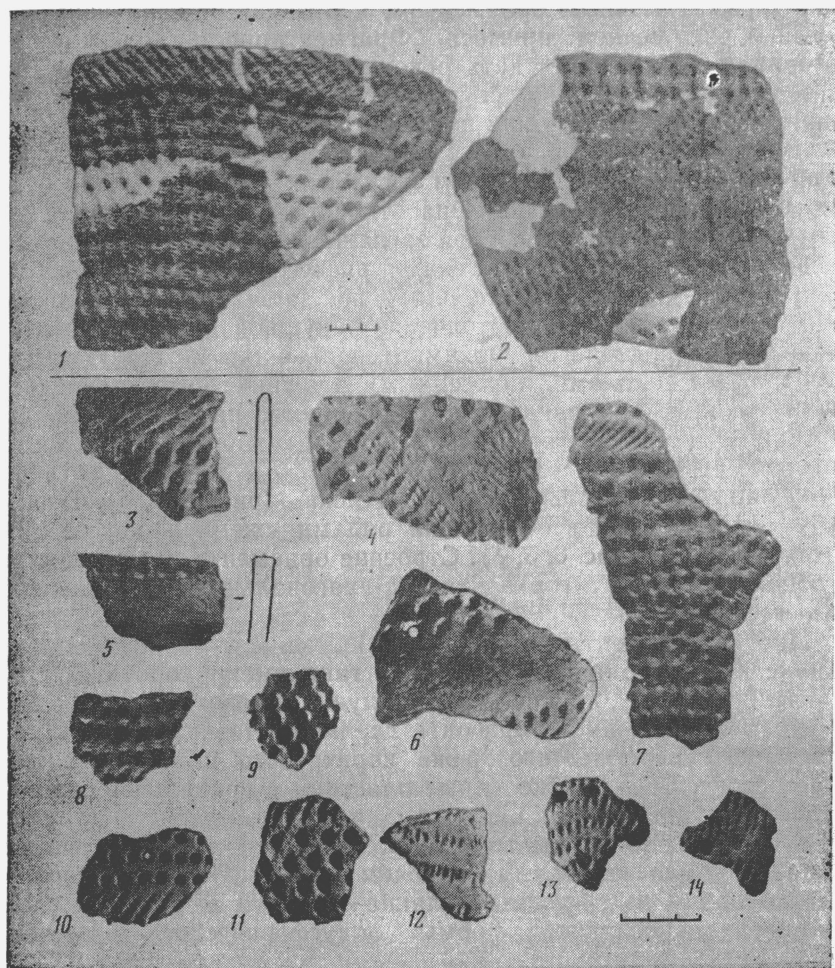

Рис. 5. Стоянка Монастырщина II А. Керамика среднего горизонта
1—7 — верхний ярус; 8—14 — нижний ярус

нанесенных в отступающей технике (рис. 5, 2). Ромбические ямки на керамике верхнего яруса двух разновидностей: 1 — крупная правильная ромбическая ямка с резкими углами и глубоким пирамидальным дном; 2 — неглубокая ромбоидальная ямка мягких очертаний с оттисками ткани или шнура на дне (рис. 5, 1, 4)³. Венчик, бортик венчика и верхняя часть внутренней поверхности одного из сосудов с ромбическими ямками второй разновидности орнаментированы перекрещивающимися оттисками гребенчатого

штампа и идущим ниже рядом глубоких конических ямок. Керамика с ромбоямочным орнаментом, в отличие от овальноямочной, не имеет ракушечной примеси. Фрагментарность керамического материала не позволяет дать реконструкцию форм сосудов. Можно только отметить, что сосуды имели непрофилированную верхнюю часть, скругленный или плоский бортик.

В верхнем ярусе среднего горизонта появляется, получая большее распространение в верхнем горизонте, керамика резко отличная от ямочно-гребенчатой. Она относительно тонкостенная (4—5 мм), красного цвета, с ровной заглаженной, иногда подлощенной внешней поверхностью, со следами расчесов изнутри, а иногда и снаружи (рис. 6, 1—8). Тесто ее плотное за счет значительной примеси песка, иногда с мелкотолченой ракушкой. Орнамент мелкий, тщательно выполненный. Орнаментирована она подтреугольными и овальными наколами, нанесенными в технике «отступающей палочки», узкими ромбовидными вдавлениями, разделенными рядами тонких насечек и наклонных оттисков мелкого гребенчатого штампа. Встречается своеобразный штамп в виде короткого имеющего слабый S-образный изгиб оттиска (рис. 6, 2, 6). Верхняя часть сосудов иногда оформлена рядами «жемчужин», чередующихся с ямками (рис. 6, 3, 8). Строение орнамента преимущественно зональное, реже с горизонтально-диагональным расположением элементов.

Иногда элементы орнамента выполнены в отступающей технике. Сосуды с орнаментом этого типа имеют короткую, слабо выделенную шейку, плавно переходящую в тулово.

Кремень в среднем горизонте преимущественно низкого качества, серого, серо-желтого, реже коричневого цвета. В нижнем ярусе встречены две ножевидные пластины с правильной огранкой (рис. 4, 9) и четыре отщепа, в верхнем — два орудия и 10 отщепов, в том числе тесло асимметричное в сечении, с горбатой спинкой, расширяющимся округлым рабочим краем и единственное на стоянке орудие из глинистого сланца — долото желобчатое, полированное, узкоовальной формы, полусферическое в сечении (рис. 4, 12).

Верхний горизонт в центральной части стоянки имеет мощность 0,45 м. Здесь встречены 59 фрагментов сосудов, 8 кремневых орудий и 12 отщепов.

Ямочно-гребенчатая керамика в верхнем горизонте претерпевает существенные изменения (рис. 6, 9—16). Поверхность большинства фрагментов бугристая, крупные рельефные разнонаправленные расчесы покрывают не только внутреннюю, но часто и внешнюю поверхности. Примесь ракушки встречается редко, но в ряде фрагментов отмечена известняковая крошка и органическая примесь. В узоре заметна небрежность. Преобладает зональная орнаментация с шахматным или строчечным расположением ямок, которая иногда сочетается с геометрическими мотивами, выполненными чаще всего гребенчатым штампом. Ямки на керамике верх-

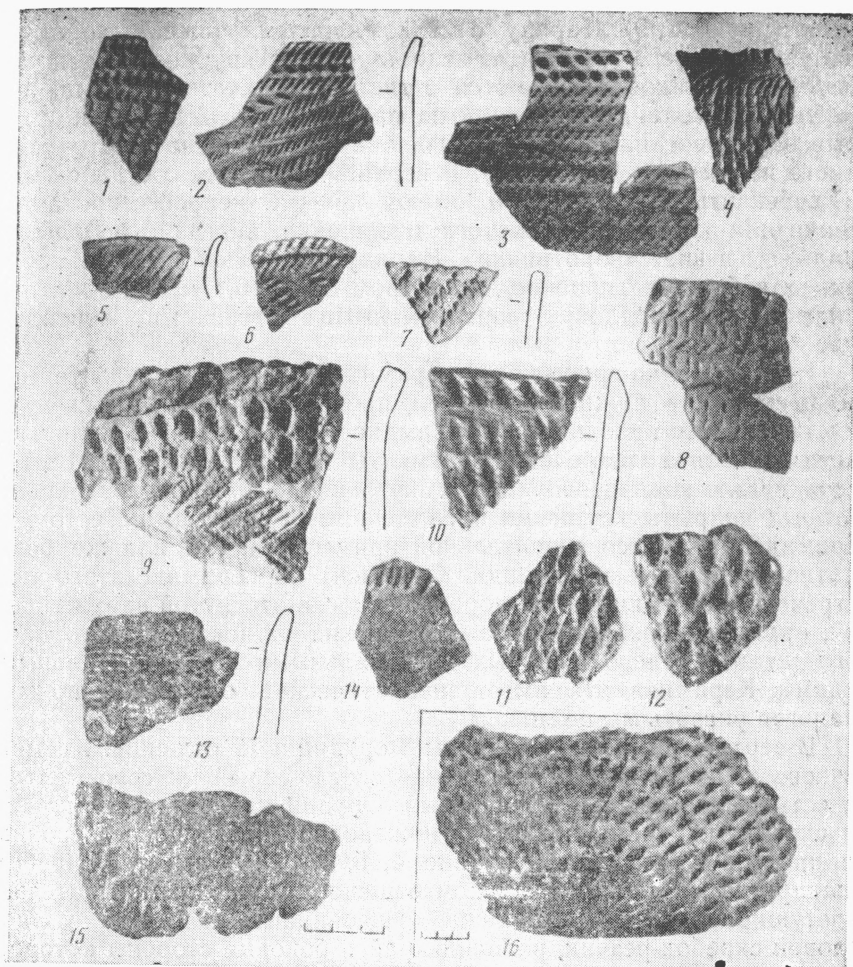

Рис. 6. Стоянка Монастырщина II А

1—3, 7, 9—16 — керамика верхнего горизонта; 4—6, 8 — керамика среднего горизонта

него слоя разнообразны и в ряде случаев отличаются нечеткостью форм. Встречаются овальные ямки с неровным, зубчатым дном или отпечатками шнура на дне (рис. 6, 9, 15, 16), а также глубокие узкие ромбические, ромбические с отпечатками шнура или ткани на дне, ромбоидальные с плоским рубчатым дном (рис. 6, 10—13). Рубчатость может объясняться отпечатками ткани, но нечеткость отпечатков не позволяет говорить об этом уверенно. Отпечатки гребенки применяются в орнаментации керамики верхнего горизонта.

зонта гораздо чаще, чем среднего. Они располагаются горизонтальными или диагональными рядами, или образуют елочную композицию (рис. 6, 7, 9). Наряду с мелкозубчатым штампом, характерным для среднего горизонта, используется и крупнозубчатый. На бортиках венчиков встречаются оттиски гребенчатого штампа или оттиски веревочки, намотанной на палочку. Вертикальными оттисками веревочки, намотанной на палочку, орнаментирована и шейка одного из сосудов (рис. 6, 13). В верхнем горизонте сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом имеют прямые непрофилированные стенки или короткие слабоогнутые шейки, иногда с небольшим наплывом в виде «воротничка». Наряду с круглым днищем, встречены и небольшие плоские, диаметром около 0,1 м, орнаментированные по поддону вертикальными оттисками веревочки (рис. 6, 14).

Кроме ямочно-гребенчатой керамики в верхнем горизонте, преимущественно в нижней его части, продолжала встречаться поздняя гребенчато-накольчатая керамика (рис. 6, 1—3). В верхней части горизонта встречены фрагменты толстостенных (0,01 м) сосудов светло-коричневого цвета, внутренняя и внешняя поверхности которых покрыты крупными параллельными расчесами. Тесто этой керамики рыхлое со значительной примесью песка или же более плотное с примесью ракушки. Орнамент на керамике этого типа встречен лишь один раз на короткой слегка отогнутой наружу шейкой, орнаментированной рядами коротких оттисков мелкого плоского штампа, расположенных диагональными и горизонтальными рядами. Керамика эта имеет энеолитический облик, но прямых аналогов указать мы не можем.

В верхнем горизонте найдены 8 орудий и 12 отщепов. Кремень низкого качества, преимущественно светло-серый и серо-желтый, но есть темно-серый и коричневый. Орудия представлены четырьмя скребками, тремя ножами и ножевидной пластиной с неровными краями. Среди скребков (рис. 4, 5, 6, 8, 10) имеется скребко-ложкарь на массивном овальном отщепе с зауженным, тщательно отретушированным со спинки клювовидным рабочим концом угловой скребко-резчик, рабочий край и боковые стороны которого обработаны крутой ретушью, а спинка — плоской отжимной, с выступом на углу, который выделен ретушью и имеет следы сильной сработанности; скребок на подтреугольном отщепе изогнутого профиля, имеющем утолщение к рабочему краю. Ножи изготовлены на пластинчатых отщепах (рис. 4, 1, 2, 4). Среди них выделяется нож-острие на вытянутом подтреугольном отщепе с узким, тщательно отретушированным концом.

Из верхнего горизонта происходит и глиняная головка животного, по-видимому, теленка (рис. 4, 7). Головка имеет округлые ушки, крутой лоб и вытянутую морду, заканчивающуюся уплощенным широким носом.

Стоянка Монастырщина II Б

Находки неолитического времени залегают преимущественно в средней части черноземовидной почвы на глубине 0,2—0,5 м. Всего найдено 59 фрагментов сосудов, 19 кремневых орудий, 28 обломков кремня и отщепов. Незначительное количество материала, его распыленность по площади (250 м²), а также нарушение культурного слоя строениями средневекового времени не позволили использовать на этом памятнике метод стратиграфического членения культурного слоя, как это было сделано для стоянки Монастырщина II А.

Большая часть керамики имеет ямочно-гребенчатую орнаментацию при преобладании ямочных вдавлений. Ямки разных форм: ромбические, овальные, подпрямоугольные и квадратные. Ромбические ямки нескольких разновидностей: четкие правильные с глубоким пирамидальным дном, гладкими или рубчатыми стенками (семь фрагментов); маленькие узкие (один фрагмент); ромбидальные с плоским рубчатым дном (два фрагмента) — (рис. 7, 1, 2, 3, 5). Овальные ямки глубокие резкоочерченные с отходящей от них глубокой канавкой-бороздкой и отпечатками текстиля на дне (семь фрагментов) и неглубокие мелкие (два фрагмента) — (рис. 7, 6—9). Овально-подпрямоугольные ямки имеют трубчатое дно (семь фрагментов). Нечеткость этих отпечатков на дне не позволяет определить характер штампа — был ли он твердым или текстилем, намотанным на палочку (рис. 7, 10, 11, 14). Квадратные ямки с наклонным дном нанесены плоской палочкой, поставленной под углом к поверхности сосуда (шесть фрагментов) — (рис. 7, 12—15). Ромбические ямки расположены в шахматном порядке, овальные, прямоугольные и квадратные в строчечном, иногда в отступающей, почти скорописной манере. Встречается многорядный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом (тринадцать фрагментов). На некоторых фрагментах оттиски гребенчатого штампа разделены рядами ямок с отпечатками веревочки на дне (рис. 7, 17). Кроме керамики с ямочным и гребенчатым орнаментом встречены фрагменты сосудов, орнаментированные параллельными рядами оттисков слегка S-образно изогнутого плоского штампа, по-видимому, костяной пластины (шесть фрагментов) (рис. 7, 16, 18) и два фрагмента с отпечатками шнура (рис. 7, 4). Орнаментом, по-видимому, заполнялась вся поверхность сосудов, т. к. неорнаментированных участков на керамике нет. Ямки располагаются рядами в шахматном порядке, геометрические мотивы в орнаментике отсутствуют.

Внутренние и внешние края сосудов, как правило, оформлены рядами косо поставленных отпечатков гребенки или веревочки, накрученной на палочку.

Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 5—8 мм. Более тонкостенная (5—6 мм) керамика орнаментирована узкими ромбическими, квадратными ямками и гребенчатым штампом. От-

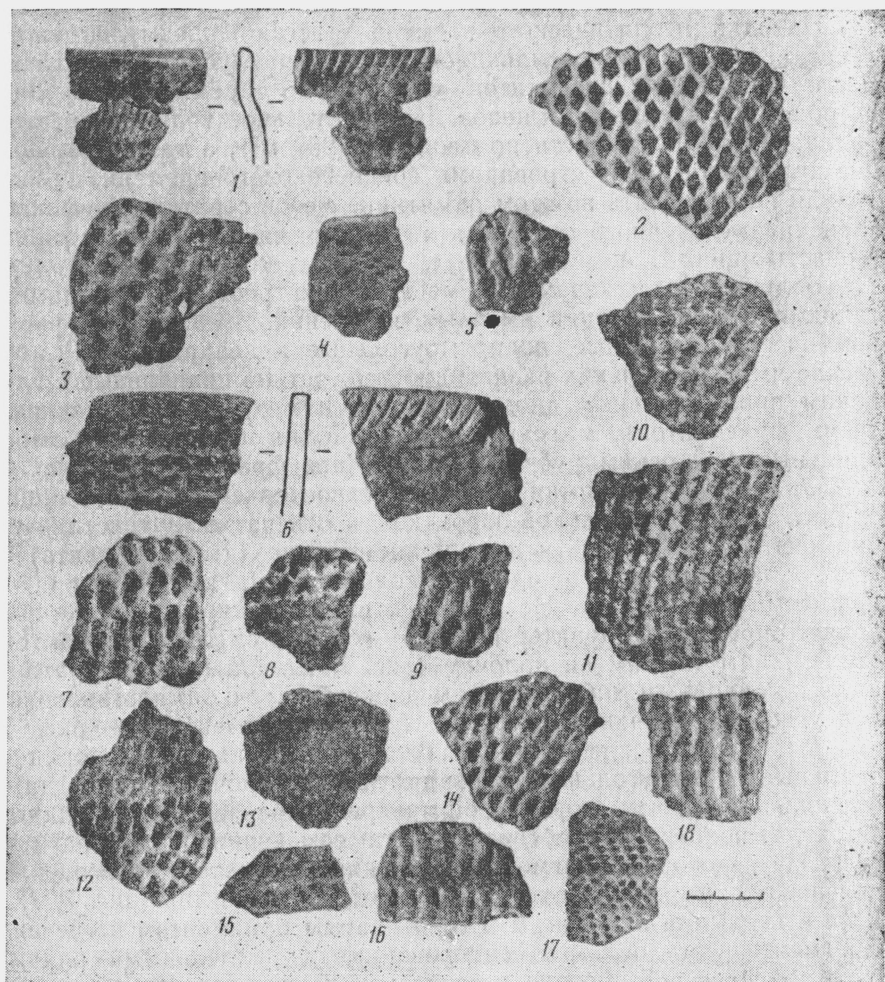

Рис. 7. Стоянка Монастырщина II Б. Керамика

носителем толстостенная керамика (7—8 мм) орнаментирована овальными ямками с узким концом. На внутренней поверхности большинства фрагментов имеются параллельные или разнонаправленные расчески. В глиняном тесте керамики, орнаментированной ромбическими ямками и плоским штампом, имеется значительная примесь песка, в керамике, орнаментированной гребенчатым штампом, овальными и подпрямоугольными ямками — органическая примесь.

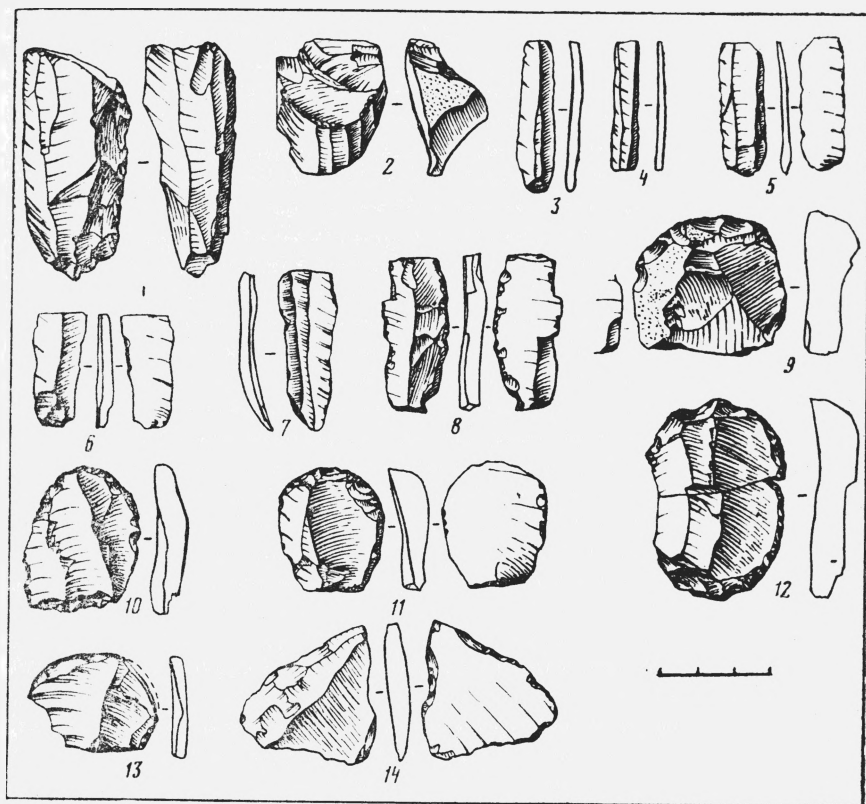

Рис. 8. Стоянка Монастырщина II Б. Кремневый инвентарь

Каменный инвентарь стоянки состоит из 19 изделий и их обломков, в том числе из шести скребков, мелкого рубящего орудия с черешком, трех нуклеусов, девяти ножевидных пластин, 28 обломков и отщепов кремня. Кремнь, так же как и на стоянке II А, светло-коричневых и темно-серых тонов преимущественно низкого качества, но есть и темно-серый, по-видимому, из меловых отложений (три экземпляра). Среди отщепов много широких пластинчатых без ретуши (одиннадцать экземпляров). Имеется нуклеус торцевого типа скалывания и сколы площадок подпризматических нуклеусов (рис. 8, 1, 2). Ножевидные пластины, как правило, хорошо ограненные, призматические с мельчайшей нерегулярной ретушью по краям (рис. 8, 3—7). Одна более толстая пластина из темно-серого мелового кремня имеет резцовый скол, снимающий часть ретуши (рис. 8, 8). Скребки все концевые на широких пластинча-

тых отщепах с неотретушированной спинкой, полукруглым рабочим краем, сформованным преимущественно крупной неровной ретушью, нередко заходящей на боковые стороны (рис. 8, 9—13). Один скребок в процессе работы был сломан, после чего один из его обломков был использован вторично — по его боковой стороне была нанесена ретушь, перекрывающая слом. Две половинки скребка были найдены в одном слое, на расстоянии 7 м один от другого (рис. 8, 12).

Рассмотренный выше керамический и кремневый инвентарь, происходящий со стоянки Монастырщина II, позволяет наметить основные этапы заселения памятника и направления, с которых это заселение осуществлялось.

Большая часть керамики стоянки II Б имеет прямые аналоги на памятниках позднего неолита Верхней Оки, Десны, Сожа. Для поздненеолитических стоянок этих территорий характерна керамика с мелкими ромбическими или ромбическими ямками, имеющими плоское рубчатое дно, овальными ямками с оттисками шнура или ткани на дне, в том числе и ямками с отходящими от них глубокими бороздками⁴. Квадратные ямки встречаются на керамике позднего неолита Северной Украины. На Десне время появления керамики, судя по материалам хорошо стратифицированной стоянки Гришевка, относится к концу III тыс. до н. э.⁵ По-видимому, к более раннему времени относится ромбоямочная керамика с глубоким пирамидальным дном, которая также имеется на стоянке II Б. Кремневый инвентарь, как нам кажется, нельзя весь связывать с обнаруженной на стоянке керамикой. Так, призматические ножевидные пластины, нуклеусы, мелкое рубящее орудие с черешком, по-видимому, относятся к позднемезолитическому времени. Концевые скребки на широких отщепах с неотретушированной спинкой и полукруглым рабочим краем имеют широкое распространение на памятниках эпохи мезолита и неолита южной части лесной и лесостепной зон, но в большей степени они все же свойственны неолиту Верхней Оки, Десны и Сожа⁶.

Для стоянки II А, кроме общих хронологических рубежей существования, можно наметить в общих чертах хронологические рамки выделенных на ней культурных горизонтов. Имеющиеся же в нашем распоряжении две радиоуглеродные даты, полученные из старичных отложений, позволяют уточнить время возникновения и окончания жизни на ней.

Незначительное количество и фрагментарность материала, происходящего из нижнего горизонта, не позволяют определить культурную принадлежность древнейших обитателей стоянки. Можно только предположить, что это были представители одной из групп племен гребенчато-накольчатой керамики, распространившихся в конце V—IV тыс. до н. э. на значительные территории в лесостепной и лесной зонах Европейской части СССР. Для уточнения времени возникновения стоянки имеет значение находка аналогичной керамики в старичных отложениях в южной части

стоянки на глубине 4,9 м. Древесина, взятая из этих отложений с глубины 4,95—5,05 м, дала дату 6340 ± 30 тысяч лет назад (ИГАН 517). Таким образом, радиокарбоновая датировка отложений, характер и стратиграфическое положение керамики, встреченной в нижнем горизонте, позволяют отнести время возникновения стоянки II Б к концу V или началу IV тыс. до н. э.

Материалы среднего горизонта имеют широкий круг аналогий, преимущественно в культурах ямочно-гребенчатой керамики лесостепной и южной части лесной зон. Встреченная в нижнем ярусе среднего горизонта керамика, орнаментированная рядами круглых конических ямок, разделенных двумя—тремя рядами мелких ямок-наколов или оттисков мелкого гребенчатого штампа, достаточно хорошо известна на стоянках раннего этапа ямочно-гребенчатого неолита, датирующегося IV — началом III тыс. до н. э.⁷ Керамика с узкоовальной и полуовальной ямкой является древнейшей для памятников долговского типа, время появления которых на Дону относится ко второй половине IV тыс. до н. э.⁸ Керамика, орнаментированная овальными ямками с рваными краями и неровным дном, появляется уже на раннем этапе развития ямочно-гребенчатой керамики лесостепной зоны, но наибольшее распространение получает в последующее время⁹. Присутствие в нижнем ярусе ножевидных пластин также может служить указанием на относительно ранний его возраст.

В верхнем ярусе среднего горизонта ямочно-гребенчатая керамика имеет признаки, характерные для развитой и поздней ямочно-гребенчатой керамики лесостепной и частично южной части лесной зон. К этим признакам относятся разнообразие форм ямочного орнамента, преобладание в орнаменте овальной ямки при подчиненной роли гребенчатых отпечатков, применение ямки с отпечатками шнура или ткани на дне, наличие неорнаментированных зон, геометрических мотивов орнамента и мотива «отступающей палочки». Эти признаки характерны для керамики среднего слоя Долговской стоянки, датируемого первой половиной и серединой III тыс. до н. э., для керамики второго этапа рязанской культуры, относимого И. К. Цветковой к этому же времени. Эти же признаки становятся определяющими в ямочно-гребенчатой керамике Северной Украины к середине III тыс. до н. э.¹⁰ Тесло с горбатой спинкой и долото с желобчатой, найденные в верхнем ярусе, также являются орудиями, характерными для развитого неолита, в том числе для второго этапа рязанской культуры¹¹. Приведенные выше данные позволяют датировать средний горизонт в пределах второй половины IV — середины III тыс. до н. э.

Верхний горизонт содержит материал, отличающийся значительным разнообразием, что является характерной чертой для Долговской и других верхнедонских пойменных стоянок¹². Значительная часть керамики имеет признаки, характерные для керамики пойменных поселений позднего или пережиточного неолита и энеолита верхнего и среднего Подонья, датирующихся второй полови-

ной — началом II тыс. до н. э. Для пережиточного неолита этого района А. Т. Синюк отмечает наличие на поселениях двух типов керамики: ямчатой, орнаментированной крупными неровными ямками, и гребенчато-ямчато-зубчатой. В. П. Левенок к этому же времени относит распространение ямок, имеющих рубчатые днища, ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа, елочной композиции орнамента, плоских днищ с вертикальными оттисками штампа на поддоне¹³. Все эти признаки имеются и на керамике верхнего горизонта.

Ромбо-ямочный орнамент на керамике верхнего горизонта представлен вытянутыми ромбическими ямками и ямками с плоским рубчатым дном. Обычно такие ямки называют наиболее поздней разновидностью ромбического орнамента, получившего распространение в конце III — начале II тыс. до н. э.¹⁴ Подтверждением этой даты может служить сочетание на одном из фрагментов ямок с плоским рубчатым дном и вертикальных оттисков веревочки, образующих пояс в верхней части сосуда, т. е. элементом широко распространенным в катакомбное время¹⁵. Поздненеолитический и энеолитический облик имеет и кремневый инвентарь верхнего горизонта. Такие орудия, как скребки-ложкари, скребки-резчики, обычны для поздненеолитических памятников Средней и Верхней Оки¹⁶. Таким образом, исходя из приведенных выше сопоставлений, последний период существования стоянки можно отнести ко второй половине или концу III — началу II тыс. до н. э. Отметим, что радиоуглеродный анализ древесины, взятой из верхних отложений старицы, показал возраст 3930 ± 50 лет назад (ИГАН-515), т. е. начало II тысячелетия. Дата эта, фиксирующая последний период существования водоема до начала его усыхания, хорошо коррелируется с концом существования стоянки, определенным по археологическим данным.

Для определения хронологического и культурного соотношения стоянок II А и II Б важно отметить, что керамика и кремневый инвентарь среднего слоя стоянки II А тяготеют к материалам других памятников Верхнего Дона и прежде всего Долговской стоянки. Однако уже в верхнем ярусе среднего горизонта стоянки II А встречена керамика, орнаментированная ромбической ямкой с глубоким пирамидальным дном, которая в большей мере характерна для стоянки II Б.

В керамике верхнего горизонта стоянки II А еще много черт, позволяющих не отрывать ее от пережиточно неолитических или энеолитических керамических комплексов Верхнего Дона. В то же время в ней много общего с керамикой стоянки II Б, которая имеет прямые аналоги в поздненеолитических памятниках бассейна Верхней Оки, Десны, Сожа. К этим общим чертам относится применение в орнаментации ромбических ямок и ямок, имеющих рубчатое дно или отпечатки шнура на дне. Появление этих новых черт в орнаментации керамики может быть объяснено проникновением на Дон каких-то групп населения с запада, вероятно, начиная с

середины III тыс. до начала II тыс. до н. э. Ряд исследователей верхнедонского неолита уже отмечал такое проникновение¹⁷. Но на материалах стоянки II Б оно отражено особенно отчетливо, что вполне закономерно, т. к. она ближе других верхнедонских стоянок расположена к бассейнам этих рек.

Стоянка Монастырщина IV

Стоянка находится в глубине пойменного массива, в 100 м к востоку от поселения Монастырщина II. Она приурочена к овальному старичному понижению и была обнаружена после предварительного проведенного бурения на территории памятника и геофизической съемки, показавших залегание в этом месте мощного пласта погребенной почвы. На борту этого старичного понижения на отметке 4,80—4,95 м выше уреза воды был заложен шурф размером 4 м² (описание отложений, вскрытых шурфом, приведено выше). В шурфе, в нижней части погребенной почвы (горизонт 4) на глубине 1,40—1,75 м встречены кремневые отщепы и несколько фрагментов керамики. На глубине 1,40 м найден фрагмент, орнаментированный отрисками шнура, а на глубине 1,65 м — фрагменты сосуда, орнаментированного рядами конических ямок, чередующихся с рядами мелких полулунчатых вдавлений. Находки эти позволяют синхронизировать время стоянки Монастырщина IV со средним и верхним горизонтами стоянки Монастырщина II Б.

Селище Монастырщина II В

На средневековом селище Монастырщина II В, территориально совмещенном со стоянкой II Б и занимающем участок высокой поймы, была вскрыта почти вся сохранившаяся часть памятника. Культурный слой, залегающий в верхней части гумусового горизонта луговой почвы на глубине до 0,4 м, не имел нарушений и был слабо насыщен находками.

В южной части памятника, на площади 20 м² обнаружены следы наземного жилища, прослеживающегося по развалу глинобитной печи, околочечной яме, подпольной яме, скоплениям керамики. Стенки и свод печи сохранились в виде прослойки обожженной глины оранжевого цвета размером 1,2×0,7 м, толщиной 0,1 м. Под состоял из светло-бурого суглинка с включением отдельных мелких камней, имел размеры 1,52×0,77 м при мощности 0,08 м. Остатки печи располагались в северной части квадратной в плане околочечной ямы, имеющей размеры 2,56×2,62 м, глубину 0,53 м, заполненной темно-серым гумусированным суглинком с включениями угля, костей животных, керамики.

В 2 м к югу от околочечной ямы расчищена подпольная яма размером 1,9×1,8 м, глубиной 0,45 м, заполненная темно-серым гумусированным суглинком, не содержащим находок.

Наземные жилища с подобной конструкцией печей, подпольными ямами известны в рязанской земле на Лубянском, Ижеславльском, Жокинском и Пронском городищах¹⁸, на ряде верхнедонских селищ в Липецкой области¹⁹, где они датируются XII—XIV вв.

Наиболее многочисленной категорией находок, сделанных на селище, является керамика. Всего обнаружено около двух тысяч фрагментов. Подавляющее большинство — 90,3% белоглиняной керамики, изготовленной из хорошо отмученной глины с малой примесью песка, хорошо обожженной и тонкостенной (3—4 мм). Гораздо меньше — 9,7% керамики из серожгущихся глин. Тесто хорошо отмучено, примесь мелкого песка невелика, черепок прекрасно прокален. Кроме того, на поселении встречены фрагменты красноглиняной крамики, принадлежащие одному сосуду.

Вся посуда изготовлена на ручном гончарном круге. Единственная форма, встреченная на поселении, — горшки. По пропорциям сосуды имеют высоту примерно равную или несколько меньшую максимального их диаметра. Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть горшка.

Наиболее распространенной формой верхней части горшка является отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, благодаря чему изнутри образуется канавка. Шейка имеет плавный перегиб или же прямая. Плечики слабовыпуклые (рис. 9, 1, 2, 4, 8). Другую довольно распространенную группу образуют сосуды со слабо отогнутым наружу венчиком, край которого завернут внутрь, образуя уплощенные и округлые утолщения. С их внутренней стороны — небольшая бороздка (рис. 9, 3, 7, 11). Для третьей группы сосудов характерны венчики без утолщений с округлым или кососрезанным краем (рис. 9, 5, 6, 9, 10). Посуда первых двух групп чаще орнаментирована волнистым однорядным и многорядным узором, реже встречается линейный орнамент. Сосуды третьей группы большей частью не орнаментированы. Изредка встречается линейный и волнистый орнамент, покрывающий плечики сосудов. Кроме описанных трех групп встречены фрагменты горшков, имеющие другие формы венчиков. Реконструирован один сероглиняный сосуд, имеющий венчик с кососрезанным краем, с сильно профилированной шейкой, очень высокими средневypуклыми плечиками. Его высота 17 см, максимальный диаметр 19 см, диаметр по венчику 17 см, диаметр донца 8 см (рис. 9, 12).

В целом вся посуда средних размеров, маломерных и больших сосудов не обнаружено. Диаметр их по венчикам 12—25 см. По пропорциям горшки имеют высоту несколько меньшую максимального расширения, которое приходится на верхнюю часть сосуда. Встречены четыре донца с клеймами, все они фрагментированы и мало выразительны.

Керамика поселения Монастырщина II В имеет широкие аналогии на древнерусских поселениях XII—XIV вв., сосуды третьей группы бытовали в XI—XIV вв. и известны в Суздале, Городец,

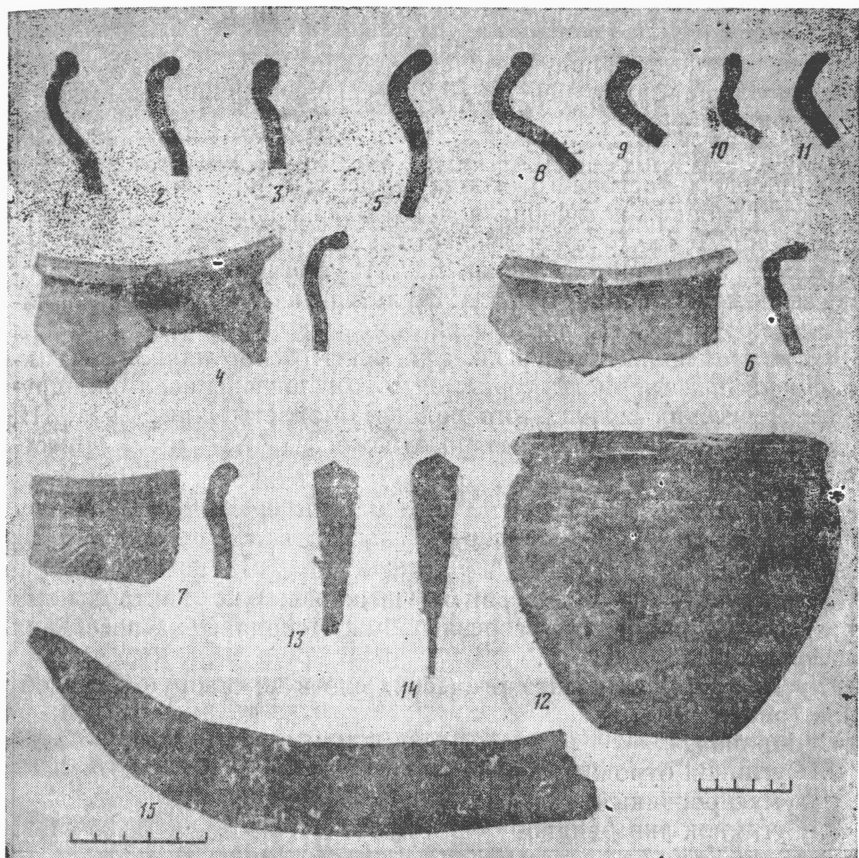

Рис. 9. Селище Монастырщина II В
1—12 — керамика; 13—15 — изделия из железа

Ярополче-Залесском, Переяславле-Рязанском, Пронске, Москве²⁰, Семилуковском городище²¹, поселении Монастырщина III²².

Находок из металла немного. Это фрагмент косы-горбуши с крючком для крепления к рукояти (рис. 9, 15) и два наконечника стрел-срезней в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 9, 13, 14). Их длина 90 мм, длина пера 65 мм, черешка 25 мм, максимальная ширина 20 мм. Стрелы-срезни данного типа появились на Руси с приходом Орды, а срезни с пропорциями 1 : 3 наиболее характерны для XIV в.²³

Рассмотренный выше материал позволяет считать, что поселение Монастырщина II В основано, вероятнее всего, на рубеже XII—XIII вв. и продолжало существовать на протяжении XIII в., а возможно, и в XIV в.

Селища Монастырщина VIII и Татинки VI

Средневековые селища Монастырщина VIII и Татинки VI расположены на левом берегу Дона несколько ниже впадения в него Непрядвы.

Селище Татинки VI расположено на останце высокой поймы у подножия северо-восточного склона террасы. К юго-западу от него находится глубокая петлеобразная ложбина недавно существовавшей протоки Дона. Селище Монастырщина VIII расположено на поверхности пойменного массива между упомянутой выше протокой и современным руслом Дона. Культурные слои этих памятников залегают в верхней части черноземовидной почвы до глубины 0,3—0,4 м. Найденные в шурфах фрагменты белоглиняной керамики с линейным и волнистым орнаментом аналогичны керамике других древнерусских селищ этого района: Монастырщина II B, III, V и других, которые возникают на рубеже XII—XIII вв. и существуют в XIV в.

Флора

Спорово-пыльцевая диаграмма выполнена по контрольному участку описанного выше разреза поймы Непрядвы на поселении Монастырщина II (рис. 10).

Глубина залегания литологических слоев по створу отбора образцов (рис. 1 и 3) (м):

1. Дернина	0,00—0,07
2. Суглинок буровато-серый, гумусированный	0,07—0,36
3. Суглинок линзовидно-горизонтально-слоистый	0,36—1,43
4. Суглинок темно-серый (погребенная почва)	1,43—2,68
5. Суглинок серо-бурый	2,68—3,75
6. Глина иловатая	3,75—5,05

Глубина залегания культурных слоев по створу (м):

1. Неолитический слой	— 2,25—3,75
1.1. Нижний горизонт	— 3,55—3,75
1.2. Средний горизонт	— 2,8 — 3,55
1.3. Верхний горизонт	— 2,35—2,80
2. Средневековый слой	— 1,55—1,95.

Диаграмма охватывает с перерывами вторую половину голоцена: с конца атлантического периода до современности. Разрезы подобного типа, включающие культурные слои, позволяют получать пыльцевые данные, отражающие не только развитие растительности под влиянием климатических колебаний, но и фиксирующие изменения растительности, обязанные исключительно влиянию человека.

Информацию об антропогенных изменениях дают сорные растения, которые разделяются по приуроченности к местообитаниям на рудеральные — мусорные, пасквальные, указывающие на занятие скотоводством, и сегетальные — сорняки пашни. Как было выяснено раньше, распространение рудеральных растений может быть вызвано нарушением первичного растительного покрова, как следствие естественных причин (половодья, оползни, пожары), так и антропогенных²⁴.

Пасквальные сорняки имеют более ограниченные местообитания, для которых благоприятные условия создаются путем вытаптывания и угнетения естественной растительности скотом при выпасе. Сегетальные сорняки — узкоспециализированные сорняки пашни. Наиболее типичные из них не встречаются в окружающих дикорастущих ценозах.

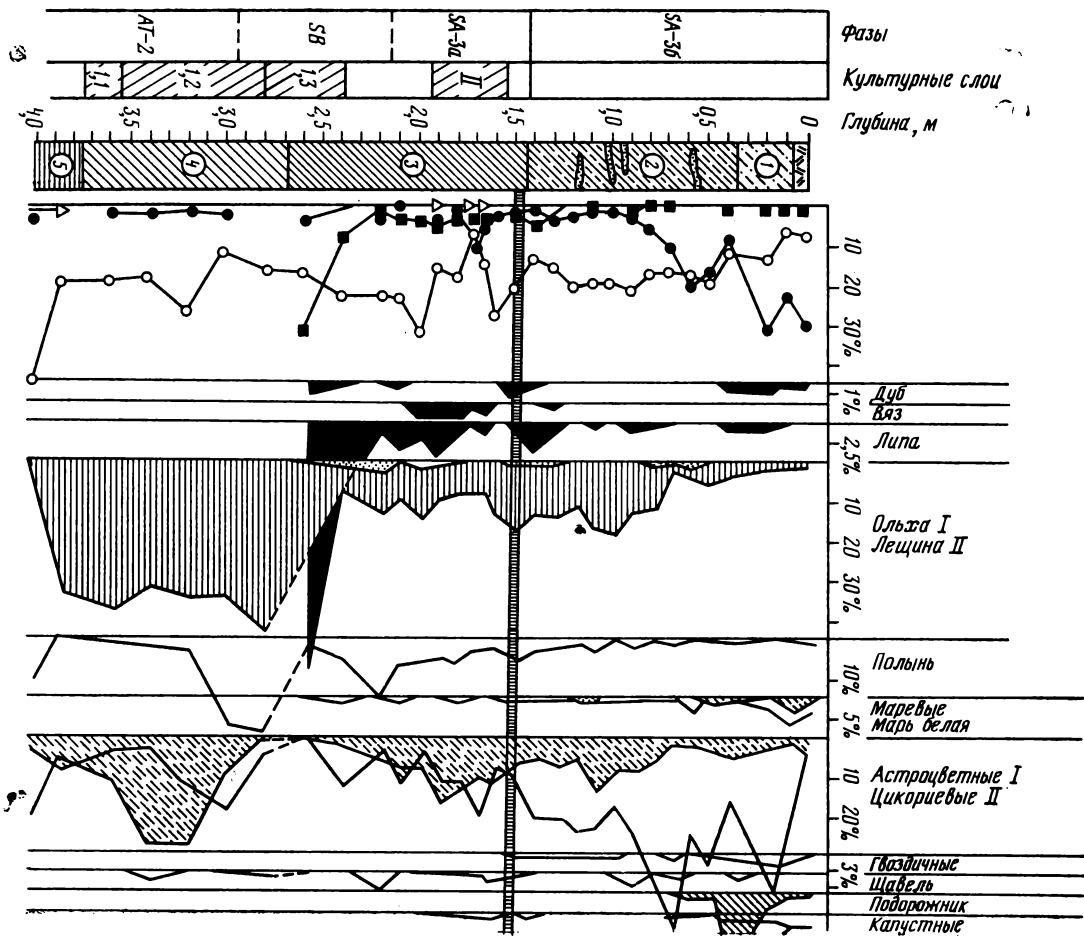
Таким образом, учитывая экологию и биологию обнаруженных сорных видов, можно сделать выводы о характере деятельности человека и степени изменений коренной растительности в различные археологические эпохи.

Поскольку полученные спектры являются средними величинами продукции нескольких растительных сообществ, необходима их дифференциация. По ландшафтной приуроченности выделяются растительность поймы и водораздельных пространств, а также антропогенная.

Диаграмма ОР подразделяется на периоды и фазы по схеме Блитта—Сернандера. Нижняя часть данной диаграммы характеризует конец атлантического периода — фазу АТ-2 (2,95—3,90 м), возраст которой оценивается приблизительно в 6000—4500 лет по археологическим и пыльцевым данным синхронных уровней этого района и радиоуглеродному датированию: 6340 ± 30 (ИГАН-517).

Зональность растительности речных долин, в частности пойменная растительность, вследствие более благоприятных микроклиматических условий гораздо менее ярко выражена по сравнению с растительностью плакоров. Воздействие климатических колебаний на растительность здесь сглажено или не выражено. Однако ее модификация, вызванная изменением водного режима, может косвенно указывать на климатический фактор.

Растительность поймы конца атлантического периода представлена черноольховыми лесами с характерным для них высокотравьем из таволги вязолистной, василистника узколистного, осоки — растений избыточного проточного, но не застойного увлажнения — и крапивы. Большой процент пыльцевой продукции черной ольхи можно объяснить высоким классом бонитета этих лесов. Менее обводненные места были заняты пойменными лугами влажного разнотравья из злаков, губоцветных, бобовых, гроздовника, ужовника, щавеля, крапивы, лютиковых, кипрейных и др. Специфика пойменного режима: ежегодное обводнение, эрозия береговых склонов, наносы ила и другие факторы приводят к созданию

условий для поселения растений нарушенных обитаний — виоляторов, экология которых аналогична сорнякам. Вследствие этого трудно выделить степень участия в травостое растений, распространение которых вызвано влиянием человека или естественными причинами.

На водоразделах господствовала луговая растительность степного характера, где преобладали представители семейства сложноцветных с незначительным участием полыни, злаков (вероятно, ковылей), губоцветных, розоцветных, бобовых и других представителей разнотравных семейств. К концу фазы усиливается влияние полыней в травостое, что, по-видимому, указывает на некоторую ксерофитизацию климатических условий. Древесная растительность плакоров представлена березовыми колками, склоны балок, вероятно, поросли густыми березняками с разнотравно-злаково-папоротниковым травостоем. О густоте березовых рощ свидетельствует заметное обилие спор папоротников — тенелюбных растений, могущих произрастать только под пологом леса.

Широколиственные породы в позднеатлантической фазе еще не фиксируются. Убедительных следов влияния человека на растительный покров не обнаружено. Можно лишь указать на некоторое увеличение пыльцы крапивы — постоянного спутника хозяйственной деятельности человека.

Для атлантического периода лесостепной зоны Среднерусской возвышенности установлена некоторая деградация лесной растительности и усиление роли степной²⁵. Наши результаты, хотя и фрагментарного характера, хорошо согласуются с данными Т. А. Серебряннй.

Верхняя граница фазы АТ-2 проводится на уровне спада кривых пыльцы ольхи и полыни и резкого подъема кривой пыльцы липы. Резкая смена спорово-пыльцевых спектров на этом рубеже, вероятно, указывает на перерыв осадконакопления в пойме. Так, в частности, выпадает раннесуббореальная фаза SB-1, соответствующая времени приблизительно 4200—4500 лет назад. Изменение скорости осадконакопления создает трудности в разделении среднесуббореальной фазы SB-2 и поздне-суббореальной — SB-3. Разделение фаз осложнено тем, что нет четких маркирующих пыльцевых критериев для каждой фазы, поэтому они рассматриваются вместе (2,15—2,95 м).

Пойменная растительность претерпевает существенные изменения: сокращаются черноольховые леса, вероятно, вследствие изменения гидрологического режима Дона—Непрядвы, что приводит к осушению поймы и распространению на ней лугов. На это указывает и образование черноземовидной почвы. Местами помимо черной ольхи на высокой пойме, возможно, поселяются и другие древесные породы — дуб и отчасти липа. Видовой состав пойменных лугов не меняется.

Водораздельная луговая растительность по-прежнему является доминирующим типом, приобретая более мезофильный харак-

тер — количество полыни сокращается за счет возрастания мезофильных семейств: астровых, цикориевых, розоцветных, лютиковых, зонтичных и пр. На водоразделе и балках образуются дубовые рощи с большим участием в древостое липы. Здесь, на глубине 2,6 м, отмечается пик липы — 31%, датируемый около 4000 лет назад по аналогии с суббореальным максимумом липы, выявленным на Средней Оке²⁶. Вероятно, это были довольно густые рощи, т. к. орешник, обитатель светлых полей и опушек, появлялся только в следующей фазе. В описываемом интервале времени впервые появляются некоторые указания на нарушение коренного растительного покрова, которое выражается в увеличении количества пыльцы щавеля и различных видов васильков — растений, не поедаемых скотом и поэтому получающих преимущества для своего развития. Синхронно с увеличением пыльцы васильков происходит увеличение пыльцы крапивы и мари белой, распространение которых в настоящее время связывают, главным образом, с выпасом животных. Совокупность этих данных позволяет достаточно убедительно предполагать о возможном ведении животноводческого хозяйства в рассматриваемую эпоху.

Верхняя граница суббореального периода проводится на уровне спада кривой пыльцы липы (2,15 м) и датируется в 2500—2700 лет назад.

В конце суббореального — субатлантического периодах спорово-пыльцевые спектры снова резко меняют характер, фиксируя, вероятно, перерыв в осадконакоплении. Этот перерыв соответствует начальным фазам субатлантического этапа, а также его «лесному периоду», который датируется примерно 1000—2000 лет назад²⁶. Аналогичный перерыв в осадконакоплении наблюдается в отложениях Средней Оки²⁷. Таким образом, в данном разрезе прослеживается только конечная фаза субатлантического периода SA-3, охватывающая последние 800—900 лет. Для этого этапа мы располагаем хронометрическим уровнем — культурным слоем XIII—XIV вв. на глубине 1,55—1,95 м. По антропогенным изменениям фаза SA-3 подразделяется на две подфазы SA-3а и SA-3б.

Подфаза SA-3а соответствует верхней части черноземовидной почвы (1,43—2,15 м). По данным археологов, отложения времени Куликовской битвы в пределах опорного разреза лежат на глубине 1,45—1,55 м.

Черноольховые леса пребывают в прежнем состоянии, так же как и сопутствующая им прибрежно-водная растительность. На пойме, вероятно, произрастали и широколиственные породы: дуб, липа, вяз. Пойменные луга несколько сокращают свою площадь, возможно, за счет лесной растительности. С этим коррелирует факт продолжающегося формирования лесных почв здесь и на других участках поймы Дона и Непрядвы.

Водораздельные луговые степи обнаруживают все возрастающую тенденцию мезофитности видового состава, где доминирующими семействами являются астровые, цикорицветные и не-

которые другие и падает роль полыни и маревых. Площадь, занятая луговыми степями, по-прежнему превышает площадь под древесной растительностью. Дубовые рощи с липой и вязом становятся более изреженными, что способствует поселению в подлеске орешника и папоротника в травостое. Балки были почти сплошь облесены.

Знаменательно появление в начале подфазы SA-3а пыльцы культурных злаков и сопутствующих им сеgetальных сорняков: василька синего и гречишки вьюнковой в период существования селища, а возможно, и несколько раньше. Пыльцевые материалы регистрируют сильно засоренные сорняками посевы озимой ржи, засорителями которой являлись также многочисленные представители семейства капустных, подмаренники, маревые. На существование залежных земель указывает пыльца мари белой, растения заброшенных пашен. По-видимому, уже в это время применялась примитивная система севооборота. Вблизи рассматриваемого разреза, вероятно, существовали крестьянские дворы, о чем свидетельствует пыльца птичьей гречишки, обычно покрывающей тропы и дворы крестьянских усадеб. В то же время присутствует пыльца папоротника орляка, споровое возобновление которого возможно только по золе, и пионера зарастания гари — кипрея, что говорит о наличии пожаров.

Подфаза SA-3б характеризует верхнюю часть разреза (0—1,45 м) — отложения линзовидно-горизонтально-слоистого суглинка и формирования современной дерновой почвы. В это время площади черноольховых лесов на низкой пойме несколько увеличиваются, но к концу подфазы резко сокращаются. Аналогично изменяется распространение высокотравья. Широколиственные пойменные леса к концу подфазы также претерпевают угнетение, вероятно, частично в силу антропогенного влияния. Водораздельные и пойменные луга испытывают большое засорение щавелем, крапивой — растениями, не поедаемыми животными при выпасе и вследствие этого активно расселяющимися. Наличие громадных пиков кривых пыльцы мезофитных семейств, главным образом сложноцветных, при выпадении пыльцы полыни, говорит об окончательном превращении луговых степей в луга с сильным антропогенным трендом. Это подтверждается распространением василька горькуши, василька скабиозовидного, сивца полевого, подорожника среднего, щавелей и других сорняков, разрастающихся вследствие пастбы. Водораздельные дубравы с липой и вязом еще существуют, но сильно сокращают свою площадь (вероятно, за счет распашки). Важно отметить максимум пыльцы подорожника (19% на глубине 0,4 м), представленного здесь тремя видами: подорожником большим, средним и ланцетолистным. Это редкое и необычное явление, сочетание большого обилия подорожника разнообразного видового состава, объясняется существованием здесь в недавнем прошлом, вплоть до 20—30-х гг. XX в., скотного двора. Действительно, обычно подорожник поселяется на утопанных местах,

причем наличие подорожника среднего обычно связывают исключительно со скотоводством. Количество пыльцы культурных злаков и сопровождающих их сорняков сокращается по сравнению с предыдущей подфазой. Это, очевидно, связано не с сокращением площади распашки, а скорее всего с переносом пашни на более отдаленные места исследуемого участка. В интервале глубин 0,4—0,6 м пыльца культурных злаков отсутствует и появляется вновь уже в самой верхней части разреза, где обогащение видового состава сорняков и их обилие отражает современные спектры антропогенно измененных ландшафтов Куликова поля. Почти полное выпадение пыльцы широколиственных пород здесь связано с их вырубкой для расширения пашни.

Динамика развития природной среды и хозяйственное освоение поймы древним человеком

Завершая рассмотрение материалов, полученных при исследовании приустьевой части Непрядвы, отметим, что применение комплексной методики позволило проследить историю заселения исследуемой территории и Куликова поля в целом и рассмотреть этапы хозяйственного освоения на фоне природных изменений за последние 6 тысяч лет.

Природная обстановка в приустьевой части Непрядвы, начиная с конца мезолита — раннего неолита, была благоприятной для возникновения здесь древних поселений.

Геоморфологическая предыстория рассматриваемого периода начинается с вреза русел Дона и Непрядвы и перехода существующего пойменного уровня на более высокий, редкозаливаемый, т. е. с образования высокой поймы, сложенной ярко-бурыми суглинисто-супесчаными отложениями (горизонт 8) — (рис. 3). К этому времени относится начало формирования черноземовидной почвы (горизонт 3). Параллельно идет процесс интенсивной разработки днища долины и формирования нового пойменного уровня (среднего). Блуждание русел приводит к активному размыву высокой поймы, превращению ее в останцы обтекания, наложению на сниженные их склоны пойменного аллювия иной генерации (горизонты 4, 7) и формированию стариц (горизонт 5). При этом скорости боковой и продольной миграции были достаточно высокими, а скорости накопления аллювия не превышали 0,7 мм/год. Этот эрозионно-аккумуляторный процесс привел к широкому развитию поймы среднего уровня. История формирования средней поймы сложна и могла быть восстановлена лишь при комплексном подходе, обнаружившем многофакторную зависимость эрозионно-аккумулятивного процесса от климата, почвенного и растительного покровов, тектонических движений, хозяйственной деятельности человека на более поздних этапах ее формирования.

В начале рассматриваемого периода (6—8 тыс. лет назад) русло Непрядвы располагалось у левого борта долины (рис. 2), а место слияния с Доном — севернее современного положения. На месте современного русла Непрядвы располагалось старичное озеро или система старичных озер, возникших еще до появления в приустьевой части Непрядвы древнего человека. Возможно, на пойме Дона и Непрядвы в это время существовали и другие озера. Одно из них находилось около 100 м к востоку, в глубине пойменного массива, и к нему была приурочена стоянка Монастырщина IV.

Рельеф поймы того времени был значительно контрастнее современного — амплитуды высот достигали 3—5 м. На активно формирующейся средней пойме почвенные процессы шли параллельно с накоплением аллювия — скритослоистого среднего и тяжелого суглинка (горизонт 4 и частично 3а) и были слабыми из-за регулярных половодий. Несмотря на удаленность исследуемого участка от русла Непрядвы, процесс аккумуляции шел активно в связи с низким начальным уровнем формирующейся поймы. Растительность поймы в это время была представлена черноольховыми лесами с характерным для них высокотравьем и осокой. На более высокие уровни поймы были заняты лугами влажного разнотравья.

Самые древние следы заселения поймы в приустьевой части Непрядвы отмечены на участке высокой поймы на берегу старичного водоема и относятся к концу мезолита (стоянка II Б). Этот участок поймы продолжал использоваться для кратковременных стоябищ в развитом и позднем неолите. Начиная с раннего неолита и до конца неолита (энеолита) человек активно использует и участок средней поймы (стоянка II А). На борту другого старичного водоема, расположенного у северо-восточного склона останца высокой поймы, в среднем и позднем неолите существовала стоянка Монастырщина IV. Возможно, древних поселений в приустьевой части Непрядвы было больше. Они, как и стоянка Монастырщина IV, могли располагаться в центре пойменного массива, где прослеживаются следы бывших старичных озер. Однако поиск их затруднен из-за значительной глубины залегания культурного слоя и небольшой его насыщенности археологическим материалом.

Стоянки II А и IV, расположенные на средней пойме, представляли собой, по-видимому, сезонные промысловые стоябища. Об этом свидетельствуют их низкое гипсометрическое положение, условия пойменного режима и малое количество остатков материальной культуры, особенно отходов кремневой индустрии. Стоянка II Б, расположенная на высокой пойме, судя по небольшому количеству находок и отсутствию каких-либо признаков долговременных жилищ, по-видимому, также относится к этому типу поселений. Причинами существования хронологически близких поселений на разных уровнях поймы могли быть колебания уровней

половодий, вызванные изменениями общей увлажненности климата, а также паводковый режим поймы в целом — весной и в начале лета при высоком уровне вод поселение существовало только на высокой пойме, в другие времена года — на средней.

Длительность существования поселения в приустьевой части Непрядвы, на низком берегу обширного пойменного массива со старичными озерами, имевшими большую рыболовецкую производительность, может быть указанием на значительную роль рыбной ловли в хозяйстве его обитателей. Отметим, что оба неолитические поселения — Монастырщина II и IV расположены на останце, представляющем собой перешеек между двумя озерами. Подобная ландшафтная приуроченность поселения эпохи неолита и бронзы к замкнутым водоемам выявлена нами при реконструкции древнего ландшафта поймы Средней Оки²⁸.

На рыболовецкую направленность хозяйства населения стоянки указывают находки позвонков рыб во всех горизонтах культурного слоя. На участке перехода от высокой поймы к средней найдено крупное грузило или якорь, представляющий собой просверленную и обточенную известняковую плитку размером 15×20 см. Среди кремневого инвентаря, происходящего со стоянки, преобладают скребки, которые могли использоваться для разделки и очистки рыбы. Имеется нож на узком подтреугольном отщепе с острым концом, который, по-видимому, также использовался для разделки рыбы. Относительно много от общего количества найдено рубящих орудий (3 из 14), наличие которых обычно связывают с развитием рыболовства²⁹. Рыболовство у верхнедонских племен в развитом неолите начинает выходить на первые позиции и в сочетании с охотой сохраняет свою ведущую роль на всей стадии пережиточного неолита³⁰.

В двух нижних горизонтах стоянки II А фаунистический материал представлен только костями диких животных: лося, кабана, бобра. В верхнем горизонте появляются первые признаки скотоводства. Здесь наряду с костями лося и бобра встречены кости крупного рогатого скота и лошади³¹. Из верхнего горизонта происходит и глиняная головка животного, напоминающего теленка. На наличие в районе стоянки выпаса на уровне верхнего горизонта культурного слоя указывают и палинологические данные. Однако раннее скотоводство, четкие следы которого обнаружены в верхнем горизонте, датируемом второй половиной III — началом II тыс. до н. э., имело, по-видимому, как и на других стоянках пережиточного неолита лесостепной зоны, подчиненное значение в хозяйстве присваивающего типа³².

В начале II тыс. до н. э. (3930±50 лет назад) (ИГАН-518) озеро еще сохраняло свои прежние размеры, было достаточно многоводно и продолжало активно эксплуатироваться человеком. В последующее время происходит обмеление озера, сокращение его размеров. Деградация озера могла быть связана с процессом его саморазвития и влиянием региональных природных факторов —

климата, тектонических движений, вызвавших изменения гидрологического режима системы Дон — Непрядва. В связи с этими изменениями происходит снижение высоты и длительности половодий, на пойме создаются благоприятные условия для почвенных процессов, и на ее среднем уровне начинают формироваться мощная черноземовидная почва и местами серые лесные почвы. Возможно, что здесь мы имеем несколько периодов автономного почвообразования, когда пойма не заливалась в половодья. В пределах исследуемого участка средней поймы процесс почвообразования продолжается, по крайней мере, до XIV в. В последующее время происходит погребение черноземовидной почвы под слоистым аллювием. Погребенные почвы, подобные исследованной в разрезе берега Непрядвы, широко распространены на пойме Верхнего и Среднего Дона, часто включая в себя культурные слои эпохи бронзы и даже остатки долговременных жилищ. Так, П. П. Ефименко отмечал, что культурные слои эпохи бронзы и землянка этого времени на пойменной стоянке против с. Костенки приурочены к мощному гумусовому горизонту погребенной почвы³³. По данным А. Д. Пряхина, в первой и второй четвертях II тыс. до н. э. на Дону широко распространены пойменные поселения с долговременными жилищами, культурные слои которых приурочены к погребенным почвам³⁴. А. Т. Синюк также приводит разрезы верхнедонских пойменных стоянок, на которых культурные слои эпохи бронзы и раннего железного века залегают в погребенных почвах³⁵. Аналогичная приуроченность многослойных памятников от неолита до средневековья к погребенным пойменным почвам отмечается и для поймы Средней Оки³⁶.

Эти примеры подтверждают, что в процессе формирования поймы во второй половине голоцена выявляются длительные и во многих случаях неоднократные перерывы в осадконакоплении, сопровождавшиеся формированием почв и появлением в пойме поселений человека. Эти перерывы фиксируют колебания гидрологического режима, обусловленные изменениями природных условий.

Пойменная растительность с начала II тыс. до н. э. претерпевает существенные изменения: сокращаются черноольховые леса, на пойме появляются широколиственные породы — дуб, липа. Широколиственные леса из дуба и липы распространяются и на водоразделах.

Увеличение площади широколиственных лесов с удобными лесными пастбищами, по мнению ряда исследователей, способствовало развитию скотоводства³⁷. А пойменные земли с хорошей влагообеспеченностью и развитым травостоем должны представлять для него особую ценность. В то же время в связи с деградацией пойменных озер значительно снижается роль рыбной ловли в хозяйстве верхнедонских племен.

На пойме приустьевой части Непрядвы культурные слои эпохи бронзы не выявлены. Однако палинологические спектры средней части погребенной почвы, формировавшиеся в период, по вре-

мени соответствующий эпохам бронзы и раннего железа, указывают на дальнейшую интенсификацию хозяйственной деятельности человека, в частности скотоводства, на исследуемом пойменном массиве. Имеются и археологические свидетельства пребывания человека на территории Куликова поля в эпоху бронзы: это ряд местонахождений керамики того времени, несколько находок каменных сверленных топоров и курган эпохи бронзы, раскопанный в верховьях Смолки. Долговременные же поселения эпохи бронзы обнаружены в верховьях Дона близ г. Епифань и в верховьях р. М. Таболы. Поселения эти приурочены к еще более обширным в сравнении с устьем Непрядвы пойменным массивам и заливным лугам. Приведенные данные позволяют допустить существование в районе Куликова поля в эпоху бронзы скотоводческого хозяйства, вероятно, в его подвижных формах, при котором стационарные поселения устраивались в наиболее благоприятных для скотоводства местах, а остальная территория использовалась при перекочевках. Об этом свидетельствуют отмеченные в разных местах исследуемой территории местонахождения керамики эпохи бронзы, связанной с временными стоянками.

Памятники железного века на Куликовом поле, включая приустьевую часть Непрядвы, не установлены.

В XIII—XIV вв. н. э. на участке высокой поймы существуют древнерусские селища. Наличие на пойме поселения с долговременным жилищем, так же как и продолжение формирования черноземовидных и серых лесных почв на средней пойме, свидетельствуют об относительно низких уровнях половодий и в этот период.

Исторические данные конца XIV в. подтверждают этот вывод. В 1389 г. состоялось путешествие митрополита Пимена в Царьград. Маршрут проходил по Оке и ее притокам к верховьям Дона. В районе Куликова поля притоки Оки и Дона разделяются небольшим расстоянием, и струги, на которых проходило путешествие, перетаскивались волоком. На Дону путешественники оказались в начале мая. Но даже в это время, в период высокого стояния вод в русле, Дон был настолько мелок, что плоскодонные струги пришлось сплавлять незагруженными, а груз везти сухим путем³⁸.

Основание средневековых селищ на пойменном берегу можно объяснить желанием максимально приблизиться к территории, активно используемой в хозяйственном обороте, т. е. к обширному пойменному массиву на стрелке Дона и Непрядвы с плодородными почвами — луговыми, черноземными, пойменными и лесными, сочетающему луговые пространства с небольшими пойменными дубравами. На земледельческий характер этого поселения указывают находка косы-горбуши, а также обилие пыльцы культурных злаков в его культурном слое. Пашня, по-видимому, затронула и южную часть поселения Монастырщина II, в районе контрольного участка с опорным разрезом. В пользу этого предположения сви-

детельствуют значительные темпы накопления мелкозема в верхней части погребенной почвы, составляющие не менее 3 мм/год, и присутствие в этих отложениях сильно окатанных единичных фрагментов неолитической керамики с ромбо-ямочным орнаментом. При столь интенсивном накоплении аллювия почвообразование не успевает так существенно переработать осаждающийся в половодье материал. Можно предположить, что материал верхней части погребенной почвы, содержащий средневековую и неолитическую керамику, образовался не при обычном накоплении пойменного аллювия во время половодий, а в результате спaghивания почвы с останца высокой поймы. Это подтверждается обилием и равномерным распределением культурных злаков в слое. Отметим, что выше по разрезу такого обилия пыльцы культурных злаков уже нет, за исключением самых верхних отложений, продолжающих формироваться и в настоящее время. По-видимому, рассматриваемый участок поймы использовался под зерновые только в древнерусское время и в период, близкий к современности.

Земледелие, бывшее основой хозяйства древнерусского населения, дополнялось скотоводством. Фаунистический материал из слоя селища представлен только костями домашних животных — свиньи, крупного и мелкого рогатого скота и лошади. На интенсивное развитие скотоводства в древнерусское время указывают приведенные выше и палинологические данные.

Рассмотренные результаты комплексных археолого-географических исследований позволяют провести гипотетическую реконструкцию положения русел рек Дона и Непрядвы в месте их слияния. Как показывают почвенные данные, участок поймы, занимаемый поселением Монастырщина II, начиная со II тыс. до н. э. и до середины II тыс. н. э., не заливался. Палинологические данные, полученные нами и другими авторами, свидетельствуют об увеличении влажности климата уже в начале II тыс. н. э.³⁹ Однако погребения черноземовидной почвы, как указывалось выше, не происходит. Вероятно, это связано со значительной удаленностью русла Непрядвы от данного участка поймы, устойчивостью его положения в течение всего периода формирования черноземовидной почвы (рис. 2). На других участках поймы, прилегающих к руслу, происходит заполнение стариц, понижений разного генезиса и выравнивание рельефа поймы в целом.

Во второй половине II тыс. н. э. резко меняется положение русел рек — сначала Непрядвы, а затем и Дона, занявших современное свое положение. Смещение русел произошло скачкообразно, в противном случае при постепенном однонаправленном смещении, останцы высокой поймы, на одном из которых расположены стоянка Монастырщина II и селище II В, должны были полностью размыться. С этим согласуется и резкая граница залегания на черноземовидной почве горизонтально-слоистого суглинка и условия его формирования — приречная зона осадконакопления. Примерно в это же время начинается повсеместная мощная

аккумуляция горизонтально-слоистого аллювия и на других участках поймы Дона и Непрядвы, за исключением ее высокого уровня, связанная с интенсивной распашкой и сведением лесов в речных долинах и прилегающих водораздельных территориях. Учитывая, что сплошное освоение территории Куликова поля началось только в конце XVII—XVIII вв., этап интенсивного накопления слоистого аллювия и погребение почв в пойме Дона и Непрядвы, следовательно, охватывает последние 300 лет. Скорость осадконакопления достигала 5 мм/год, т. е. 0,5 м в столетие. В результате возросшей пойменной аккумуляции в это время происходит выполаживание рельефа, амплитуды относительных высот уменьшаются до 1,5 м, старичные озера превращаются в неглубокие плоскodonные понижения разной формы, при этом понижения, тяготеющие к Дону, наиболее четко выражены и глубоки. Площадь останцов высокой поймы в результате активного бокового подмыва пойменного берега начинает сокращаться и продолжает сокращаться вплоть до наших дней. В настоящее время происходит замедление аккумуляции на пойме и на горизонтально-слоистом аллювии, на отдельных участках ее формируется дерновая почва. Ослаблению аккумуляции, возможно, способствуют восходящие современные тектонические движения⁴¹. Об этом свидетельствует и врезание на данном участке русел Дона и Непрядвы — выходы в русле коренных пород, залегание выше уреза аллювия русловой фации, формирование нового низкого уровня поймы.

Таким образом, под длительным воздействием человека в районе поселения Монастырщина II и на других участках поймы Дона и Непрядвы, также осваиваемых в основном в XII—XIV и XVII—XX вв., ландшафт поймы оказался сильно измененным. На месте вырубленных пойменных дубрав и участков бывших пойменных лугов и луговой степи (местами на высокой пойме обнаружены типичные выщелоченные черноземы) в настоящее время располагаются пашни и сильно выбитые пастбищные луга. Распашка водоразделов и склонов речных долин привела к усилению эрозии, увеличению темпов накопления аллювия на пойме и погребению почв на значительных ее площадях и выравниванию рельефа поймы в целом. В результате многие памятники археологии и природы в речных долинах в настоящее время разрушаются. Для их спасения необходимы разработка и неотложное применение комплекса охранных мероприятий.

⁴¹ Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке//СА. 1979. № 3. С. 63—81; Гласко М. П., Фоломеев Б. А. Метод определения интенсивности осадконакопления аллювия пойменных фаций равнинных рек за вторую половину голоцена (на примере Средней Оки)//Геоморфология. 1981. № 3. С. 26—36; Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Валуева М. Н. Опыт реконструкции природного ландшафта территории древнего поселения//Новые материалы по эпохе камня и бронзы Восточной Европы. М., 1984. С. 188—210; Фоломеев Б. А., Александровский А. Л. и др. Климентов-

- ская стоянка.//К вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки.
- ² Предварительные результаты исследования стоянки Монастырщина II изложены в статье Фоломеева Б. А., Гласко М. П., Хотинского Н. А. и др. Монастырщина II — неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона.//Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984. С. 120—136; *Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д., Фоломеев Б. А.* Куликово поле и его археологические памятники//Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 48—56.
- ³ Орнамент в виде овальной или ромбической ямки с оттисками шнура или ткани на дне обычно называют «лапчатым». Однако ряд авторов под «лапчатым» орнаментом имеют в виду ямку нечетких очертаний в виде как бы отпечатка когитистой лапки. *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья//МИА. 1973. № 172. С. 184—186; *Смирнов А. С.* Белевская культура//СА. 1986. № 4. С. 5—20.
- ⁴ *Полякова Г. Ф.* Неолитические племена верхнего течения Оки//МИА. 1973. № 172. С. 146—151; *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны.// Там же. С. 190—193; *Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего поселения бассейнов Десны и Оки в конце III — начале II тыс. до н. э.//КСИИМК. № 75. 1959. С. 94; *Смирнов А. С.* Указ соч. С. 5—20.
- ⁵ *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии//МИА. 1973. № 172. Табл. 43. С. 177—179. *Березанская С. С.* Неолитическая стоянка у хутора Гришешка на Средней Десне//СА. 1975. № 2. С. 112—114.
- ⁶ *Левенок В. П.* Указ соч. Табл. 48. *Полякова Г. Ф.* Указ. соч. Табл. 32, 23, 25; *Смирнов А. С.* Указ. соч. Табл. 4, 20, 27, 32; 5, 24, 26. С. 11—15.
- ⁷ *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья//КСИА. 1978. № 153. С. 60. *Телегин Д. Я.* Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины//Там же. С. 48; *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976. С. 113—115.
- ⁸ *Левенок В. П.* Указ. соч. С. 195—197; *Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 142.
- ⁹ *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники... Табл. 9, 11, 43.
- ¹⁰ *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону//МИА. 1965. № 131. С. 237—238; Он же. Неолитические племена... С. 196, 197; *Цветкова И. К., Кравцов А. Е.* Керамика неолитической стоянки Владычинская береговая I//СА. 1982. № 2. С. 86—94; *Березанская С. С.* Указ. соч. С. 112, 113; *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники... С. 179.
- ¹¹ *Цветкова И. К.* Неолитические племена рязанского течения Оки//МИА, 1973. № 172. С. 140—143.
- ¹² *Левенок В. П.* Долговская стоянка... С. 243.
- ¹³ Он же. Неолитические племена... С. 196—197; *Синюк А. Т.* Неолитические памятники Среднего Дона//Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978. С. 88.
- ¹⁴ *Левенок В. П.* Неолитические племена... С. 191; *Полякова Г. Ф.* Указ. соч. С. 150, 151. Табл. 33, 13, 20; *Левенок В. П.* Долговская стоянка... С. 241. Рис. 18, 3, 4, 7, 11, 12.
- ¹⁵ *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982. Рис. 8, 1.
- ¹⁶ *Цветкова И. К.* Неолитические племена... С. 140—143; *Полякова Г. Ф.*, Указ. соч. С. 148.
- ¹⁷ *Синюк А. Т.* Население бассейна Дона... С. 151—152.
- ¹⁸ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 218, 223, 226.
- ¹⁹ *Матвеева В. И.* Работы Верхнедонской экспедиции в Липецкой области//АО 1971 г. М., 1972. С. 107; Она же.//АО 1978 г. М., 1979. С. 71.
- ²⁰ *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. 1968. Вып. Е1-39. Табл. 1, 9. С. 79; *Медведев А. Ф.* Первые раскопки Городца на Волге//КСИА. 1967. № 110. С. 78. Рис. 28, 8, 9; *Седова М. В.* Ярополч-Залесский. М., 1978. С. 90.
- ²¹ *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Раскопки многослойного Семилукского городища//

- Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986. С. 65, 66. Рис. 5, 6.
- ²² Гоняный М. И. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону (См. статью в данном сборнике).
- ²³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36. Табл. 26, 6. С. 159.
- ²⁴ Гуман М. А., Хотинский Н. А. Антропогенные изменения растительности центра Русской равнины в голоцене (по палинологическим данным)//Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981. С. 7—18.
- ²⁵ Серебрянная Т. А. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене//Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 179—185.
- ²⁶ Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Указ. соч.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Валуева М. Н. Указ. соч.
- ²⁹ Синюк А. Т. Население бассейна Дона... С. 155.
- ³⁰ Там же. С. 157.
- ³¹ Фаунистический материал определен В. П. Данильченко.
- ³² Синюк А. Т. Неолитические памятники... С. 89.
- ³³ Ефименко П. П. Жилище времени бронзы, открытое на пойме Дона в окрестностях Костенок//Проблемы истории докапиталистических обществ. М. — Л., 1934. Т. 5. С. 46—49.
- ³⁴ Пряхин А. Д. Указ. соч. С. 25—29.
- ³⁵ Синюк А. Т. Население бассейна Дона... С. 48—51. Рис. 2, 5.
- ³⁶ Ефименко П. П. Указ. соч.: Александровский А. Л., Гласко М. П., Фоломеев Б. А. Археолого-географические исследования погребенных пойменных почв как геохронологических уровней второй половины голоцена (на примере поймы Средней Оки)//Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1987. № 56. С. 46—49.
- ³⁷ Хмелев К. Ф. Палеогеография речной долины Воронежа в голоцене//Древнее поселение Песчанки. Воронеж, 1973. С. 159—168.
- ³⁸ Венивитинов М. А. По поводу пятистолетия первого русского путешествия по Дону//Древности. Труды Московского археологического общества. М. 1890. Т. XIV. С. 318—319.
- ³⁹ Турманина В. И. Вековые изменения природы Европейской части СССР за два тысячелетия//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 5. 1985. С. 63.
- ⁴⁰ Фомин Н. К. Население Епифанского уезда в XVI—XVII вв. (См. данный сборник.)
- ⁴¹ Карта современных вертикальных движений земной коры Восточной Европы/Под ред. Ю. А. Мещерякова. ГУГиК. М., 1973.

ПАЛЕОПОЧВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Палеопочвенный (палеопедологический) метод уже давно применяется для изучения эволюции почв и реконструкции условий природной среды в голоцене¹. В основе метода лежит представление о почве, как об особом природном теле, способном отражать в своих свойствах условия природной среды (факторы почвообразования — климат, биоту, рельеф, породы), а также способном изменяться (эволюционировать) в связи с изменением факторов.

В настоящее время имеется большое количество методов изучения эволюции почв². Выделяются два основных методических подхода — сравнительно-географический и сравнительно-хронологический, а также методы более низкого порядка: метод анализа почвенного профиля, метод генетических (эволюционных) рядов почв, метод катен, метод изучения реликтовых признаков, историко-картографический метод, метод хронорядов почв, метод изучения погребенных почв и другие. Также имеются многочисленные инструментальные и другие специальные методы для определения возраста почв и их диагностики: радиоуглеродный, археологический, лихенометрический, споровопыльцевой, макро-, мезо- и микро-морфологические, почвенно-аналитические, палеозоологические и др.

Для достижения большей точности при реконструкциях эволюции почв и условий почвообразования требуется привлечение специальных объектов исследования: разновозрастных датированных погребенных и дневных почв. Большое значение при этом имеют почвенно-археологические исследования. Под курганами, валами городищ и другими насыпями древнего человека погребены почвы, сформированные в условиях среды прошлых природных этапов голоцена, а также в условиях иного антропогенного воздействия на ландшафт.

Однако такие объекты встречаются не везде и известны они не для всех природных этапов голоцена. Так, в районе Куликова поля это преимущественно недавние городища и курганы, относящиеся к последнему тысячелетию.

Палеопочвенная информация может быть выявлена и при анализе профиля современных почв и сравнительно-географическом их изучении. История большинства современных почв была сложной, их профиль в течение голоцена, сохраняясь на месте

(отсутствие денудации или аккумуляции наносов), испытал неоднократные перестройки. При этом от предыдущих стадий почвообразования в почвенном профиле и почвенном покрове нередко сохраняются реликтовые признаки. Эти признаки формируются медленно идущими процессами, которые приходят в состояние равновесия с условиями природной среды через сотни и тысячи лет. К числу таких признаков и свойств почвы можно отнести: профиль дифференцированный по содержанию фракции ила ($>0,001$ мм) и отдельных групп минералов (слюд, полевых шпатов), профиль коры выветривания, а в некоторых случаях — гумусовый и карбонатный профили. В профиле погребенных почв эти свойства изменяются слабо, и при надежной изоляции почвы от современных процессов они могут сохраняться и служить надежными диагностическими признаками многие тысячи лет и более.

Известно, что причиной эволюции почвы может быть изменение следующих факторов: климата, биоты, рельефа и антропогенного фактора. Наиболее значительными, общими факторами эволюции почв являются климат и биота. Изменения рельефа за время голоцена были сравнительно невелики и могли сказаться на характере почвообразования главным образом в поймах рек. Антропогенный фактор может воздействовать на почву прямо: распашка, другие механические нарушения почвенного профиля, загрязнение почвы; и косвенно: например, при сведении или насаждении лесов. Предметом данного исследования являются лишь косвенные антропогенные воздействия, а именно эволюция почв, связанная с антропогенными изменениями облесенности. Она широко распространена, особенно в лесостепной зоне, но слабо изучена, поскольку по результатам сходна с естественной биоклиматической эволюцией почв.

Эволюция почв исследована пока еще слабо. Точных данных о скорости процессов почвообразования мало, а представления о динамичности почв весьма противоречивы. Так, существует мнение о стабильности, «буферности» почв и ограниченной их способности эволюционировать. Недостаточно разработана и методика исследований.

В связи с этим большой интерес для палеопедологии голоцена представляют комплексные исследования, проводимые в настоящее время на Куликовом поле. Тесное сотрудничество почвоведов с археологами и историками, геоморфологами и палеоботаниками способствует получению репрезентативной информации об эволюции почв и среды. Одновременно разрабатываются конкретные методики исследования. В частности, уточняются историко-картографический и письменно-исторический методы изучения эволюции ландшафтов и почв. Ведутся также комплексные исследования разновозрастных пойменных почв и отложений высокой поймы Непрядвы и Дона, позволяющие решать вопросы хронологии ландшафтных смен, палеогеографии и эволюции факторов почвообразования в районе Куликова поля.

Основные почвенные исследования проводятся нами на территории собственно Куликова поля — в правобережье и левобережье Непрядвы и заключаются в почвенной съемке в масштабе 1:10000, а для отдельных ключевых участков — в масштабе 1:2000. По данным съемки реконструируется почвенный покров на период до начала интенсивного антропогенного воздействия последних веков. Определяется исходное распространение лесных почв и лесных массивов среди черноземной луговой степи. В дополнение этой методики, основы которой были заложены еще В. В. Докучаевым³, проводилось исследование почвенного покрова методом катен. Выявлялись закономерности распределения почв по элементам рельефа (водораздел — водораздельный склон — прибалочный склон — склон балки или речной долины — днище балки и долины) и отклонения от нормального распространения почв, связанные с естественной эволюцией почв и ландшафтов, а также с изменением облесенности, обусловленным антропогенным фактором.

Кроме того, на Куликовом поле и в его окрестностях ведется поиск и исследование курганов, городищ и других археологических памятников с хорошо сохранившимися погребенными почвами. Результаты сопоставления погребенных и фоновых почв, а также почв, формирующихся на поверхности курганов и валов городищ, существенно уточняют и дополняют выводы, полученные путем сравнительно-географического изучения эволюции почв, позволяют устанавливать скорость образования и стирания признаков при перестройке почвенного профиля в процессе эволюции почвы.

Для решения поставленных вопросов большое значение имеют ландшафтные условия района исследований. Он приурочен к зоне лесостепи, характеризующейся чередованием территорий, занятых лесом и степью. Соседство лесных и степных экосистем, граница между которыми весьма динамична, и контакт таких контрастных по свойствам и процессам типов почв — серых лесных и черноземов — определяет существование разнообразных вариантов климатической и антропогенной эволюции почв.

В настоящее время Куликово поле и окружающие территории заняты преимущественно сельскохозяйственными угодьями. Водоразделы, на которых господствуют черноземы, распаханы, в долинах рек и балках, где распространены серые лесные почвы и черноземы, преобладают пастбища и сенокосы. Лишь местами в балках и на прибалочных склонах сохранились леса (рис. 1). Причем первичные широколиственные леса здесь местами заменены на вторичные березовые. Имеются также посадки леса (дуб, береза, ель и другие). Их возраст до 100 лет, и располагаются они главным образом на черноземах.

Имеются сведения о том, что на Куликовом поле 150—200 лет назад дубравы встречались и на водоразделах. Не лишено основания мнение о широком распространении лесов во время битвы.

Можно полагать, что эти леса были сведены человеком позднее, в основном в период интенсивного освоения территории в XVII—XVIII вв.

Представления о естественных сменах растительности района исследований и вообще лесостепи центра Русской равнины в голоцене дискуссионны. Долгое время наиболее широким распространением пользовались взгляды о динамичном состоянии ландшафтов лесостепи, и о постепенном наступлении леса на степь, как основной тенденции изменений⁴. В последние десятилетия в почвенной и в географической литературе распространилось мнение об относительной стабильности лесостепи⁵, либо предполагается стабильное положение северной ее границы⁶.

По сравнению с лесной зоной история растительности лесостепи с помощью палеоботанического и радиоуглеродного методов изучена недостаточно. Следует выделить лишь исследования Т. А. Серебрянн⁷. В их основе лежит большой палинологический материал, хронологически строго обоснованный данными радиоуглеродного датирования. Это позволило автору по-новому представить историю растительности Среднерусской возвышенности: во время атлантического периода голоцена степь максимально распространилась к северу и занимала юго-восточную половину этой возвышенности. Позже, в суббореальное и субатлантическое время, произошло распространение лесов на 250 км к югу. Их доля увеличилась и в пределах северо-западной части региона. Сначала шло распространение березовых лесов, а со второй половины суббореального периода — широколиственных лесов. В субатлантический период, особенно в его начале и середине, развитие широколиственных лесов продолжалось, дубравы из речных долин проникали на водоразделы (рис. 2). В целом в северной лесостепи, по данным палинологии, изменения растительности были наименее значительными. В настоящее время Куликово поле находится в пределах северной лесостепи, но в атлантическое время, исходя из данных Т. А. Серебрянн, оно, очевидно, располагалось в средней части лесостепя.

Современное соотношение площади леса и степи на Куликовом поле и окружающих территориях сильно изменено человеком. В отличие от таежно-лесной зоны, в лесостепи процесс снижения облесенности оценить количественно сложно как по палеоботаническим, так и по палеопочвенным данным. Во-первых, здесь большая часть территории была исходно безлесной; во-вторых, здесь не исключена возможность превращения части серых лесных почв в черноземы (процесс проградации черноземов). Последнее обусловлено генетической близостью этих почв и тем, что на данной территории на безлесных участках идет черноземообразование. Однако пока неизвестно, с какой скоростью может протекать этот процесс (проградация) и возможно ли такое превращение за последние 500—1000 лет, т. е. за время наиболее интенсивного воздействия человека на природную среду.

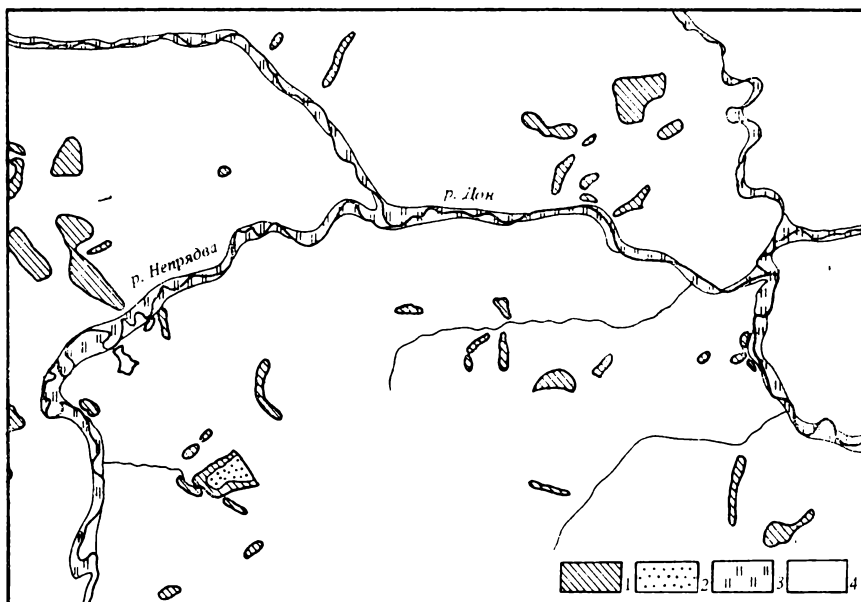

Рис. 1. Распространение современных лесов на Куликовом поле

1 — широколиственные и мелколиственные леса на серых лесных почвах; 2 — посадки леса на черноземах; 3 — пойма; 4 — безлесные территории (агроландшафт)

Наиболее распространенными почвами Куликова поля, занимающими в правобережье Непрядвы почти всю площадь водоразделов, являются черноземы. На склонах балок и речных долин развиты серые лесные почвы и черноземы, но первые преобладают. Местами серые лесные почвы встречаются на прибалочных и приводораздельных склонах. Днища балок и поймы рек заняты луговыми и дерновыми пойменными, серыми лесными оглеенными, черноземными, а также пойменно-болотными почвами.

Черноземы. Среди черноземов преобладают черноземы выщелоченные, которые выделяются как наиболее характерные представители данной почвенной зоны⁸. На крупномасштабных почвенных картах кроме черноземов выщелоченных выделяются черноземы глубоковыщелоченные и оподзоленные. В подчиненных условиях рельефа — в балках и других понижениях рельефа встречаются лугово-черноземные, черноземно-луговые, дерновые луговые и болотно-луговые почвы. Нами установлено широкое распространение на водоразделах и прибалочных склонах черноземов типичных, а также мощных сильноперерыхтых и высоковыскапывающих. Последние далее будем называть черноземами перерыхтыми.

Для характеристики морфологического строения профиля черноземов выщелоченных приведем описание разреза 5, заложенного на вершине Красного холма, на разнотравно-злаковом лугу. В последние 70—75 лет почва здесь не распахивалась.

A1_д 0—6/7/ см. Дернина уплотненная темно-серо-бурого цвета, среднесуглинистая, структура комковато-зернистая. Переход постепенный.

A1₁ 6/7/—22 см. Темно-серо-бурый средний и тяжелый суглинок, рыхлый, хорошо оструктурен — зернистый с мелкой ореховатостью и комковатостью. Переход постепенный.

A1₂ 22—42 см. Темно-серо-бурый (несколько светлее вышележащего горизонта) средний к тяжелому суглинок, слабо уплотнен, оструктурен хуже вышележащего — ореховато-комковатый. Редкие кротовины серо-бурого цвета. Переход постепенный.

A1B 42—85 см. Серо-бурый с темно-серо-бурыми и бурыми пятнами средний к тяжелому суглинок, слабо уплотнен, непрочный комковатый; много кротовин и копролитов, пористый, редкие корни травянистых растений. Переход постепенный.

B1 85—115 см. Бурый средний суглинок, уплотненный; ореховато-призматический, на поверхности ореховатых педов тонкая бурая глинистая кутана. В верхней части встречаются отдельные кротовины темно-серого и бурого цвета. Переход постепенный.

←

Рис. 2. Распространение лесов в период максимального облесения в позднем голоцене (реконструкция по данным почвенных исследований)

1 — леса на склонах балок и речных долин (серые лесные и в отдельных случаях дерново-подзолистые почвы); 2 — водораздельные дубравы (темно-серые лесные почвы, а также проградированные черноземы и темно-серые лесные почвы в комплексе с черноземами перерыхтыми); 3 — места облесения поймы; 4 — черноземная степь

B2_{ас} 115—135 см. Палево-бурый средний суглинок, слабоуплотненный, бесструктурный, пористый. Вскипает от соляной кислоты с глубины 118 см; карбонаты в виде псевдомицелия в небольшом количестве. Редко встречаются кротовины.

Примером чернозема типичного может служить **разрез 4**, заложенный на южном склоне Красного холма (уклон 1—2°). Пашня. Тимофеевка.

A1_р 0—23 см. Темно-серый с бурым оттенком тяжелый суглинок, слабо уплотнен, комковатый; много тонких корней культурных злаков.

A1 23—52 см. Темно-сери-бурый тяжелый к среднему суглинок, слабо уплотнен; средне- и мелкокомковатый с порошистостью. В нижней части заметны кротовины серо-бурого цвета. Много тонких корней трав. На педях тонкие кутаны более темного цвета. Переход постепенный.

A1B 52—93 см. Сери-бурый светлеющий книзу тяжелый и средний суглинок с темно-серыми и бурыми пятнами, непрочно-комковатый с ореховатостью; на поверхности педов серовато-бурые матовые кутаны. Слабо уплотнен. Тонкие корни; много кротовин и копролитов. Переход постепенный.

B1_{са} 93—155 см. Палево-бурый тяжелый и средний суглинок (лессовидный); уплотнен, бесструктурный, пористый, карбонаты в виде псевдомицелия; много кротовин особенно в верхней части; встречаются копролиты и единичные тонкие корни.

В отличие от черноземов выщелоченных, в профиле черноземов типичных: 1) отсутствует или имеет незначительную мощность бескарбонатный горизонт в подгумусовой толще, 2) слабо выражена ореховатая и призматическая структура в горизонтах В и ВА и в большинстве случаев слабо развиты признаки перемещения глинистых и гумусо-глинистых суспензий в виде кутан на поверхности ореховатых педов, 3) отмечается значительная перерывность землероями (суслики, а в недавнем прошлом — сурки и слепыши).

Кроме двух основных описанных выше разновидностей черноземов (типичных и выщелоченных) нередко встречаются здесь и черноземы перерывные. Они характеризуются мощным гумусовым профилем (до 150 см и более), большим количеством кротовин: часто почти весь профиль состоит из кротовин разного возраста (резко выраженных и размытых), а также высоким уровнем вскипания от соляной кислоты (до 50 см и менее). Наиболее распространены черноземы, перерывные на прибалочных склонах, но встречаются и на водоразделах. Примером чернозема перерывного может служить **разрез 17**, заложенный на плоской водораздельной поверхности к западу от д. Софьинки. Пашня.

A1_р 0—24 см. Темно-сери-бурый тяжелый суглинок, слабо уплотнен, комковато-порошистый; много тонких корней культурных злаков.

А1В 24—50 см. Темно-сери-бурый (светлее лежащего выше) средний к тяжелому суглинок, слабо уплотнен, зернисто-комковатый; встречаются кротовины серо-бурого и бурого цвета, корни трав. Переход постепенный.

А1В_{са} 50—80 см. Сери-бурый пятнистый, средний к тяжелому суглинок, слабо уплотнен, комковатый; много кротовин бурого, серовато-бурого и темно-сери-бурого цвета; вскипает от соляной кислоты с глубины 50 см, карбонаты в виде псевдомицелия, встречаются тонкие корни трав. Переход постепенный.

ВА 1_{са} 80—150 см. Серовато-бурый пятнистый средний суглинок, рыхлый, крупнокомковатый, много кротовин бурого, серо-бурого и темно-сери-бурого цвета; редки копролиты, единичные корни тонкие; бурно вскипает от соляной кислоты, карбонаты в виде псевдомицелия. Переход постепенный.

ВС_{са} 150—170 см. Палево-бурый лесовидный средний суглинок, слабоуплотненный, бесструктурный, бурно вскипает от соляной кислоты, карбонатный псевдомицелий, единичны конкреции СаСО₃ в виде журавчиков. Часто встречаются кротовины серовато-бурого цвета.

Черноземы глубоко выщелоченные, наоборот, имеют небольшую мощность гумусового профиля — до 80 см и менее и глубокое залегание карбонатов — 150—180 см и глубже. Нередко в их профиле обнаруживается хорошо развитый горизонт Вt (ореховато-призматичная структура, хорошо развитые глинистые и гумусоглинистые натеки — кутаны), сходный с горизонтами Вt серых лесных почв. В качестве примера такого чернозема приведем описание разреза 29, заложенного в левобережье Непрядвы, на приводораздельном склоне южной экспозиции (уклон 2—3°), на пашне.

А1_р 0—23 см. Буровато-темно-серый средний к тяжелому суглинок, слабоуплотненный, комковатый, много тонких корней, встречаются копролиты. При высыхании заметна белесая присыпка. Переход заметный по изменению структуры и цвета, граница ровная.

А1 23—52 см. Темно-буро-серый средний суглинок, рыхлый, комковатый с ореховатостью и зернистостью, много тонких корней и копролитов; при высыхании заметна белесая присыпка. Переход постепенный.

А1В 52—66 см. Темно-сери-бурый, несколько светлее выше лежащего, средний суглинок, слабоуплотненный, ореховато-комковатый; на поверхности педов слабо выраженные кутаны, при высыхании заметны белесые скелетаны; много копролитов, редко встречаются кротовины и тонкие корни. Переход заметный по цвету и структуре.

ВА1 66—90 см. Сери-бурый с бурыми и темно-серыми пятнами средний суглинок, ореховатый с призматичностью, уплотненный; на поверхности ореховатых педов бурые и серо-бурые ярко выраженные гляцевые кутаны. Встречаются кротовины бурого

и темно-серого цвета, копролиты, тонкие корни. При высыхании на поверхности кутан хорошо прослеживаются белесые скелетаны. Переход постепенный.

Blt 90—117 см. Бурый средний суглинок, уплотненный, среднекрупноореховатый с призматичностью; на поверхности ореховатых педов хорошо выраженные бурые и темно-серо-бурые глинистые и гумусо-глинистые кутаны. Редко встречаются кротовины и копролиты серо-бурого цвета. Переход постепенный.

B2t 117—160 см. Бурый средний суглинок, уплотненный, крупно-ореховатый; на поверхности ореховатых педов бурые глинистые кутаны, реже — серо-бурые гумусо-глинистые кутаны; встречаются копролиты.

В данном разрезе следует отметить наличие белесых скелетан. Они встречаются в пределах всего гумусового профиля, хотя и в небольшом количестве. Поэтому почву разреза 29 можно классифицировать как переходную от чернозема выщелоченного к чернозему оподзоленному. По степени развития горизонта Blt она сходна с серыми лесными почвами.

Примером чернозема выщелоченного со слабо развитым горизонтом Bt может служить разрез 51, заложенный на водораздельной поверхности в нескольких километрах к юго-востоку от Красного холма (пологий склон юго-восточной экспозиции, уклон менее 1—2°), на пашне.

A1_p 0—25 см. Темно-серо-бурый средний к тяжелому суглинок, рыхлый, непрочнo-комковатый, много тонких корней, копролиты. Граница ровная.

A1 25—49 см. Темно-серо-бурый, несколько светлее вышележащего, средний к тяжелому суглинок, рыхлый, комковато-зернистый с ореховатостью, много тонких корней и копролитов. Переход постепенный.

A1B 49—87 см. Серо-бурый к темно-серо-бурому, средний к тяжелому суглинок, слабоуплотненный, ореховато-комковатый, на поверхности педов тонкие кутаны более темного цвета; встречаются копролиты и кротовины бурого и темно-серого цвета, тонкие корни. Переход постепенный.

Blt 87—150 см. Бурый средний суглинок крупно-ореховато-призматический, слабоуплотненный, на поверхности ореховатых педов тонкие бурые глинистые кутаны. Много кротовин. Переход постепенный.

B2_{ca} 150—170 см. Палево-бурый лессовидный средний суглинок, слабоуплотненный, бесструктурный; вскипает от соляной кислоты, карбонаты в виде псевдомицелия. Единичные кротовины серо-бурого цвета.

Серые лесные почвы. До настоящего времени серые лесные почвы на территории Куликова поля не выделялись. Нами установлено их широкое распространение, преимущественно на относительно крутых склонах балок. Реже они встречаются на склонах речных долин и на водоразделах. Преобладают темно-серые

и серые лесные почвы, но в нижних частях балочных склонов обнаружены и светло-серые лесные почвы.

Для характеристики строения профиля собственно серой лесной почвы приведем описание **разреза 68к—3А**, расположенного в средней части склона балки к востоку от д. Хворостянка. Склон 15—20° юго-западной экспозиции. Луг разнотравно-злаковый, выпас.

A1 0—13 см. Темно-сери-бурый средний суглинок, комковатый, рыхлый, густо переплетен корнями трав, много копролитов. Переход четкий.

A1A2 13—23 см. Палево-серый с белесыми пятнами, легкий к среднему суглинок, рыхлый, комковатый с плитчатостью, много тонких корней и копролитов серого и бурого цвета. Граница четкая, волнистая.

A2B1A1 23—42 см. Серовато-бурый с белесыми пятнами средний к легкому суглинок, уплотненный, комковато-ореховатый; тонкие корни; копролиты. На поверхности педов тонкие глинистые кутаны и белесые скелетаны. Переход постепенный.

B1t 42—75 см. Бурый средний суглинок уплотненный, ореховатый. На поверхности педов бурые и темно-бурые глинистые кутаны и местами прерывистые белесые скелетаны; единичные корни. Переход постепенный.

B2t 75—110 см. Бурый средний суглинок уплотненный, средне- и крупноореховатый. На поверхности педов глинистые кутаны бурого цвета.

Из описанного видно, что профиль серых лесных почв Куликова поля резко отличается от профиля черноземов. Заметно укорочена мощность прогумусированной толщи (42 см). Хорошо выражены оподзоленные горизонты A1A2 и A2B1A1, имеющие белесые тона и более легкий механический состав. Для горизонтов В характерна четкая ореховатая структура и наличие глинистых и гумусо-глинистых кутан разной степени выраженности.

В профиле светло-серых лесных почв нередко выделяется самостоятельный подзолистый горизонт A2 или A2A1 — белесый, плитчатый, легкосуглинистый. Темно-серые лесные почвы занимают промежуточное положение между собственно серыми лесными и черноземами. Их гумусовый профиль по мощности нередко приближается к черноземному; оподзоленные горизонты A1A2 и B1A1A2 осветлены значительно слабее. В темно-серых лесных почвах значительно интенсивнее идет дерновый (гумусоаккумулятивный) процесс, свойственный черноземам, встречаются кротовины, карбонаты залегают выше.

В связи с тем, что территория Куликова поля давно освоена (балочные леса сведены, водоразделы распаханы), здесь в значительной степени проявляются процессы почвенной эрозии. На балочных склонах большое место занимают смытые и намытые серые лесные почвы. Для смытых, располагающихся преимущественно на повышениях микрорельефа, характерны укороченный гу-

мусовый горизонт, слабое проявление оподзоленности, близкое от поверхности залегание горизонтов Bt. В профиле темно-серых лесных почв, расположенных преимущественно на микроповышениях склонов балок, под мощным намытым горизонтом A1 выделяются горизонты близкие к таковым в нормальных темно-серых почвах. На бровках преобладают намытые почвы и напаши, нередко имеющие большую мощность.

На территории собственно Куликова поля в правобережье Непрядвы и Дона серые лесные почвы распространены главным образом в виде узких полос (шириной до 100 м), тянувшихся по балкам и рассекающих обширные контуры водораздельных черноземов (рис. 2).

На прибалочные склоны и водоразделы выходят лишь темно-серые лесные почвы. Так, значительные контура (более 5 га) темно-серых почв обнаружены в урочище Зеленая Дубрава и в верховьях балки Рыбий Верх. Здесь, как и в других местах поля, эти почвы выведены из-под леса, распахируются и интенсивно «черноземеливаются». Местами их верхние горизонты трансформируются так, что почвы следует относить уже к черноземам выщелоченным, но ореховатые горизонты Bt сохраняются от темно-серых почв в неизменном виде.

Антропогенная трансформация почвенного покрова Куликова поля. Из сказанного видно, что распределение почв на Куликовом поле тесно связано с рельефом. Типичная катена представлена следующими почвами. На водоразделе — чернозем выщелоченный или типичный, на прибалочном склоне — темно-серая лесная почва или чернозем выщелоченный (глубоковыщелоченный), на склоне балки — темно-серая или, собственно, серая лесная почвы, в нижней части склона балки — серая лесная, иногда светло-серая почва.

Вместе с тем такое нормальное распределение почв по элементам рельефа в значительной степени нарушено в результате хозяйственного воздействия человека. Кроме смытых, намытых и проградированных почв здесь появляются перерытые почвы. Сведение леса в балках и распашка водоразделов способствовали расселению грызунов-землероев. Наиболее удобными местами для их расселения являются бровки балок и прибалочные склоны, а также межи на водоразделах. Здесь, на месте колоний сусликов, сурков и др. (колонии перемещаются с места на место), почвенный профиль существенно трансформируется. Появляются мощные перерытые черноземы, которые занимают большие площади среди темно-серых лесных почв и черноземов выщелоченных. Гумусовый профиль перерытых черноземов увеличивается до 130—150 см. Теряется структура. Весь профиль содержит кротовины, в кротовинах встречаются карбонатные конкреции. В профиле сразу под пахотным горизонтом начинаются переходные горизонты АВ_{са} и ВА_{са}.

Кроме перерытых черноземов, об изменениях в почвообразо-

вании свидетельствуют вторично окарбоначенные черноземы и серые лесные почвы. В их горизонтах B_{ca} обнаруживается ореховатая структура и хорошо развитые глинистые и гумусо-глинистые кутаны, унаследованные от лесной стадии, которые покрыты карбонатными налетами, образованными в результате изменения водного режима после сведения леса.

Карбонатные налеты на глинистых кутанах можно заметить и в черноземах перерыхтых, но более четко они проявляются в слабоперерыхтых почвах — черноземах типичных, темно-серых и серых лесных почвах. В последних вторичная окарбоначенность чаще встречается на склонах южной экспозиции.

Можно предполагать, что вторично окарбоначенные почвы в прошлом формировались при значительно более низком залегании $CaCO_3$. В эту стадию произошло глубокое проникновение суспензий и образование кутан в выщелоченных горизонтах Bt . Впоследствии в результате общей ксерофитизации почвообразования (сведение лесов, распашка и другие антропогенные воздействия) произошло изменение водного режима почв, подтягивание карбонатов в горизонт Bt и трансформация его в горизонты Bt_{ca} . Можно полагать, что на предыдущей стадии почвообразования вторично окарбоначенные черноземы были черноземами выщелоченными или темно-серыми лесными почвами.

Таким образом, в почвенном покрове Куликова поля имеются признаки, указывающие на возможность образования части черноземов из темно-серых и даже, собственно, серых лесных почв. Подобная эволюция почв (проградация черноземов) подтверждается данными почвенно-археологических исследований, проведенных нами в окрестностях поля. Большой интерес представляет городище у д. Зайчевка. Оно располагается на высоком правом берегу р. Красивая Меча, на пологом приводораздельном склоне, круто обрывающемся к реке. Берег сложен известняками, перекрытыми тонким слоем песчаных отложений, на которых залегает маломощный (местами менее 1 м) лессовидный суглинок. Под оборонительным валом городища, насыпанным в XII в., погребена серая лесная почва с хорошо сохранившимся профилем ($A1A2—A2A1—B1A2A1—Bt$ Д). Следовательно, к моменту появления здесь человека и сооружения вала, приводораздельный склон был занят лесом. Лес был сведен, очевидно, уже давно. Почвы данного склона в настоящее время представлены черноземами выщелоченными. Мощность гумусового профиля по сравнению с исходными серыми лесными почвами увеличилась вдвое. Верхние горизонты исходных почв полностью трансформировались, лишь слабо прослеживаются кремнеземистая присыпка и ореховатая структура. Хорошо сохранилась нижняя часть горизонта Bt , но и здесь появляются гумусовая прокраска и кротовины. В разрезе, заложенном на площадке городища, выделяются следующие горизонты: $A1$ (0—30 см) темно-серого цвета, $A1B1A2$ (30—50 см) со слабо выраженными скелетанами, $BA1$ (50—75 см) — ореховатая структу-

ра и яркие глинистые и гумусо-глинистые кутаны, выраженные особенно четко в нижней части горизонта. Аналогичные почвы обнаружены и за пределами вала городища.

Пока еще не совсем ясно, с какой скоростью может проходить превращение серых лесных почв в черноземы (проградация). Не вполне ясны и масштабы этого явления на территории Куликова поля и окружающих районов лесостепи. Для решения этих вопросов необходимо расширение почвенно-археологических исследований. Перспективно привлечение историко-картографических сведений, а также применение методов палеогеографических реконструкций: палинологического, палеозоологического и других в сочетании с разнообразными методами датирования¹⁰.

Эволюция почв во второй половине голоцена. Антропогенная трансформация почв Куликова поля, рассмотренная выше, ограничена в основном последним тысячелетием. Кроме того, имеются факты, свидетельствующие о природной эволюции почв иного направления и возраста, о чем говорят результаты исследования серых лесных почв рассматриваемого района и других районов Среднерусской возвышенности. Нами установлено широкое распространение здесь темно-серых лесных почв с реликтовой глубокой гумусовой прокраской. По мощности прогумусированной толщи эти почвы сходны с близлежащими черноземами. По мощности элювиальной толщи, глубине залегания горизонтов Bt и их оструктуренности (ореховатости) они сходны с обычными темно-серыми лесными почвами.

В качестве примера темно-серой лесной почвы с унаследованной гумусовой прокраской приведем краткое описание разреза 103, заложенного в левобережье р. Непрядвы в дубовом лесу к западу от Краснобуйцев. В разрезе вскрывается профиль, представленный следующими горизонтами: A1 (0—18 см) темно-серого цвета, A1A2B1 (18—30 см) серый с белесой присыпкой, рыхлый; B1A1A2 (30—50 см) — серо-бурый уплотненный, ореховатый с бурыми кутанами и белесыми скелетанами на поверхности педов; B1A1 (50—90 см) — серо-бурый ореховатый с темно-бурыми кутанами, внутрипедная масса, как и в вышележащем горизонте, прокрашена гумусом; B1 (90—130 см) — крупноореховатый с бурыми кутанами, внутрипедная масса бурого цвета. В данном разрезе облегченная элювиальная толща имеет мощность 30 см. Горизонт B1A1 по структуре и другим основным свойствам сходен с горизонтами Bt обычных темно-серых лесных почв, но его внутрипедная масса равномерно прокрашена гумусом до глубины 90—100 см, что свойственно черноземам Куликова поля. Можно полагать, что в прошлом этот горизонт представлял собой нижнюю часть гумусового профиля чернозема, но при смене почвообразования на лесное приобрел ореховатую структуру и гумусо-глинистые кутаны. Подобные почвы пользуются широким распространением и в окрестностях Куликова поля и в других районах Среднерусской возвышенности.

По данным палинологии, основной этап распространения лесов в лесостепи Среднерусской возвышенности относится к концу суббореального — началу субатлантического периодов¹¹. Подобные палинологические данные недавно получены и по Куликову полю¹². Следовательно, период максимального облесения охватывает около 2000 лет и оканчивается в позднесубатлантическую фазу интенсивного антропогенного воздействия.

Имеются также следы относительно недавней смены степного почвообразования на лесное. Так, в разрезе 76—3А (левобережье Дона, дубовый лес) исследована почва с признаками превращения чернозема, перерытого в темно-серую лесную почву. На это указывают, с одной стороны, большая мощность прогумусированной толщи — 120 см и большое количество кротовин, а с другой — интенсивное выщелачивание горизонта В2, в котором еще сохраняются плотные карбонатные конкреции, но мелкозем уже отмыт от карбонатов на большую глубину. Подобные почвы встречаются редко. Их образование является следствием локальных изменений факторов, влияющих на условия среды, происшедших, очевидно, в относительно позднее время. Тем не менее они указывают на возможность существенной перестройки почвообразовательных процессов и почвенного профиля при изменении условий среды.

Таким образом, проведенные исследования подтверждают высокую динамичность почвенного покрова Куликова поля, широкое распространение и большую контрастность эволюции почв. С конца суббореального периода происходит климатогенная смена степной растительности и связанная с ней эволюция черноземов в серые лесные почвы. В конце субатлантического периода проявляются обратные тенденции, наиболее ярко выраженные в антропогенной эволюции серых лесных почв в черноземы.

Перестройка почвенного профиля при смене факторов происходит не сразу. Для этого требуются сотни и тысячи лет. Наиболее быстро на Куликовом поле почвы трансформируются, очевидно, под действием роющей деятельности почвенной фауны. На месте поселений землероев за несколько сотен лет возможно перемешивание даже сильно дифференцированного почвенного профиля (типичного чернозема, серой лесной почвы) и образование перерытого чернозема с мощными растянутыми переходными горизонтами АВ и ВА (до 150 см, см. описание разреза 17). Поверхность карбонатного горизонта при этом может подниматься на 1 м и достигать собственно гумусового горизонта А1. Однако продолжающий действовать процесс выщелачивания CaCO_3 атмосферными осадками не дает подняться карбонатному горизонту выше 45—50 см. При ослаблении процесса перемешивания карбонаты вымываются, и такая почва постепенно превращается в чернозем типичный или выщелоченный.

Трансформация под действием таких процессов, как накопление гумуса у черноземов; деградации (разрушение гумуса, опод-

золивание) и ореховатого оструктурирования, у серых лесных почв протекает медленнее (последние сотни, первые тысячи лет).

Скорость и характер перестройки почвенного профиля зависит от контрастности изменения факторов, интенсивности процессов новой стадии и устойчивости к стиранию почвенных признаков предыдущей стадии. Во многих случаях, даже за большие отрезки времени, полной перестройки профиля не происходит и от предыдущей стадии сохраняются реликтовые признаки почвообразования. Сохранность реликтовых признаков зависит как от интенсивности процессов трансформации, так и от того, насколько давно произошло изменение факторов. В связи с этим почвы могут находиться на различных переходных стадиях, а их признаки, в зависимости от скорости трансформации, могут быть в различной степени изменены. Встречаются практически неизменные профили почв, испытавшие недавнее изменение факторов, но имеются и зрелые, давно эволюционировавшие профили, в которых сохраняются лишь отдельные наиболее устойчивые признаки.

В целом же в почвенном профиле получают отражение лишь достаточно длительные этапы почвообразования (существования стабильного сочетания факторов и определенного набора процессов педогенеза). Кратковременные события с помощью палеопочвенного метода практически не могут быть реконструированы.

Результаты почвенно-генетических и почвенно-географических исследований, имеющиеся в настоящее время палеопочвенные материалы показывают, что диапазон эволюционных изменений почв в условиях лесостепи может быть очень высоким. При наличии контрастных изменений условий среды возможно превращение черноземов в светло-серые лесные почвы и даже в дерново-подзолистые и, наоборот, — светло-серых лесных почв в черноземы. Вместе с тем такие контрастные изменения условий среды и почв на территории лесостепи происходили не повсеместно. Более распространены явления средне- или малококонтрастной эволюции. Так, для района Куликова поля выявляются превращения черноземов выщелоченных и типичных в темно-серые лесные почвы, серых лесных почв в черноземы выщелоченные, темно-серых лесных почв в черноземы перерытые и затем — в черноземы выщелоченные и типичные. При этом могут сохраниться реликтовые признаки степной стадии, реликтовая гумусовая прокраска и палеокровотины в нижней части профиля темно-серых лесных почв, а также реликты лесного почвообразования: остаточная ореховатая структура в черноземах вторично окarbonаченных и выщелоченных и другие.

Выявляются три стадии почвообразования, характеризующие основную тенденцию эволюции почв за последние 5—6 тысяч лет. В среднем голоцене (конец атлантического и суббореального периодов) более широко были распространены степные растительные группировки и черноземы (I стадия). В конце суббореального и в начале субатлантического периодов в связи с увеличением влаж-

ности климата происходит распространение лесной растительности на водоразделы (в основном широколиственных лесов)¹³. Черноземы, оказавшиеся под лесом, постепенно превращаются в серые лесные почвы (II стадия). Субатлантический климатический период продолжается и в настоящее время. Однако под воздействием антропогенного фактора (сведение лесов) процесс деградации черноземов и их превращение в серые лесные почвы на значительных площадях прекратился. Местами отмечается эволюция почв, протекающая в обратном направлении: от серых лесных почв к черноземам (проградация черноземов). Однако длительность этой последней антропогенной стадии (III стадия) невелика, и поэтому явления контрастной проградации почв встречаются редко.

В почвенном покрове Куликова поля в основном отражено почвообразование II (субатлантической) стадии. В связи с этим проведенная нами почвенная съемка характеризует почвенный и растительный покровы, сформировавшиеся в период максимального облесения территории в субатлантическое время, в период, существовавший до начала позднесубатлантической стадии интенсивного антропогенного воздействия на экосистемы (рис. 2).

Выявляются следующие основные особенности реконструированного растительного покрова: в правобережье Непрядвы и Дона (территория собственно Куликова поля) облесенность водоразделов невелика. Большая площадь занята черноземной степью. Однако балки почти полностью покрыты лесом.

В левобережье Непрядвы (междуречье Непрядвы и Дона) облесены не только балки, но и основная часть водоразделов. Безлесные участки сохранились в основном на пологом склоне южной экспозиции, обращенном к Непрядве.

Кроме того, имеются менее достоверные признаки лесного почвообразования. В первую очередь — это признаки оподзоливания в профиле черноземов. Так, значительные контура черноземов оподзоленных в комплексе с другими разновидностями черноземов имеются в левобережье Непрядвы. В некоторых случаях оподзоленность в виде кварцевой присыпки выражена очень слабо, но наличие при этом ореховатого горизонта Bt также позволяет сделать предположение о лесном прошлом. Наименее уверенно бывшая лесная фаза реконструируется по черноземам выщелоченным, имеющим единственно реликтовый признак — горизонт Bt. На рис. 2 леса на этих черноземах показаны только там, где они встречаются в комплексе с черноземами оподзоленными или темно-серыми лесными почвами. Участки, на которых черноземы выщелоченные образуют сплошной покров, имеют слаборазвитый горизонт Bt или встречаются в комплексе с черноземами типичными и в ареалы реконструированных лесов не включались.

Пока не ясно, насколько такая разная выраженность признаков лесного почвообразования связана с давностью сведения леса, а насколько — с исходными различиями почв, обусловленными разной интенсивностью процессов оподзоливания во время

формирования этих почв. Вместе с тем можно полагать, что на серых и светло-серых лесных почвах водоразделов леса существовали долго и были сведены относительно недавно.

Не ясна история этих лесов. В почвенном профиле признаки временного прекращения лесного почвообразования обнаружить сложно или практически невозможно. В связи с этим большое значение приобретают исследования по истории хозяйственного освоения территории Куликова поля. Появившиеся в последнее время археологические данные показывают, что в период, непосредственно предшествовавший Куликовской битве, на территории поля преобладали мелкие поселения, расположенные, в основном, в долинах рек¹⁴. Имевшееся в то время немногочисленное население вряд ли могло существенно повлиять на облесенность водоразделов. Учитывая то, что основной этап освоения этой территории начался после XVI в., и то, что на картах Генерального межевания (конец XVIII в.) облесенность уже мало отличается от современной, основной этап сведения лесов на Куликовом поле следует относить к XVII—XVIII вв.

Реконструированное распространение лесов, очевидно, сохранявшееся и во время битвы, позволяет сделать следующие два вывода:

1. В связи с почти сплошным облесением водоразделов левобережья Непрядвы предпочтительнее искать место проведения битвы на противоположном правом ее берегу, где на водоразделах преобладала безлесная степная растительность.

2. Водоразделы и в право- и в левобережье Непрядвы расчленены густой сетью балок, которые скорее всего были облесены. Поэтому участки водоразделов, которые могли служить местом проведения битвы, оказываются небольшими по площади (ширина 2—3 км). Это может служить основанием для корректировки масштабов самой битвы. По большинству существующих реконструкций битвы действия разворачивались на фронте протяженностью 8—10 км, что следует признать преувеличенным. И Русь, и Орда вряд ли могли выставить такое количество войск, чтобы их плотным построением занять весь этот фронт, да еще и обеспечить развертывание войск в глубину исходной позиции каждой из противоборствующих сторон.

¹⁴ Докучаев В. В. Русский чернозем. М., 1952. С. 635; Роде А. А. Почвообразовательный процесс и эволюция почв. М.: Географгиз, 1947. С. 6—61; Герасимов И. П. Древние почвенные и элювиальные образования и их значение для палеогеографии четвертичного периода//Труды Института географии АН СССР. 1946. Вып. 37. С. 207—223.

² Иванов И. В., Александровский А. Л. Методы изучения эволюции и возраста почв//Почвоведение. 1987. № 1. С. 113—119.

³ Докучаев В. В. Методы исследования вопроса «Были ли леса в южной степной России?» СПб, 1889. С. 3, 10, 14, 24—39.

⁴ Коржинский С. И. Предварительный отчет о почвенных и геоботанических исследованиях 1886 года в губерниях Казанской, Самарской, Уфимской, Пермской и

- Вятской//Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. 1887. Т. 16. Вып. 6. С. 50—52, 71; *Берг Л. С.* Климат и жизнь. М.: Географгиз, 1947. С. 47—56.
- ⁵ *Маданов П. В., Войкин Л. М., Тюрменко А. М.* и др. Вопросы палеопочвоведения и эволюции почв Русской равнины в голоцене. Казань, 1967. С. 5—13. *Милюков Ф. Н.* Лесостепь Русской равнины. М., 1950. С. 19—50. Он же. Природные зоны СССР. М., 1964. С. 158—159.
- ⁶ *Серебрянная Т. А.* О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене//Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 182—185; *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977. С. 200.
- ⁷ *Серебрянная Т. А.* Указ. соч. С. 179—185.
- ⁸ *Ратников Р. Р.* Почвы верховьев Оки и Дона. Тула, 1963. С. 19—63.
- ⁹ *Гедымин А. В., Побединцева И. Г.* Влияние длительной распашки на некоторые свойства почв лесостепи//Почвенно-географические и ландшафтно-геохимические исследования для целей сельского хозяйства и поисков полезных ископаемых. М., 1964. С. 134—157.
- ¹⁰ *Пуннинг Я.-М. К., Раукас А. В.* Методы датирования четвертичных образований в целях палеогеографических реконструкций//Геоморфология. Т. 7 (Итоги науки и техники). М., 1983. С. 3—185.
- ¹¹ *Серебрянная Т. А.* Указ. соч. С. 179—185.
- ¹² *Фоломеев Б. А., Гоняный М. И., Александровский А. Л.* и др. Древние поселения приустьевой части Непрядвы. См. данный сборник.
- ¹³ *Серебрянная Т. А.* Указ. соч. С. 179—185.
- ¹⁴ *Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П.* Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII—XIV вв. долины Верхнего Дона (район Куликова поля)//Труды Воронежского университета (в печати).

НАХОДКИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

К вопросу о месте битвы 1380 года

«Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я берегу, как святыню, кольцо, выкопанное из земли, утучненной сею битвой. Оно везде со мной, мне подарил его С. Нечаев», — сообщал писатель-декабрист А. А. Бестужев в 1833 г. журналисту Н. А. Полевому¹.

Упомянутый в письме Степан Дмитриевич Нечаев — директор училищ Тульской губернии, член Союза Благоденствия, как и все декабристы, проявлял большой интерес к героической борьбе русского народа против ордынских поработителей. Владея «дачей сельца Куликовки» (в бассейне Среднего Дубика), он впервые описал находки, связанные с «Мамаевым побоищем», которые были обнаружены его крестьянами при распашке земли, и пытался конкретно определить место сражения, так как письменные источники не содержат указаний, на каком берегу Непрядвы при ее слиянии с Доном оно произошло. С. Д. Нечаев являлся также инициатором создания на Куликовом поле памятника великой битве. В письме С. Нечаева (1820 г.) тульскому губернатору В. Ф. Васильеву, которое тот переслал президенту Академии художеств А. Н. Оленину, говорится: «...чем увидеть памятник Дмитрию Донскому на великолепных площадях Ваших (Москвы и Петербурга) соглашусь скорее, чтобы он поставлен был, хотя и в дебрях, но только тульских, в глухой и непроходимой долине, к которой сам тогда проложу путь ногами моими и облачусь в остатки отрытой на Куликовом поле кольчуги... останусь на страже у подножия памятника сего»².

В 20—30-х гг. XIX в. на пространстве от с. Монастырщина, близ устья Непрядвы, до Красного Холма на юге, до р. Ситки, притока Непрядвы, на западе и на востоке до рек Смолки и Курцы, впадающих в Дон, постоянно выпаживались копыя, пики, мечи, наконечники стрел, остатки брони, медные и серебряные нателъные кресты, металлические нагрудные образки, амулеты-змеевики, перстни (рис. 1).

При съемке в 1820 г. ситуационного плана Куликова поля предметы вооружения также были собраны уездным землемером И. А. Витовтом.

Церковным старостой Монастырщины Григорием Федоровым найдена на распаханном поле лицевая створка энколпиона — складного двустворчатого креста для хранения мощей³. Энколпионы с закругленными, прямыми или слегка расширенными концами носили поверх одежды «на вороте» на шнурах или мелко плетеных серебряных цепочках. Они распространены были в боярско-княжеской среде и относятся к числу находок, сравнительно часто встречаемых на поле.

Особого внимания заслуживает замечание С. Нечаева, что прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие и что в разных местах поля возвышались небольшие насыпи над погибшими воинами. Со временем эти насыпи опустились и, по его наблюдению, на месте могил обозначились глубокие ямы⁴. По всей видимости, это остатки братских могил, которые в течение ряда лет тщетно пытаются обнаружить близ с. Монастырщина.

Материал, собранный в те годы на Куликовом поле, почти не сохранился. Известно, что управляющий имением гр. Бобринских Берголец «имел удобный случай собрать все древнейшие сокровища на поле Куликовом, ибо достопримечательные места оного близки ко владениям Бобринских... и важнейшую часть своих находок он подарил тульскому губернатору гр. В. Ф. Васильеву»⁵.

Значительные коллекции, составленные из предметов вооружения, нательных крестов, энколпионов, перстней, находились у гр. А. В. Олсуфьева, имение которого расположено было на левом берегу Непрядвы, против с. Буйцы, а также у С. Д. Нечаева и других помещиков, владевших землей на поле.

С. Д. Нечаев хранил куликовские находки в своем имении Сторожево (ныне совхоз Полибино Липецкой области), где он, будучи членом Общества истории и древностей российских, создал небольшой археологический музей, в котором находились также вещи с обследованных им древних городищ⁶.

Некоторые из вещественных памятников битвы С. Нечаев преподнес в дар Н. М. Карамзину, скульптору И. П. Мартосу, президенту Академии художеств А. Н. Оленину; наперсный крест с мощами и рельефным изображением святых, «также открытый на Куликовом поле», он передал тульскому губернатору В. Ф. Васильеву, а медный подвесной амулет-змеевик — генерал-губернатору А. Д. Балашову. На лицевой стороне змеевика помещено изображение христианской символики, на оборотной — человеческая голова, обвитая десятью змеями. Аналогичный змеевик-оберег остался у Нечаева⁷.

Судя по письму А. А. Бестужева, некоторые куликовские реликвии Нечаев подарил своим близким друзьям. К сожалению, они, как и все «дары» Нечаева и его коллекции, бесследно пропали. До наших дней сохранилась лишь ничтожно малая часть коллекции А. В. Олсуфьева, находящаяся в настоящее время в Тульском областном музее⁸.

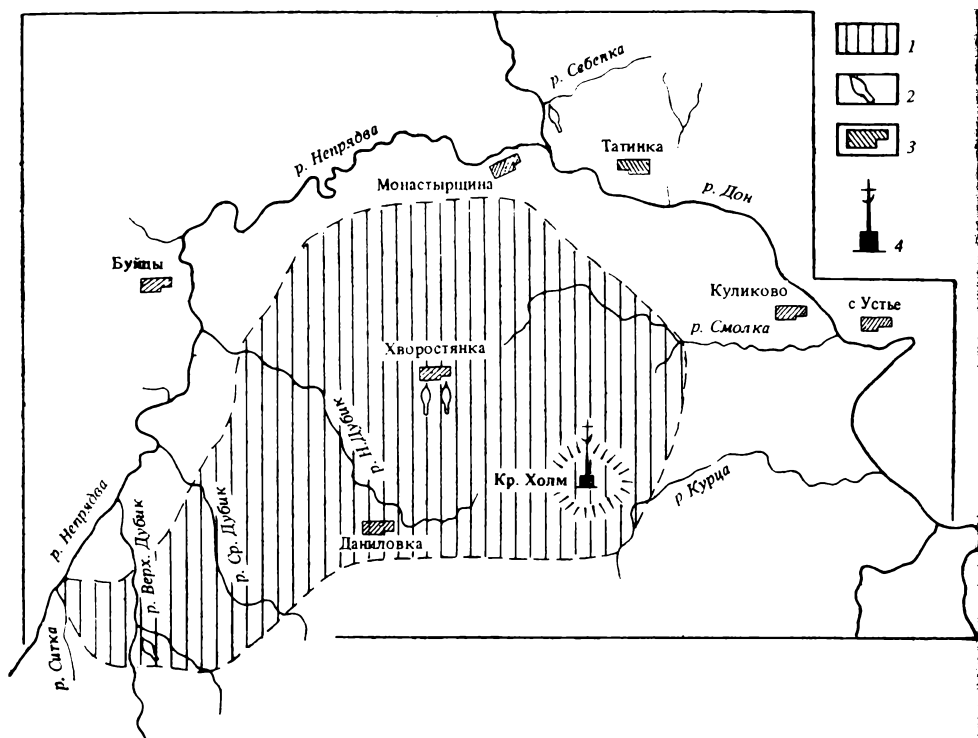

Рис. 1. Схема распространения находок XIV в. на Куликовом поле

1 — площадь поля, распаханная в XIX в., на которой встречались находки XIV в.; 2 — места находок 1956—1983 гг.; 3 — населенные пункты XIX в.; 4 — памятник Куликовской битве

Затем, до обследования берегов Непрядвы в 80-х гг. XIX в. тульским археологом Н. И. Троицким, сведения о находках на Куликовом поле прерываются. Близ Монастырщины Н. Троицкий нашел несколько образков-складней и нательных крестов, сходных с ранее обнаруженными, и серебряную золотоордынскую монету XIV в. с надписью на лицевой стороне «Султан Великий Узбек-хан», а на обороте — «Абу-Бекр». Этот материал он передал в Тульское древлехранилище⁹.

В эти же, вероятно, годы при неизвестных обстоятельствах найдена сильно поврежденная кольчуга XIV в. массой 10,3 кг, которая хранится в Государственном Историческом музее. Она состоит из уплощенных колец диаметром 10—12 мм, попеременно сваренных и склепанных. До XV в. подобная техника изготовления колец господствовала во всей Европе¹⁰.

В Государственном историческом музее имеется еще одна находка с Куликова поля — лицевая створка бронзового энколпиона

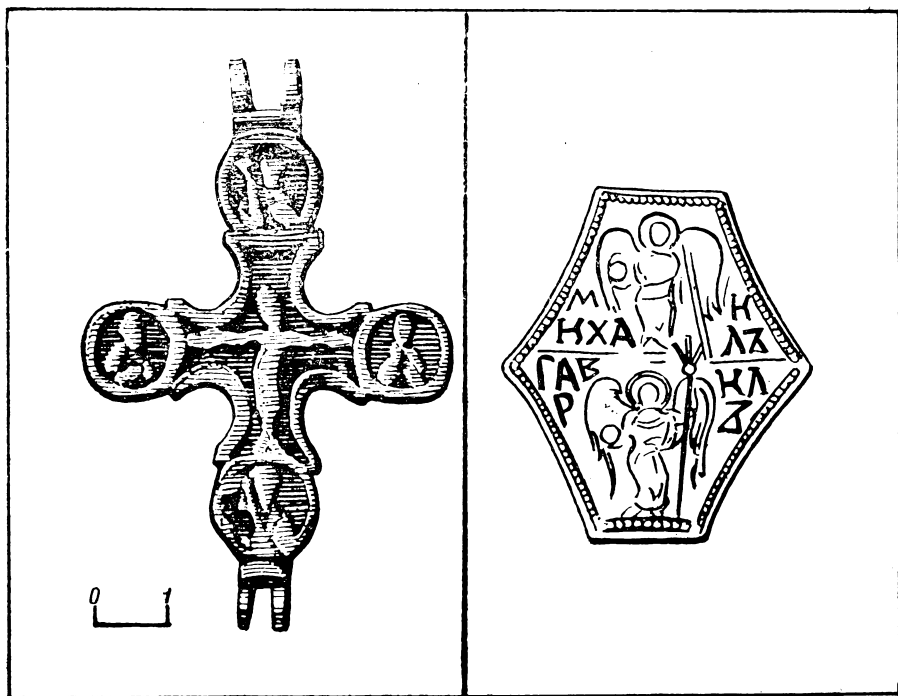

Рис. 2. Лицевая сторона бронзового энколпиона, XIV в.

Рис. 3. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле

на с закругленными концами, парными выступами на концах и с сохранившимися петельками. Изображения на кресте рельефные. В центре — распятие, на концах в медальонах — четыре погрудных схематических изображения святых. Длина креста 7,5 см, ширина 5 см (рис. 2). Этот крест XIV в., видимо, в конце XIX в. вставлен в серебряную оправу, которая снабжена надписью на французском языке: «Крест найден на Куликовом поле, где московский князь Дмитрий разбил татар в 1380 г.»¹¹

Среди случайно обнаруженных в конце XIX в. предметов значительный интерес представляют два перстня — бронзовое кольцо-печатка и литой из золота, украшенный глубокой резьбой с большим шестигранным щитком-коробочкой для мошей, на верхней крышке которой — изображения архистратига Михаила, архангела Гавриила и славянские надписи (рис. 3). Золотой перстень мало потерт и не предназначался, вероятно, для ежедневного ношения. Он не принадлежит к числу колец, распространенных в Древней Руси. Известен еще только один экземпляр подобного золотого перстня с изображением архангела Михаила — покро-

вителя воинов из клада, зарытого в Киеве в конце XII — начале XIII вв.

Куликовскому перстню — этой уникальной находке — В. Н. Щепкин посвятил специальную статью, в которой изложены результаты анализа, тщательно им проведенного¹². На основании ряда деталей в изображениях архангелов, а также по некоторым палеографическим соображениям исследователь пришел к заключению, что это произведение прикладного искусства выполнено русским мастером по византийским образцам не позднее XII в., иными словами, оно не современно Куликовской битве. Однако охранное изображение на перстне и коробочка для мощей дают основание предположить, что он являлся старинной родовой реликвией; перстень этот надевали на палец только в трудные и опасные минуты жизни и вполне допустимо, что владелец его был участником Куликовского сражения.

Находки, связанные с битвой 1380 г., встречались на поле еще и в 30-х гг. нашего столетия. Так, при пахоте земли трактором на полях бывшего имения Олсуфьева находили, по словам местных жителей, предметы вооружения и нателные кресты; эти древние вещи никто не собирал, и все они утрачены¹³.

Большого внимания заслуживают находки последних лет — четыре наконечника копья удлинненно-треугольной, листовидной и двушипной формы XIV в., местонахождение которых на поле точно известно, что является особенно ценным.

Два наконечника копья (рис. 4, А, Г) найдены в центре Куликова поля, близ д. Хворостянки, где в начале битвы, по всей видимости, был выстроен полк правой руки. Из них один наконечник длиной 32 см обнаружен в 1956 г. местным жителем Н. Г. Трофимовым, второй — длиной 22,3 см передан в музей в 1983 г. бывшим учителем д. Михайловки А. Н. Казанским.

Третий наконечник копья длиной 24,7 см найден в верховьях Верхнего Дубика в 1979 г. тульским рабочим А. Гладышевым при прополке свеклы в совхозе «Знаменский» (рис. 4, Б).

На месте стоянки русских войск перед переправой через Дон, на левом берегу реки близ лощины Себенки, в 1977 г. М. Г. Елисеевой обнаружен двушипный наконечник сулицы длиной 21,7 см (рис. 4, В). Перечисленные копья хранятся в музеях Тулы и Куликова поля¹⁴.

Многочисленные находки, относящиеся к XIV в., которые обнаружены на значительной площади поля при распашке земли в 20—30-х гг. XIX в., а также случайные находки более позднего времени являются неопровержимым доказательством, что знаменитая битва 1380 г. происходила на правом берегу Непрядвы при впадении ее в Дон. Этот материал позволил в свое время С. Д. Нечаеву наметить место битвы и составить примерный план местности.

Следует подчеркнуть, что на левом берегу Непрядвы находки

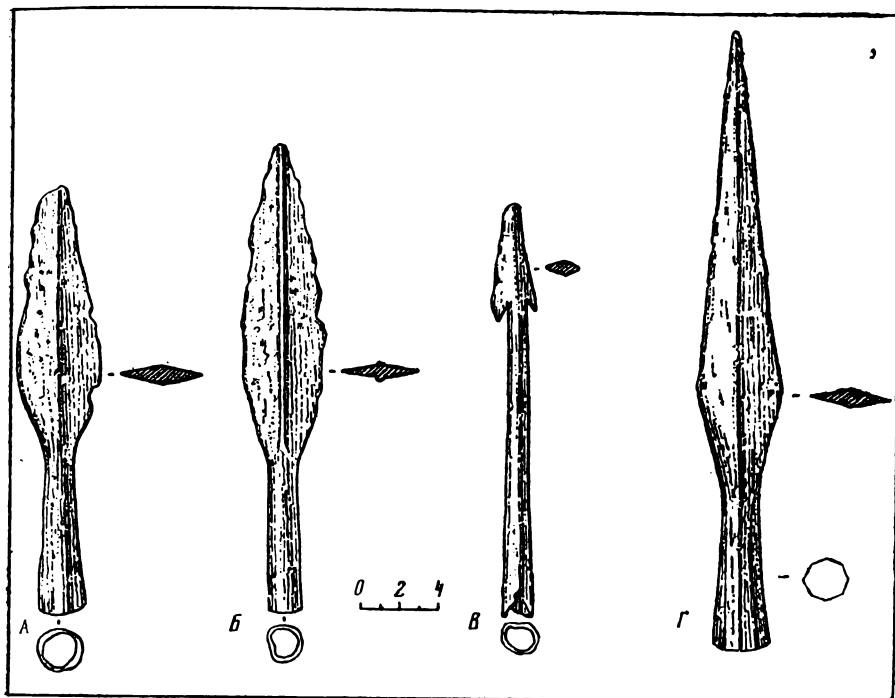

Рис. 4. Наконечники копий XIV в., найденные близ д. Хворостянки

древнего оружия полностью отсутствуют. Исключение составляют лишь два каменных ядра, датируемых XVI в.¹⁵

Итак, археологический материал с Куликова поля не подтверждает выдвинутое за последние годы предположение, что сражение 1380 г. произошло между левым берегом Непрядвы и правым берегом Дона¹⁶. Поэтому нет оснований для пересмотра принятой со времен Нечаева локализации битвы правым берегом Непрядвы при ее слиянии с Доном.

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. М., 1958. Т. 11. С. 651.

² Отд. рук. ГБЛ, ф. 211, п. 3а, 1820 № 1—3, л. 6, 6 об. Нечаев С. Д. Описание вещей, найденных на Куликовом поле//Вестник Европы. 1821. Ч. 121. С. 348—350; Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища//Вестник Европы. 1821. Ч. 118. С. 125—129; Мухина С. А. Безвестные декабристы Черевин П. Д., Нечаев С. Д.//Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 248—249.

³ Нечаев С. Д. Указ. соч.; Макаров М. Н. Рождествено, Монастырщина и Куликово поле. М., 1826. С. 20, 25; Куликово поле. Сб. документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. Тула, 1982. С. 18—20, 23.

⁴ Нечаев С. Д. 1820 г. Историческое обозрение Куликова поля. Очерк (4 стр.) Отд. рук. ГБЛ, ф. 211, п. 3а, 1820, № 1—3, приложение. С. 1—1 об.

- ⁵ Макаров М. Н. Указ. соч. С. 21.
- ⁶ Луцкий Е. Куликово поле. Исторический журнал. М., 1940. № 9, С. 50; Мухина С. А. Современник декабристов С. Д. Нечаев//Вопросы истории. М., 1983. № 10. С. 284.
- ⁷ Отд. рук. ГБЛ, ф. 211, п. 3а, № 1—3, лл. 4, 7; Письма К. Ф. Калайдовича к гр. Н. П. Румянцеву от 1823 и 1825 гг.//ЧОИДР. М., 1862. Кн. 3. С. 174. № 59. С. 197, № 107.
- ⁸ Шкурко А. И. Вопросы музеефикации Куликовской битвы//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 228.
- ⁹ Троицкий Н. И. Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении//Труды VII Археологического съезда в Ярославле. М., 1890. Т. 1. С. 86; Сб. Куликово поле. С. 70.
- ¹⁰ ГИМ, инв. № 85687/11501. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953. С. 62. Табл. XII. Рис. 90; Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 76.
- ¹¹ ГИМ, инв. 56122.
- ¹² Перстни переданы в Исторический музей Д. И. Андреевским в к. XIX века, в 1920—30-х они были утрачены. Перстень в данной статье публикуется по фотографии, приложенной к работе В. Н. Щепкина. С. 377, рис. 56.
Щепкин В. Н. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле//Археологические известия и заметки. 1897. Т. V. № 12. С. 374—378; Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954. С. 166.
- ¹³ Луцкий Е. Указ. соч. С. 50.
- ¹⁴ Инв. № 7760, 7761. 5573/1.
- ¹⁵ Троицкий Н. И. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁶ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле//Вопросы истории. 1980. № 8. С. 19.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ «ТУЛЬСКОГО КЛАДА»

Древнерусские клады являются ценным историческим источником. Они характеризуют политическую обстановку времени захоронения клада, свидетельствуют об уровне развития ремесел, торговли и т. п. Одной из существенных сторон клада как исторического источника следует считать сведения о месте его захоронения. Только в том случае, когда локализация клада достаточно надежна, он может рассматриваться как полноценный источник. Часто сведения о месте находки того или иного клада не сохранялись, в некоторых случаях они разноречивы. Последнее замечание относится к так называемому «Тульскому кладу», который по достоинству занимает место в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля рядом со знаменитым Старорязанским кладом.

Описание «Тульского клада» было неоднократно опубликовано и упоминается в ряде исследований¹. В своде древнерусских кладов Г. Ф. Корзухиной он приведен под № 157 и относится к числу кладов, сокрытых между 1170—1240 гг.² Клад состоит из женских серебряных украшений княжеского или боярского круга, изготовленных, скорее всего, придворными ювелирами³. Он включает в себя следующие вещи:

1. Лучевой колт. Серебро. Зернь. Скань. Диаметр 9,2 см. К центральной полусфере припаяна лунница, обрамленная сканью и украшенная двумя косичками из зерни, а также шесть лучей грушевидной формы, покрытые зернью и оканчивающиеся полыми шариками.

2. Луч от колта парного колту п. 1.

3. Рясны (две). Серебро. Зернь. Скань. К полым конусообразным верхушкам, украшенным зерновыми треугольниками и сканью, крепятся по восемь цепочек. На каждую нанизаны круглые полые бляшки со сквозными отверстиями, на первой — четыре, на другой — три, обрамленные зернью, и одна каплевидная на конце цепочки.

4. Колт. Серебро. Тиснение. Чернь. Диаметр без обнизки 5,2 см. На черневом фоне тисненное изображение двух грифонов с переплетенными хвостами. На оборотной стороне — «четвероногие»⁴. От обрамления сохранились девять серебряных шариков.

5. Цепочка из колодочек. Серебро. Зернь. Скань. Шесть колодочек с личинами на концах.

6. Бусины (четыре). Серебро. Зернь. Скань. Биконическая с зерновыми треугольниками и с гладким поперечным валиком.

7. Крестовидная привеска. Серебро. Позолота. Тиснение. Крестообразная с лилиевидными оконечностями.

Клад хранится в Оружейной палате Московского Кремля, инвентарные номера на 1893 г. — 9484—9492⁵.

В определении места находкиклада существует противоречие. Так, в подготовительных материалах Н. П. Кондакова к изданию II тома «Русские клады» говорится, что клад найден «...в 1881 г. в Елифанском уезде Тульской губернии, в усадьбе гг. Вознесенских»⁶. В «Описи Московской Оружейной палаты» сказано, что клад найден в «...Тульской губернии Богородицкого уезда близ с. Кресты на берегу Красной Мечи»⁷. Но на подписи к таблице говорится: «Красивая Меча, Ефремов»⁸. Г. Ф. Корзухина, вероятно, за ориентир взяла реку и помещает клад «у с. Кресты близ г. Ефремова Тульской губ. на р. Красивая Меча»⁹. Исследователь не обратил внимания, что уже в «Описи...» сказано: «Первоначальные сведения о происхождении из Ефремовского и Елифанского уездов теперь изменены вследствие более тщательных исследований»¹⁰, а в дополнениях к рисункам «Красивая Меча, Ефремов» исправлено на «Тульская губерния, Богородицкий уезд, с. Кресты»¹¹. Значит, за ориентир следует принимать село Кресты, т. к. во всех источниках оно упоминается.

В данном регионе во второй половине XIX в. находились два села с названием Кресты: одно на Куликовом поле в Михайловской волости, второе в 30 км севернее, в Маклецкой волости. Чтобы определить, о каких Крестах идет речь, обратим внимание на владельца, который передал клад. В «Описи...» сказано, что «клад поступил в 1881 от тульских землевладельцев гг. Вознесенских, скупивших его по рукам у крестьян»¹². В материалах Н. П. Кондакова уточняется, что Вознесенские имели усадьбу близ села Кресты¹³. По данным архива Тульской области на этой территории проживали пять семей Вознесенских¹⁴, из которых только две имели земли. А вблизи сел Кресты ко второй половине XIX в. имели усадьбу только одни Вознесенские. Эти Кресты находятся на Куликовом поле¹⁵.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что клад найден в районе Куликова поля, в селе Кресты Михайловской волости Богородицкого уезда (ныне это Куркинский район, село Кресты), что в 60 км севернее ранее принятого местонахождения.

Обратим внимание на историческую характеристику этой территории в XII—XIV вв. Традиционно сложилось мнение, что данная территория является «диким полем»¹⁶. Работы Верхне-Донской археологической экспедиции ставят под сомнение эту точку

зрения¹⁷. В районе Куликова поля разведками обнаружено более 100 древнерусских памятников XII—XIV вв.¹⁸

Находка клада женских серебряных украшений не только подтверждает эти исследования, но и дополняет тем, что здесь находились не только простые землепашцы и ремесленники, но и представители княжеской администрации.

¹ *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936. С. 35—38; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954. С. 140—141.

² *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. С. 44.

³ *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из старой Рязани. М., 1978. С. 6.

⁴ *Опись Московской Оружейной палаты.* Ч. VII. Т. 10. М., 1893. С. 25.

⁵ Там же. С. 25. Альбом рисунков к описи. Табл. 78.

⁶ ЛОИА. ф. 1, оп. 1, 1885, д. 59, л. 300—300 об. 70—70 об.

⁷ *Опись.* С. 25.

⁸ Альбом рисунков к описи. Табл. 78.

⁹ *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. С. 140.

¹⁰ *Опись.* С. 25.

¹¹ Альбом рисунков к описи. Оглавления к рисункам. С. 3.

¹² *Опись.* С. 25.

¹³ ЛОИА. ф. 1, оп. 1, 1885, д. 59, л. 300 об.

¹⁴ *Памятные книжки Тульской губернии* за 1888. С. 107; за 1890. С. 34; за 1892. С. 22; за 1896, С. 102; ГАТО ф. 1, оп. 1, д. 422, л. 30, 38.

¹⁵ ГАТО ф. 1, оп. 1, д. 422, л. 155.

¹⁶ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 147 (карта); *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 200, 203 (карта).

¹⁷ *Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д.* и др. Куликово поле и его археологические памятники//Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.

¹⁸ *Гоняный М. И.* Археологические памятники древнерусского времени на Верхнем Дону. Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи советской археологии в свете решений 27 съезда КПСС». М., 1987. С. 80—81.

МОГИЛЬНИК У СЕЛА МОНАСТЫРЩИНА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1957 г. при разведывательных работах археологической экспедиции исторического факультета МГУ совместно с Тульским областным краеведческим музеем в окрестностях Куликова поля была раскопана часть грунтового могильника, расположенного на высоком правом берегу Дона, на восточной окраине с. Монастырщина в слободке «Грызловка». По сведениям жителей слободки, при рытье траншей для фундаментов домов и овощехранилищ они находили человеческие кости и какие-то «железки», похожие на ножи, и наконечники стрел. Могильник, по этим сообщениям, занимал площадь не менее 400 м².

Шурфы, заложенные на свободном от застройки участке, позднее были нами расширены (по мере обнаружения погребений) в раскоп 1, площадью около 50 м².

При раскопках выяснилось, что здесь непосредственно под дерном лежали слабо гумусированные с прослойками известняковой щебенки культурные отложения мощностью от 20 до 40 см, содержащие небольшое количество керамики XVI—XVII вв., в том числе чернолощеной. Их подстилал рыхлый глинистый слой с остатками захоронения, лежавший на очень плотном глинистом материке.

Из 15 вскрытых погребений, найденных на глубине 60—110 см от современной поверхности, три оказались очень плохой сохранности.

Все захоронения совершены в могильных ямах, углубленных в материк на 25—30 см, поскольку же границы ям не прослеживались в верхних слоях, то невозможно было установить уровень, с которого они выкопаны.

Скелеты лежали без соблюдения рядности на расстоянии от 40 до 290 см на разных уровнях, однако погребения не перекрывали одно другое. Это обстоятельство позволяет предполагать, что данное кладбище либо существовало недолго, либо поверхность могил чем-то обозначалась.

Среди раскопанных могил выявлены пять мужских захоронений, три женских, два детских и одно парное. Погребенные лежали на спине головой на юго-запад, руки чаще сложены на животе, реже в области таза.

Из 15 обследованных погребений в двух случаях скелеты были обсыпаны кусками угля, что следует рассматривать как пережиток обряда трупосожжения. В погребении № 10 прослеживались следы гроба (или колоды), в котором покоился умерший.

Прежде чем перейти к описанию инвентаря могильника, необходимо отметить одну его особенность — полное отсутствие керамической посуды при захоронениях, наличие которой столь характерно для русских курганных погребений.

Обнаруженный в трех захоронениях немногочисленный погребальный инвентарь состоял из предметов украшения (обломок стеклянного браслета, серебряная серьга, бляшки-нашивки, стеклянный бисер) и части шелкового воротника (рис. 1). В женском погребении № 5 при скелете длиной 152 см, с частично разрушенной грудной клеткой и утраченными костями руки, в области правой ключицы найден остаток воротника из византийского шелка саржевого переплетения, украшенный вышивкой (длина 17 см, ширина 1,2 см). Контур орнамента в виде S-образного завитка выполнен шелковыми нитками, а сам рисунок заполнен золотыми нитками (рис. 1, 5). Подобный орнамент был широко распространен на территории Древней Руси, в частности он встречается на тканях из курганных погребений у д. Кубаево Владимирской области¹. Шелк с аналогичной вышивкой найден в одном из погребений старорязанского кладбища, датированного началом XIII в.²

По письменным источникам известно, что в числе товаров, поступавших на Русь из Византии в XI—XII вв., были широко представлены различные шелковые ткани³.

В хорошо сохранившемся женском погребении № 9 (длина 180 см) среди костей грудной клетки, ниже ключиц, найдены шесть серебряных нашивных бляшек и около 17 сильно ирризированных стеклянных бисеринок и обломок стеклянного браслета. Серебряные штампованные бляшки имели форму вогнуто-выпуклого параллелограмма (длина 1,6 см, ширина 0,6 см) с рубчатой позолоченной поверхностью. Слегка отогнутые края были снабжены отверстиями для прикрепления к одежде (рис. 1, 4). Аналогичные серебряные бляшки входили в состав одного из кладов (1868 г.) Старой Рязани, датированного Г. Ф. Корзухиной XII—XIII вв.⁴ Бисер рубленый из желтого непрозрачного стекла ближневосточного происхождения диаметром 0,2 см (рис. 1, 3) является частой находкой в древнерусских городах, а также в одновременных с ними курганных могильниках⁵. Серебряные нашивные бляшки и стеклянный бисер украшали верхнюю часть женской одежды.

Присутствие в погребении обломка браслета круглого сечения из прозрачного стекла (диаметр 0,6 см) золотистого цвета — случай довольно редкий, поскольку стеклянные браслеты являются специфически городским украшением, особенно в XII—XIII вв. (рис. 1, 2).

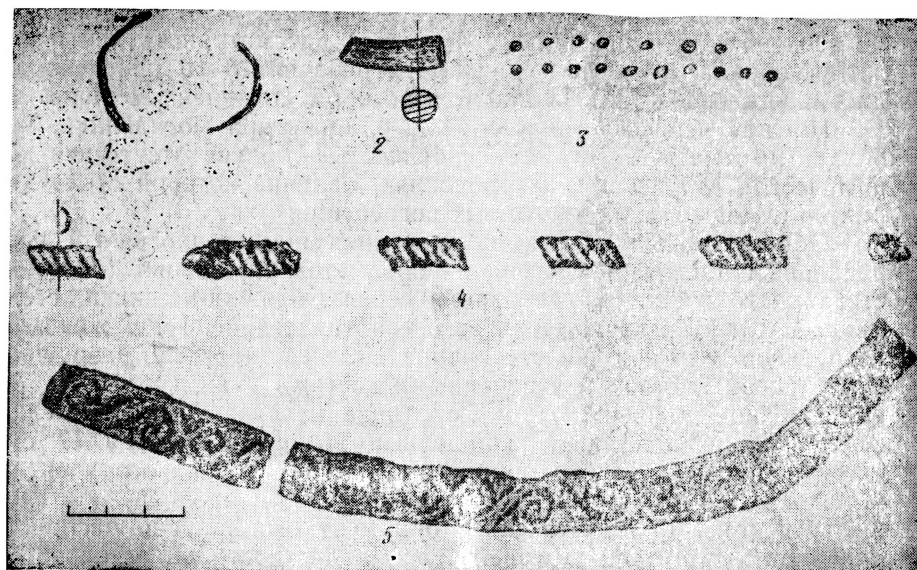

Рис. 1. Погребальный инвентарь

1 — части серьги; 2 — обломок стеклянного браслета; 3 — стеклянный бисер; 4 — нашивные бляшки; 5 — фрагмент тесьмы

У хорошо сохранившегося мужского скелета в могиле № 10 (длина 160 см) около левого уха найдены два обломка серебряной проволочной серьги (сечение 0,2 см) (рис. 1, 1). Обычай мужчин носить серьгу в одном ухе известен на Руси с X в. и был широко распространен у крестьян еще в XIX в.⁶

Рассмотренный выше состав погребального инвентаря и приведенные аналоги позволяют датировать могильник у с. Монастырщины домонгольским временем, а точнее XII—XIII вв. Наличие могильника является прямым доказательством существования поблизости одновременного с ним древнего поселения, занимавшего, возможно, территорию одной из слободок современного села⁷.

Входившие в состав погребального инвентаря могильника предметы свидетельствуют о связях населения этого региона не только с древнерусскими центрами (Старая Рязань), но и с более отдаленными странами (Византия, Ближний Восток). Не исключено, что селище на берегу Дона входило в состав рязанских земель и его постигла та же участь, что и город Старая Рязань во время нашествия Батыя в 1237 г.

-
- ¹ *Фехнер М. В.* Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси//Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 223.
- ² *Монгайт А. Л.* Старая Рязань//МИА, 49. М., 1955. С. 157—173. Рис. 133.
- ³ *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути//ИКДР. Т. 1. М—Л, 1948. С. 327—328.
- ⁴ *Монгайт А. Л.* Ук. соч. С. 146. Рис. 116, 11—12;
Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М—Л., 1954. С. 144.
- ⁵ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 177. Рис. 33.
- ⁶ *Арциховский А. В.* Одежда//Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 295.
- ⁷ В результате археологических исследований сотрудников ГИМ в окрестностях Куликова поля в 1983 г. на противоположном берегу оврага было открыто древнерусское селище — Монастырщина III.

ПОСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ МОНАСТЫРЩИНА III НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

До недавнего времени район Куликова поля на Верхнем Дону был слабо изучен археологически. Раскопкам подвергался лишь Грызловский грунтовый могильник, датированный XII—XIII вв.¹

В 1983—1984 гг. Окско-Донской археологической экспедицией ГИМа были исследованы два поселения древнерусского времени: Монастырщина II² и Монастырщина III, близ села Монастырщина Кимовского района Тульской области.

Селище Монастырщина III (урочище Бугровка) находится в 1,4 км к востоку от Рождественской церкви с. Монастырщина, на правом коренном берегу р. Дон, на мысе, образованном оврагом Козулятник, выходящим в пойму реки, на высоте 25—27 м над уровнем воды (рис. 1).

Культурный слой сложен темно-серым гумусированным суглинком мощностью до 0,5 м, распространяется вдоль берега р. Дон на 160 м при ширине до 50 м.

К сожалению, большая часть памятника разрушена при добыче бутового камня³. На сохранившихся участках было заложено два раскопа общей площадью 349 м². Раскоп 1 площадью 20 м² расположен в восточной части поселения на краю небольшого карьера. В процессе работ в нем обнаружены следы наземного жилища, выявленного по развалу глинобитной печи, хозяйственной яме, концентрации керамики.

Печь сохранилась в виде прослойки обожженной глины оранжевого цвета, размером 0,9×0,4 м, толщиной до 0,1 м. В 1 м к западу располагалась хозяйственная яма размером 1,9×1,6 м, глубиной 0,79 м, овальная в плане с отвесными стенками и горизонтальным дном. Заполнение ее состояло из темно-серого гумусированного суглинка с включением угля, прокаленной глины, мелкого щебня, костей животных, белоглиняной и сероглиняной круговой керамики, трех обломков гладких стеклянных браслетов оливкового цвета, фрагмента литого овалноконечного браслета, железной дужки от ведра. На площади, связанной с жилищем, обнаружены глиняное грузило, обломок железного ножа, керамика (рис. 4, 1, 9, 12, 15).

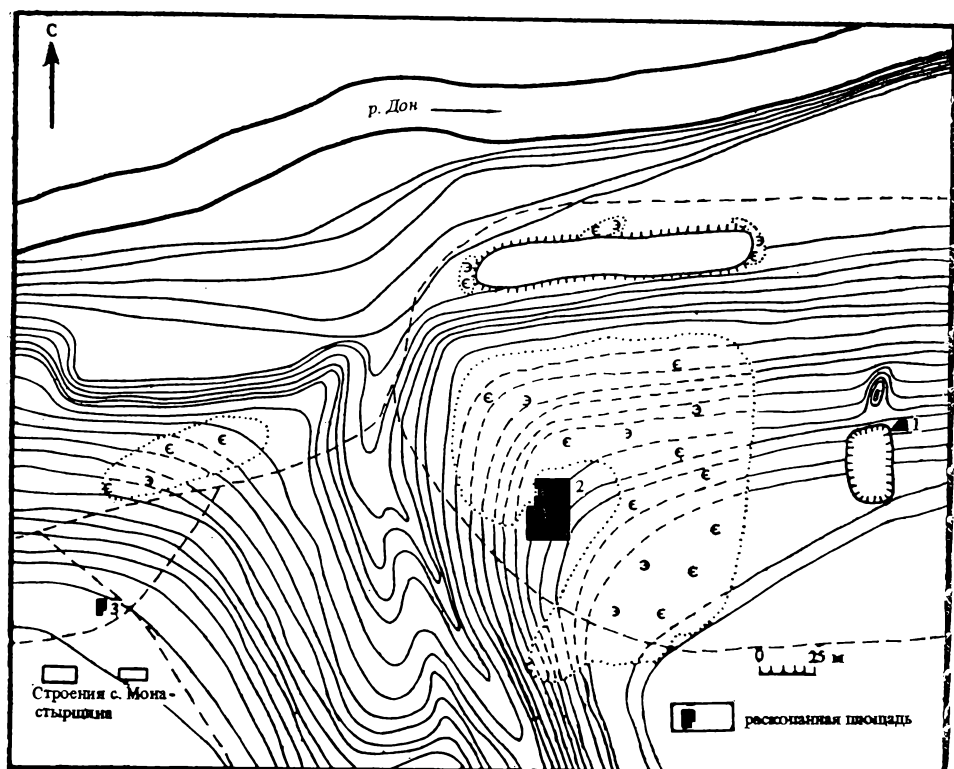

Рис. 1. План поселения Монастырщина III и грунтового могильника Грызловка
1 — раскоп площадью 20 м²; 2 — раскоп площадью 329 м²; 3 — грунтовой могильник

Раскоп 2 площадью 329 м² был заложен в западной части селища. Поверхность имела понижение в сторону оврага и реки до 1,5 м. Культурный слой повреждений не имел. В северной части раскопа обнаружены следы наземного жилища, выявленного по развалу глинобитной печи, хозяйственным ямам, скоплению камней, концентрации находок и керамики. Печь сохранилась в виде прямоугольной прослойки прокаленной глины с включением угля, размером 1,7×0,8 м, мощностью до 0,25 м, с двух сторон ограниченной большими прокаленными камнями. В 1,2 м к западу при зачистке материка обнаружена хозяйственная яма размером 2,2×2,4 м, глубиной 1 м, круглая в плане, с почти отвесными стенками и горизонтальным дном. В ее заполнении, в слое темно-серого гумусированного суглинка с щебнем и мелкими камнями обнаружена золисто-пепельная прослойка диаметром 0,9 м, толщиной 0,1 м, ниже — массив прокаленной оранжево-красной

глины размером $1,3 \times 1,1$ м, мощностью 0,5 м, круговая белоглиняная и сероглиняная керамика, обломок крученого стеклянного браслета оливкового цвета со следами пребывания в огне (рис. 4, 17).

В 2,5 м к востоку от развала печи расчищена другая хозяйственная яма, овальная в плане, размером $1,8 \times 1,6$ м, глубиной 0,2 м, заполненная темно-серым гумусированным суглинком с включением мелких кусков прокаленной глины, угля, керамики, костей животных, рыбьей чешуи. В яме найдены: костяная рыболовная блесна с отверстием для крепления (рис. 4, 18), точильный брусок. К северу и югу от печи на расстоянии 1 м обнаружены небольшие развалы бутового камня.

На площади, связанной с жилищем, собрано более 1,5 тысячи фрагментов керамики, найдены обломки железных дужек от ведер, ножи, гвозди, овальное кресало, заготовка пряслица, изготовленного из фрагмента керамики. В 7 м к югу от жилища 2 обнаружены следы жилища 3, выявленного по развалу глинобитной печи, хозяйственной яме, концентрации находок.

Итак, на исследованной площади поселения были выявлены следы трех, очевидно, наземных жилищ. О конструктивных особенностях самих построек и о их размерах сказать что-либо трудно. Можно ориентировочно попытаться установить тип печей. Они глинобитные, расположенные непосредственно на грунте. Необходимо отметить наличие хозяйственных ям в жилищах.

Наземные жилища с глинобитными печами и хозяйственными ямами широко известны в поселениях рязанской земли, в городах Старая Рязань⁴, Пронском, Лубянском, Ижеславльском, Жокинском⁵, на верхнедонских древнерусских поселениях Липецкой и Воронежской областей.

На поселении у с. Каменного, датирующемся XIII—XIV вв., обнаружены остатки наземных жилищ площадью $4 \times 3,5$; 4×4 ; $4 \times 4,5$ м с подпольными ямами овальной формы, углубленными в материк на 0,8—1,5 м, с глинобитными печами⁶. На поселении у с. Казинка на р. Матыре раскопаны остатки нескольких наземных жилищ XII—XIII вв. размером 3×4 ; 4×4 ; 4×6 м, с круглыми глинобитными печами, стоявшими на уровне пола⁷.

На поселении Монастырщина II встречены остатки наземного жилища XIII—XIV вв., выявленного по развалу глинобитной печи, припечной и хозяйственной ямам, концентрации керамики⁸. XII—XIII вв. — время широкого распространения наземных жилищ. В восточной части лесостепной зоны, на территории южной части Рязанского княжества, в восточных районах Чернигово-Северской земли наземные жилища, по-видимому, также становятся в XII—XIII вв. господствующим типом рядового жилья⁹. Таким образом, наземные жилища, обнаруженные на селище Монастырщина III, очевидно, являются обычными для сельских поселений XII—XIV вв. на Верхнем Дону.

Наиболее массовой категорией находок на поселении является

керамика, которой насыщен весь культурный слой, правда, не везде равномерно. На площади жилищ и на территории, примыкающей к ним, ее особенно много. Всего на селище обнаружено 5666 фрагментов. Более 95 % из них изготовлено из беложгущейся глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосудов белая, бело-розовая и светло-серая; черепок в изломе белый или серый, хорошего обжига, тонкостенный (3—5 мм), исключение составляют большемерные сосуды, толщина стенок которых достигает 10 мм. Вся керамика поселения сформована на гончарном круге в технике спирально-жгутового налепа.

Около 5 % посуды выполнено из серожгущихся глин с примесью мелкого песка. По технике изготовления, назначению и форме сероглиняная керамика не отличается от белоглиняной. Обнаружены два небольших красноглиняных черепка со сплошным лощением, возможно золотоордынских.

Наиболее многочисленную группу изделий из керамики составляют горшки, подавляющая часть которых имеет следы нагара, что свидетельствует об использовании их в качестве кухонной посуды. Керамический материал состоит в основном из фрагментов, только в четырех случаях удалось реконструировать целые формы (рис. 2, 1—4). Ввиду малочисленности они использовались лишь для сопоставления результатов, полученных при обработке коллекций, состоящих из 230 фрагментов верхних частей сосудов.

В результате классификации, выполненной на основании методики сокращенной программы статистической обработки керамики¹⁰, удалось выделить пять типов горшков (рис. 3).

Тип I. Горшки I типа (53 фрагмента — 23 %) характеризуются отогнутым наружу венчиком с загнутым внутрь краем, благодаря чему изнутри образуется небольшая канавка. Имеются различные варианты оформления верхнего края венчика. Иногда канавка проходит не только изнутри, но и снаружи, поэтому округлый край венчика выражен очень четко.

Второй вариант образуют венчики с вертикально или немного скошенным краем, что придает их верхней части приотстренную, вытянутую вверх форму, с внутренней стороны образуя характерный подрез для крышки.

Третий вариант представлен венчиками с завернутым внутрь приотстренным краем, образующим подрез.

Сосуды низкогогорлые, сильно- и среднепрофилированные, с очень высоким и высоким слабовыпуклым плечиком. Диаметр устья 12, 13, 16—18, 21—23, 25 см. Орнамент, в основном, линейный зонный, в двух случаях многорядный волнистый, один сосуд украшен комбинированным многорядно-волнистым и линейным орнаментом, другой — однорядной волной в пять рядов, занимая 2/3 высоты горшка. Аналогичные горшки были распространены в XII—XIII вв. на всей территории Руси¹¹.

Рис. 2. Поселение Монастырщина III. Керамика (1—4), гончарные клейма (5—9)

Тип II. Горшки II типа (69 фрагментов — 30%) характеризуются отогнутым наружу припухлым венчиком. У некоторых фрагментов он уплощен и скошен наружу, образуя округлый или слегка приостренный край, а на внутренней поверхности горла образуется небольшая бороздка. Другой вариант образуют вен-

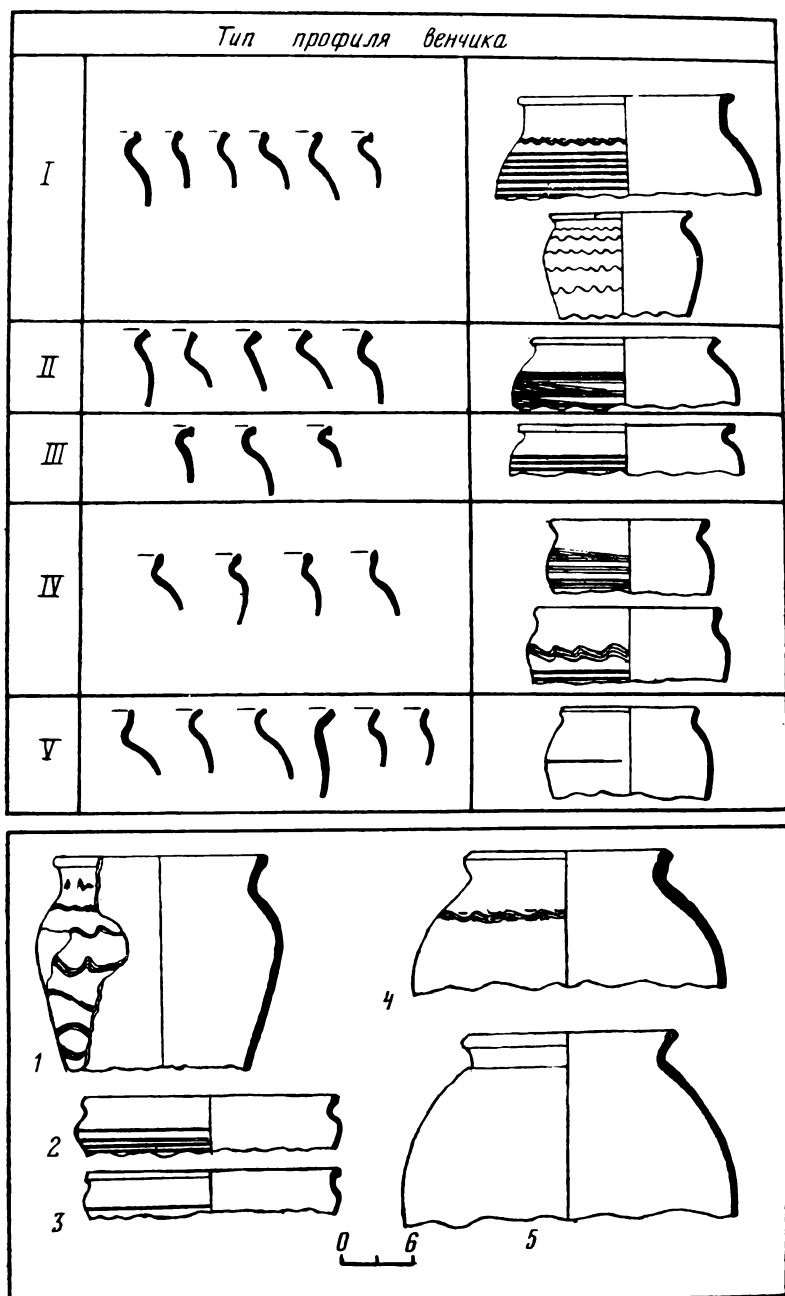

Рис. 3. Поселения Монастырщина III. Типы керамики

чики с округлым, скошенным наружу краем, с внутренней стороны горла еле заметная бороздка.

Сосуды низкогогорлые, сильно- и среднепрофилированные, с очень высоким и высоким, слабо- и средневypуклым плечиком. Диаметр по венчику 13, 14, 17—20, 22—25, 31 см. Орнамент в большинстве случаев линейный многорядный, зонный, покрывающий до 2/3 высоты сосуда. Два фрагмента украшены многорядным волнистым орнаментом, один — многорядной прерывистой волной. Аналогичная керамика датируется концом XII—XIII вв. и обнаружена в черниговской земле на городищах Вяхань¹² и Попаш¹³, на поселении у с. Сенча на р. Суле¹⁴. В Москве¹⁵, в Новогрудке подобная керамика господствует в первой половине XIII в.¹⁶

Тип III. У сосудов III типа (13 фрагментов — 5,6%) венчик отогнут наружу и вертикально приплюснут так, что один край свисает вниз, другой оттянут вверх, образуя канавку.

Сосуды низкогогорлые, сильно профилированные, с очень высоким слабовypуклым плечиком. Диаметр устья 19—22, 25 см. Орнамент линейный. Подобная посуда датируется тем же временем, что и горшки второго типа. Данный тип наиболее характерен для мискообразных сосудов с сильнопрофилированным венчиком.

Тип IV. У горшков IV типа (59 фрагментов — 25,7%) венчик отогнут наружу, край завернут внутрь, образуя уплощенные и округлые утолщения. С внутренней стороны — небольшая бороздка. Сосуды низкогогорлые, среднепрофилированные, с очень высоким слабо- и средневypуклым плечиком. Диаметр по венчику 13, 14, 16, 18—21, 23 см. Орнамент преимущественно линейный, зонный или сплошной, один фрагмент имеет линейно-волнистый узор. Сосуды с такими венчиками принадлежат к часто встречающимся в русской керамике XIII—XV вв. Они найдены в Москве¹⁷, Смоленске, в русском квартале в Болгарах¹⁸; в Новгороде, на подмосковных городищах XII—XIII вв.¹⁹, на Водянском городище²⁰, поселении у с. Березовки²¹, Семилукомском городище²², на поселении Монастырщина II²³.

Тип V. Горшки V типа (36 фрагментов — 15,7%) характеризуются просто оформленным без утолщений венчиком, с округлым или косо срезанным краем. Сосуды низко-, среднегорлые, слабо-, средне- и сильнопрофилированные, с высоким слабо- и средневypуклым плечиком. Диаметр их по венчику 12, 13, 15, 17—19, 21, 23 см. Орнамент, в основном, линейный, в четырех случаях многорядный волнистый. К данному типу относятся три целых сосуда (рис. 2; 2—4). Горшки низкогогорлые, сильнопрофилированные, с высоким слабовypуклым плечиком. Диаметр их венчика 10 и 13 см. Максимальное расширение тулова на 1—2,5 см превышает высоту сосуда. Орнамент линейный, зонный, многорядный волнистый, занимает 2/3 высоты горшка. В одном случае встречен штампованный узор, нанесенный зубчатым ин-

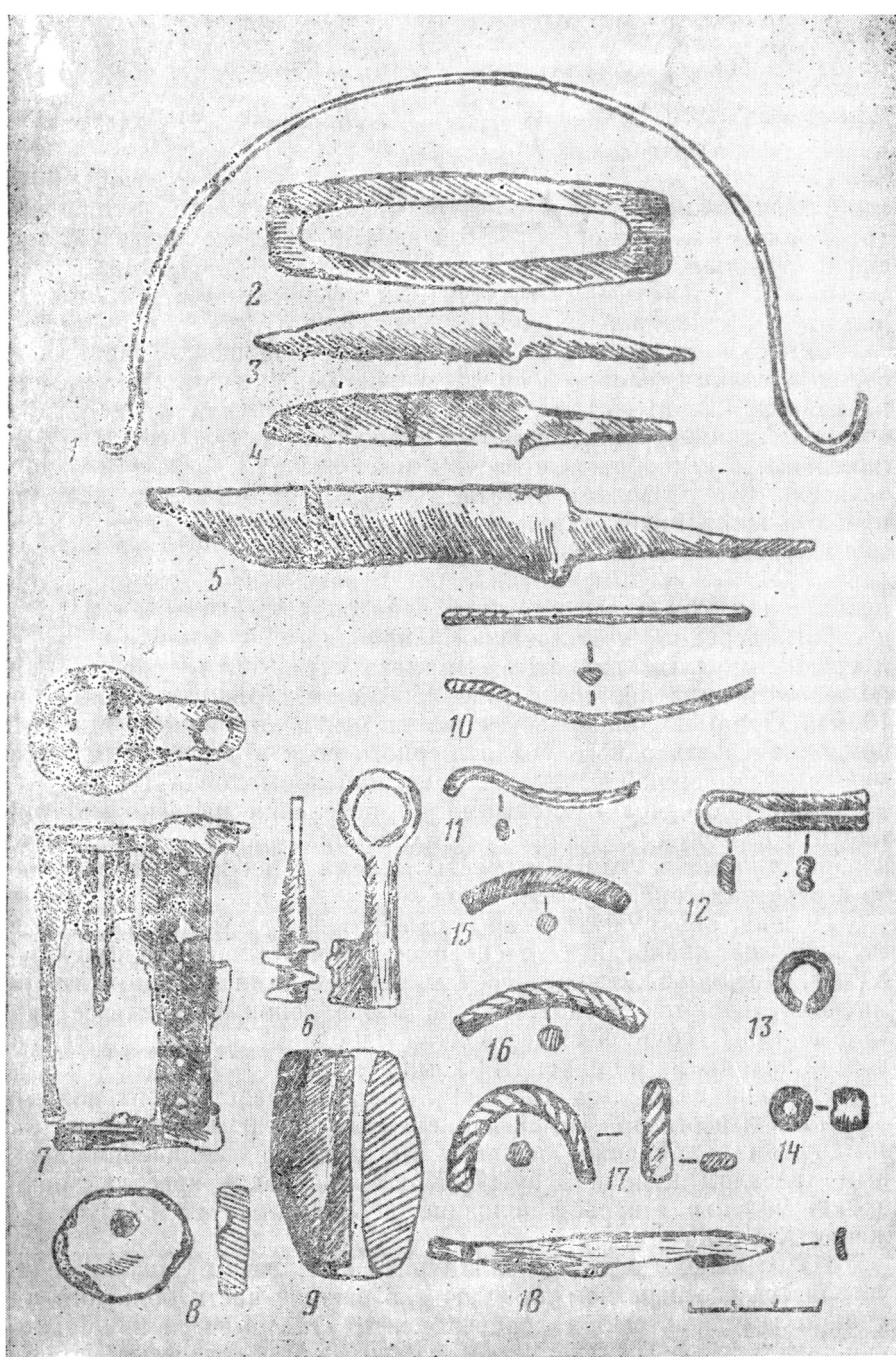

Рис. 4. Поселение Монастырщина III

Находки из железа (1—7, 13), цветного металла (10—12), стекла (14—17), глины (8, 9), кости (18)

струментом. Горшки пятого типа встречаются в XI—XIV вв. и являются общерусскими.

Возможно, к VI типу относятся венчики (7 фрагментов), край которых отогнут наружу, образуя различной формы утолщения (рис. 3, 1). Малочисленность этой керамики не позволяет ее классифицировать.

Среди других форм, встреченных на поселении, следует выделить 12 мискообразных сосудов (рис. 3, 2, 3).

Все они низкогогорлые, средне- и сильнопрофилированные, с очень высокими, слабо- и средневыпуклыми плечиками. Диаметр по венчику 14, 21—23 см, как правило, равен или немного превосходит диаметр максимального расширения тулова. Орнамент линейный. Мискообразные сосуды имеют следы нагара и закопченности, что позволяет думать, что они использовались как для приготовления пищи, так и в качестве столовой посуды.

Интерес представляют 5 фрагментов верхних частей сосудов (рис. 3, 4, 5), которые могли использоваться как для приготовления пищи, так и для хранения запасов. Сосуды низко- и среднегорлые, средне- и сильнопрофилированные, с высоким слабо- и средневыпуклым плечиком. Диаметр устья 17, 18, 26 см, наибольшее расширение по тулову 25—35 см. Толщина стенок 6—10 мм. Орнамент линейный и волнистый многорядный. Найдена придонная часть одного большемерного сосуда с линейным орнаментом, с толщиной черепка 9 мм, диаметром донца 13 см.

Донцев сосудов с клеймами на поселении найдено 25, учитывая фрагменты. В основе многих из них — круг с различными изображениями внутри. Интересны клейма с изображениями ключа и свастики (рис. 2, 5—9).

Посуда, обнаруженная на поселении Монастырщина III, имеет широкие аналогии с древнерусской керамикой конца XII—XV вв. Предположительно, сосуды первого типа для данного памятника являются хронологически более ранними, хотя все указанные типы горшков существовали одновременно, что подтверждается находками из закрытых комплексов.

Изделия из железа (рис. 4, 1—5, 13) представлены ножами с прямой и изогнутой спинкой, железными дужками от ведер, разомкнутым с заклепкой кольцом от кольчуги, удлинненно-овальным кресалом длиной 9 см. В Новгороде такие кресала вошли в употребление в первой половине XIII в. и бытовали на протяжении XIV—XV вв.²⁴

На селище встречен цилиндрический замок усложненного устройства с отверстием для ключа в нижней части большого цилиндра и с прорезью в донце (рис. 4, 7). Замок паян медью и украшен рельефным волнистым узором. Хронологически и типологически он соответствует новгородским замкам типа Б²⁵.

Изделия из цветного металла немногочисленны (рис. 4, 10—12). Это проволоочное бронзовое колечко, обломок литого бронзового украшения с косой нарезкой, фрагмент трехгранного в се-

чении дровяного браслета, часть овальноконечного браслета, лицевая сторона которого украшена узором в виде рельефных продольных линий. Аналогичные изделия найдены в Костромских курганах и Новгороде²⁶, где датируются концом XII—XIII вв.

Находки из стекла представлены десятью обломками крученых и гладких стеклянных браслетов оливкового, бирюзового и зеленого цветов (рис. 4, 15—17). По определению Ю. Л. Щаповой, все обнаруженные на поселениях браслеты киевского производства конца XII—XIII вв.

Встречено глиняное рыболовное грузило, обломок и заготовка пряслиц из фрагментов керамики (рис. 4, 8, 9). Подобные им в Переяславле Рязанском стратиграфически датируются XIV в.²⁷

Подробное рассмотрение материала, собранного в процессе раскопок на поселении Монастырщина III, дает возможность заключить, что селище было основано древнерусским населением, вероятно, на рубеже XII—XIII вв. и существовало на протяжении XIII, а возможно, и XIV в. Нахождение в радиусе 1 км четырех небольших древнерусских селищ площадью 1—3,5 тыс. м² каждое, грунтового могильника, значительная площадь поселения Монастырщина III, находки на нем стеклянных браслетов и кольца от кольчуги — предметов городского характера дает основание предположить, что поселение являлось центром сельской территориальной общины.

¹ Изюмова С. А. Могильник у с. Монастырщина Тульской области. См. данный сборник.

² Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман М. А. и др. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы. См. данный сборник.

³ План дачи села Рождествена, Монастырщина тож. Съёмки корпуса межевщиков. ЦГИА СССР, ф. 380, оп. 33, л. 31;

План части Куликова поля с показанием Красного холма и его окрестностей. ЦГАВМФ СССР, ф. 3/л, оп. 28, д. 1707.

⁴ Монгайт А. Л. Старая Рязань//МИА. 1955. № 49. С. 41—49.

⁵ Он же. Рязанская земля. М., 1961. С. 218, 223, 226.

⁶ Матвеева В. И. Работа Верхнедонской экспедиции в Липецкой области//АО 1978. М., 1979. С. 71.

⁷ Она же. Работы Верхнедонской экспедиции//АО, 1971. М., 1972. С. 107.

⁸ Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман М. А. и др. Указ. соч. См. данный сборник.

⁹ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище//САИ. М., 1975. Вып. Е1—32. С. 125, 127.

¹⁰ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок//СА 1973. № 1. С. 114—136. (Обработка керамического материала с поселения Монастырщина III проведена Свириной А. Б.).

¹¹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1—39. С. 79. Табл. 1.

Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв.//КСИА. 1971. Вып. 125. С. 29;

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов смоленской земли (VIII—XIV вв.)//МИА. 1960. № 92. С. 16.

Каменецкая Е. В. Керамика Смоленска XII—XIII вв.//Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. 5, С. 53.

- Беседин В. И., Беседина В. В. Семиlukское городище на Дону//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983. С. 80.
- Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Раскопки многослойного Семиlukского городища//Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986. С. 65, 66.
- ¹² Моргунов Ю. Ю. Летописный город Вяхань//СА. 1982. № 2. С. 239.
- ¹³ Он же. Летописный город Попаш//СА. 1985. № 1. С. 244.
- ¹⁴ Пескова А. А. Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле//КСИА. 1978. Вып. 155. С. 91.
- ¹⁵ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1—39. Табл. 2.
- ¹⁶ Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв.//КСИА. 1971. Вып. 125. С. 29.
- ¹⁷ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1—39. Табл. 2.
- ¹⁸ Хлебникова Т. В. Древнерусское поселение в Болгарах//КСИИМК. 1956. Вып. 62.
- ¹⁹ Раппопорт П. А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г.//КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 62.
- ²⁰ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 90.
- ²¹ Полубояринова М. Д. Указ соч. С. 105. Рис. 34.
- ²² Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Раскопки многослойного Семиlukского городища//Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986. С. 65, 66.
- ²³ Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман М. А. и др. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы. См. статью в данном сборнике.
- ²⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65. С. 101.
- ²⁵ Там же. С. 80.
- ²⁶ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов//МАНВГР. 1899. Т. III. Табл. 1, 18;
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода//МИА. 1959. № 65. С. 251.
- ²⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 214.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПОГРАНИЧНОГО ГОРОДА- КРЕПОСТИ ЧУР-МИХАЙЛОВА И ПАМЯТНИКИ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА

Пограничная крепость XIII в. Пронского княжества Чур-Михайлов и ее местонахождение вызвали интерес как русских и советских, так и зарубежных исследователей¹. Автор немецкого историко-географического атласа К. Шпрунер считал Чур-Михайловым город Михайлов, поэтому на карте № 56 обозначил его как Кир-Михайлов². М. А. Веневитинов связывал Чур-Михайлов с городищем старого Донкова (Богородицкое, старое городище тож), расположенным на берегу Дона в 24 верстах выше нового Донкова³. К. В. Кудряшов высказал гипотезу о нахождении интересующего нас города-крепости в бассейне р. Большой Кочур⁴. Аргументы, приведенные К. В. Кудряшовым, в целом весьма убедительны и более предпочтительны, нежели точки зрения К. Шпрунера и М. А. Веневитинова. Гипотеза Кудряшова К. В. находит свое подтверждение в ряде более поздних исторических документов и, в частности, в памятниках Куликовского цикла, а также в картографических материалах Генерального межевания последней четверти XVIII в.⁵

Во всех опубликованных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» с незначительными разночтениями содержится рассказ о «крепкой стороже» Фомы Кацибя у реки Чур-Михайловой⁶. Суть повествования состоит в том, что в ночь перед битвой «княжой муж» (дружинник или лицо, достаточно известное великому князю) был послан по левому берегу Дона «на крапкую сторожу от татар» на реке Чур-Михайловой⁷.

Все три редакции «Сказания о Мамаевом побоище» указывают название реки Чур-Михайловой и наличие «крепцей сторожи», т. е. укрепленного места на ее берегу⁸. В «Задонщине» не приводится название реки, но содержится топоним «между Чу ровым и Михайловым», что дает основание считать «сторожу» одноименной с названием реки⁹. Отсюда видно, что историко-литературные произведения Куликовского цикла сохранили известия о реке Чур-Михайловой и одноименном укреплении — пограничном городище, расположенном в бассейне этой реки.

Безотносительно к легендарной фигуре Ф. Кацибя указания на одноименные городище и реку вполне реальны и соответству-

ют известию «Хождения митрополита Пимена в Царьград». В тексте «Хождения...» упоминается топоним Чур-Михайлов и сказано: «...сице бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был быше»¹⁰.

Таким образом, тексты «Хождения митрополита Пимена в Царьград», «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» с полной очевидностью показывают на определенный отрезок левобережья Дона, примыкающий к территории Куликова поля, где нет более значительной водной преграды кроме реки Большой Кочур с притоками¹¹. Эта река надежно прикрывала подходы к городу со стороны Половецкого поля. Однако уже Книга Большого чертежа не знает гидронима Чур-Михайлова и не упоминает существовавшего там городища.

Источники XVII в. и, в частности, Донковская писцовая книга не содержит описания реки Большой Кочур, как, впрочем, и Рязанские писцовые книги XVI—XVII вв. Видимо, поэтому К. В. Кудряшов, опираясь на «Списки населенных мест Рязанской губернии», связывал местонахождение сторожи, на которую был послан Фома Кацибей, с городищем у села Архангельского (Голицыно, Кочуровское городище), высказав при этом предположение о том, что городище на реке Большой Кочур представляет собой остатки крепости, построенной при пронском князе Кир-Михаиле в начале XIII столетия¹². Действительно, князь Кир-Михаил, упоминаемый в наших летописях, был сыном пронского князя Всеволода Глебовича, умершего около 1207 г. (у Н. Головина — 1206 г.)¹³. Таким образом, Кир-Михаил наследовал Пронское княжество по смерти своего отца в 1207 г.¹⁴ Однако уже вскоре вынужден был бежать к тестю Всеволоду Святославовичу Чермному, спасаясь от войск суздальского князя, осадившего Пронск¹⁵. В 1209 г. Кир-Михаил участвует в набеге рязанских князей на окрестности Москвы¹⁶. Последний раз Кир-Михаил упоминается среди рязанских князей, изменнически убитых князем Глебом Владимировичем в 1217 г.¹⁷

В русской и советской исторической литературе Михаил Всеволодович пронский именуется Кир-Михаилом, что соответствует некоторым летописным известиям, в частности, в Лаврентьевской летописи и в летописце Переяславля Суздальского¹⁸. А. Г. Кузьмин, Ю. А. Лимонов и А. А. Экземплярский именуют Михаила Всеволодовича Кир-Михаилом; Н. М. Карамзин (на основании известия Троицкой летописи) — Чур-Михаилом, как это читается в Троицкой летописи, восстановленной М. Д. Приселковым¹⁹. Прочтение Чур-Михаил известно А. Г. Кузьмину, цитировавшему ряд русских летописей²⁰. В первом издании Полного собрания русских летописей указано, что Кир-Михаил — написание ошибочное: надо писать Чур-Михаил, как у Н. М. Карамзина и в тексте Троицкой летописи²¹. В тексте Суздальской летописи, приложенной к изданию Лаврентьевской летописи, читаем: «Кур-Михаил побеже преди из Проньска; и отъя у них воду, и они предашеся

и княгиню Кур-Михайлову, товара пойма без числа, а со Изъяславом мир взя»²². В Новгородской первой летописи, в том же сюжете с осадой Пронска имя Кир-Михаила читается, как Кюр-Михаил, а его жена именуется Кюр-Михайловой²³. Таким образом, в разных летописях имеется разное прочтение имени Михаила Всеволодовича: Кюр-Михаил, Кур-Михаил, Чур-Михаил. Само это разночтение указывает на то, что имя пронского князя современниками воспроизводилось неоднозначно, что чрезвычайно важно, ибо дает возможность определить топоним Чур-Михайлов от антропонима Чур-Михаил. Согласно М. Р. Фасмеру и И. И. Срезневскому приставка «кюр» соответствует латинскому *augustus*, т. е. августейший, и принадлежало в XIII в. титулатуре членов византийского царствующего дома²⁴. Этот титул князя Михаила Всеволодовича, возможно, указывает на родственные связи пронских князей с членами византийского императорского дома. Однако в тексте летописей отмечено именование пронского князя не только Кир-Михаилом, но и Чур-Михаилом, что объяснимо, ибо А. Н. Веселовский выводил русское «чур» от греческого «кюр»²⁵. Летописная традиция именованья Михаила Всеволодовича Чур-Михаилом подтверждает точку зрения А. Н. Веселовского. Отсюда река, называемая в летописях Чур-Михайловой, как, впрочем, и город восходят к антропониму Чур-Михаил, т. е. имени пронского князя, с деятельностью которого К. В. Кудряшов связывал основание пограничного пронского города Чур-Михайлова.

Наряду с указанными сведениями летописей карты Генерального межевания дают нам точное местонахождение городища у села Архангельского, само название которого позволяет предполагать наличие здесь некогда патронального храма князя Кир-Михаила — церкви архистратига Михаила. При этом, если на карте-трехверстке, как и в Экономических примечаниях, против городища читаем — село Архангельское, Кучуровское городище²⁶, то на геометрической карте Рязанского наместничества 1791 г. указанное городище названо Чуровским (Архангельское, Чуровское городище тож)²⁷. Указанное название восстанавливает старинный топоним, забытый уже во времена составления Книги Большого чертежа. Выше указано, что город и река назывались по имени князя Чур-Михаила. Таким образом, указанное на карте Чуровское городище правомерно рассматривать, как место нахождения южного рубежа Пронского княжества, проходившего по реке, которая ныне именуется Большой Кочур (Кочуровка) и которая является рекой Чур-Михайловой наших летописей и сказаний. Именно здесь был поставлен город на пограничье с Половецким полем пронским князем Кир-Михаилом в начале XIII в.

Исходя из приведенных фактов, Фома Кацибей, покинув место переправы русских войск, ночью с 7 на 8 сентября 1380 г. двинулся по левобережью Дона к реке Чур-Михайловой, остановился на Чур-Михайловом городище, откуда известил о передви-

жении татарских войск по правому берегу Дона²⁸. Кроме того, застава у Чур-Михайлова позволяла контролировать перемещение рязанских ратей как по воде, так и через волок из реки Ратова в реку Чур-Михайлову.

В заключение можно сделать вывод, что единственным аналогом пограничной крепости Пронского княжества может быть только городище села Архангельского Милославского района Рязанской области, а рекой Чур-Михайловой является впадающий в Дон Большой Кочур (Кочуровка).

¹ Historisch-Geographischer Hand-atlas zur Geschichter der Staaten Europa, s vom Anfang des Mittelalters bis auf die neueste Zeit Von Dr; Karl von Spruner. Zweite Auflage. Gota: 1854;

Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

² Historisch-Geographischer Hand-atlas..., Kart 56.

³ *Веневитинов М. А.* По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону.//Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. XIV. С. 317—319; ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, 1791, № 1.

⁴ *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 20—21.

⁵ Повести о Куликовской битве. М., 1959; ЦГАДА, ф. 1355, кн. 1210, л. 32, ф. 1356, оп. 1, 1791, № 1.

⁶ ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 58; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 65, 98, 144, 414; ПСРЛ. М. Т. 26. 1959. С. 139.

⁷ ПСРЛ. М. Т. XI. 1965. С. 58; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 65; 98; ПСРЛ. Т. 26. М., 1959. С. 139 *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке. Л., 1970. С. 70, 126, 144.

⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 40—41, 62, 95.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. М., 1965. С. 96.

¹¹ *Маштаков П. Л.* Списки рек Донского бассейна. Л., 1934, С. 1.

¹² *Кудряшов К. В.* Указ. соч. С. 20, 30.

¹³ *Головин Н.* Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. С. 16, 20; *Экземплярский А. А.* Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период. 1238—1505 гг. Т. II. СПб., 1892. С. 446, 566, 622—623. Табл. 8.

¹⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 431; *Головин Н.* Указ. соч. С. 16, 20.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 431, 490.

¹⁶ Там же. С. 434.

¹⁷ Там же. С. 440—441; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М., 1950. С. 302—303.

¹⁸ *Экземплярский А. А.* Указ. соч. С. 446, 566, 622—623; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 132—133; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. М., 1967. С. 113.

¹⁹ Там же; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М., 1958. С. 296.

²⁰ *Кузьмин А. Г.* Указ. соч. С. 134.

²¹ ПСРЛ. Т. I. С. 431; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 296; ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846. С. 182.

²² ПСРЛ. Т. I. С. 490.

²³ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М., 1950. С. 60.

²⁴ *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды. Вып. 3. СПб., 1909. С. 88; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. С. 1420.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1355, кн. 1210, л. 32.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, 1791, № 1; Куликовская битва. М., 1980. Карта.

²⁸ *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 20.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РЯЗАНСКИХ ЗАСЕК В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Рязанские Засеки составляют восточный край 500-километровой линии оборонительных сооружений XVI—XVII вв., протянувшейся от Мещеры до Брянских лесов. Возведенная несколько южнее первоначального оборонительного и сторожевого рубежа на р. Оке, эта линия, как и созданная затем еще южнее Белгородская Засечная черта, явилась эффективным средством защиты Московского государства от вторжения татар. Грандиозность работ по созданию оборонительных поясов и отдельных засек на границах с «Диким полем» свидетельствует не только о военно-организационных и технических возможностях русского централизованного государства, но и расширении его территории, хозяйственном освоении новых земель, возрастании военной и экономической силы Москвы в целом. Поэтому не является случайным, что интерес к изучению борьбы русского народа с Ордой, в том числе к исследованию оборонительных мероприятий русского правительства на границах с «Полем», проявляется все сильнее с развитием русской исторической мысли. Особенное общественно-политическое значение борьбы русского народа с Ордой приобрело в связи с 600-летием победы на поле Куликовом. Рязанские Засеки в этом плане представляют для нас особый интерес, потому что на р. Воже, где позднее возникла одноименная засека, в 1378 г. русские полки под командованием князя Дмитрия Ивановича разгромили войско ордынского мурзы Бегича, посланного с карательными целями против Москвы. Вожская битва была своего рода «генеральной репетицией», обусловившей в значительной степени победу объединенных русских полков на Куликовом поле.

Среди исследований военно-инженерных сооружений Засечных Черт особое место по полноте использования письменных источников и приведенных археологических данных занимает работа А. В. Никитина, посвященная изучению ряда засек, составляющих Черту. Однако с момента выхода публикации прошло более тридцати лет, в течение которых были проведены археологические исследования памятников Засеки и получены новые данные. Обобщение этих данных и стало основной целью настоящей статьи.

В целях сохранения преемственности в постановке и решении задач, в анализе, сопоставлении археологических, исторических и

литературных материалов в основу настоящей публикации положена та же последовательность изложения, что и в вышеуказанной работе А. В. Никитина¹. Все это позволяет избежать повторения уже известных сведений и сосредоточить внимание на изложении новых результатов и их анализе. Это представляется необходимым уже потому, что во время написания работы А. В. Никитина археологические материалы из-за своей ограниченности не могли пролить свет на обилие «темных» мест в письменных документах времен создания и реконструкции Засеки.

Рязанские Засеки образуют линию длиной около 60 км, идущую в направлении от р. Оки на запад к правому берегу р. Осетр. Более половины линии проходит по берегам р. Вожи, и этот участок называется Вожской Засекой. Остальная часть линии проходит несколько южнее Вожи по водоразделу и далее по речкам Красносельке и Почегу. Последнее и определило название засек как Красносельской и Почегской. Кроме названий, фигурирующих уже в документах 1638 г., посвященных реконструкции сооружений, засеки отличаются друг от друга и ландшафтным окружением, обусловившим в свою очередь разнообразие используемых типов оборонительных сооружений, которые ставились с учетом характера рельефа местности, наличия естественных преград и проходящих дорог. Именно при рассмотрении особенностей ландшафта становится понятным, что малочисленность археологических памятников Красносельской Засеки следует связывать с наличием больших лесов и болот, которые позволяли ограничиваться созданием относительно простых сооружений — лесных завалов, которые не могли сохраниться до наших дней. И наоборот, разнообразные фортификационные сооружения Вожской Засеки свидетельствуют о необходимости укрепления открытых пространств со сложным рельефом, через которые проходили важные пути. Именно на главных дорогах в разрывах полос лесного повала возводились сложные сооружения, состоящие из крепостей-острогов с въездными и выездными воротами, с главной и боковыми башнями, площадками в два яруса для установки артиллерии. По дороге к крепости, перед ней и за острогом возводились дополнительные линии валов, рвов, надолб, частика и др. укреплений, а по бокам от крепости отходили косые или прямые остроги, линии валов, рвов, надолб и др. укреплений, опирающихся на лесные завалы, болота, обрывистые берега рек и прочие естественные преграды. Данные о создании на главных путях глубокой обороны приводятся в вышеуказанной публикации в виде отрывков из донесений дозоров Засек в 1638—1639 гг. и ответственных лиц. Однако исчезновение ориентиров того времени, противоречивость и неясность отдельных мест текстов сильно затрудняют идентификацию сохранившихся до нашего времени остатков земляных сооружений с укреплениями, упоминаемыми в источниках.

При рассмотрении археологических памятников Засеки в статье сохраняется последовательность расположения с востока

на запад, при этом выделяются районы их наибольшей концентрации: низовье р. Вожи, окрестности с. Ст. Веселово (устье р. Мечи), участок р. Вожи между с. Баграмовым и Мошеным, район с. Глебово-Городище, западный край Красносельской Засеки (рис. 1).

Рассмотрим два основных типа археологических памятников Черты — земляные укрепления в виде городищ и линии валов, рвов, оконтуренных ими площадок. Первых в работе А. В. Никитина насчитывается семь, в действительности их обнаружено десять.

Сооружений второго типа описано А. В. Никитиным три, а по последним данным их насчитывается десять.

1. Оборонительные сооружения Нижней Вожи. В этом районе как засечное укрепление А. В. Никитин выделяет Митинское городище². Это городище исследователь идентифицирует с одним из острожков, упоминающихся в донесениях Д. М. Пожарского и Ф. М. Бояшева о досмотре засечных укреплений в 1638 г. В 1977 г. городище при участии автора было обследовано В. П. Челяповым³. Этот памятник, как и ему подобные, характеризуется типовым расположением на округло-треугольном мысе коренного берега. С напольной стороны у подобных городищ площадки ограничиваются дугообразными линиями валов со рвами от одного вала со рвом до трех, как и на данном городище. У целого ряда подобных городищ Средней Оки, в том числе и на Митинском, на середине высоты склона мыса имеется характерная площадка-уступ, который плавно поднимается вдоль боковых склонов к валам и рвам напольной стороны. Подобные городища имеются и в других районах Вожи. На Митинском городище на площадке культурные остатки не обнаружены. Городища без культурного слоя известны на Средней Оке и имеются на р. Воже. Лишь на одном из них — Бараковском в предвальной части площадки обнаружены единичные обломки лепной керамики конца раннего железного века. Эти находки и типологические особенности городищ без культурного слоя подтверждают не раз высказывавшуюся точку зрения о назначении подобных сооружений в качестве убежищ для жителей открытых поселений конца раннего железного века.

Остаются поэтому неясными основания В. П. Челяпова для отнесения Митинского городища к засечным укреплениям, так как два других городища в этом районе — Абовское и Шишкинское исключаются им из круга памятников Засеки. Если при типологическом сходстве последних они исключаются на основании удаленности от р. Вожи на 3—4 км, то равноудаленные от реки другие городища — Булыгинское и Козицынское относятся исследователем к засечным укреплениям.

Видимо, главным аргументом для рассмотрения Митинского городища как острога, стоящего на дороге, явилось сходство топографического расположения городища с данными, приводимыми в донесениях о дозоре засечных укреплений в 1638 г. Так ли это

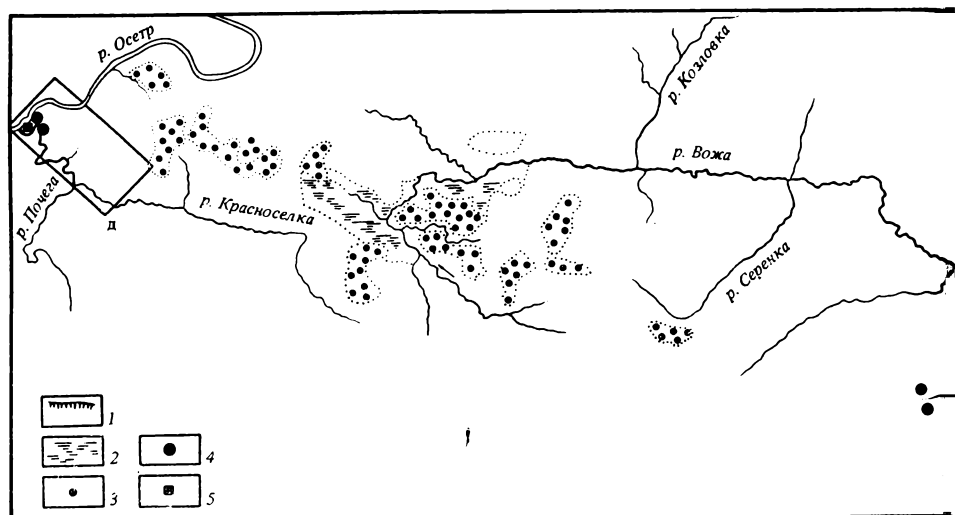
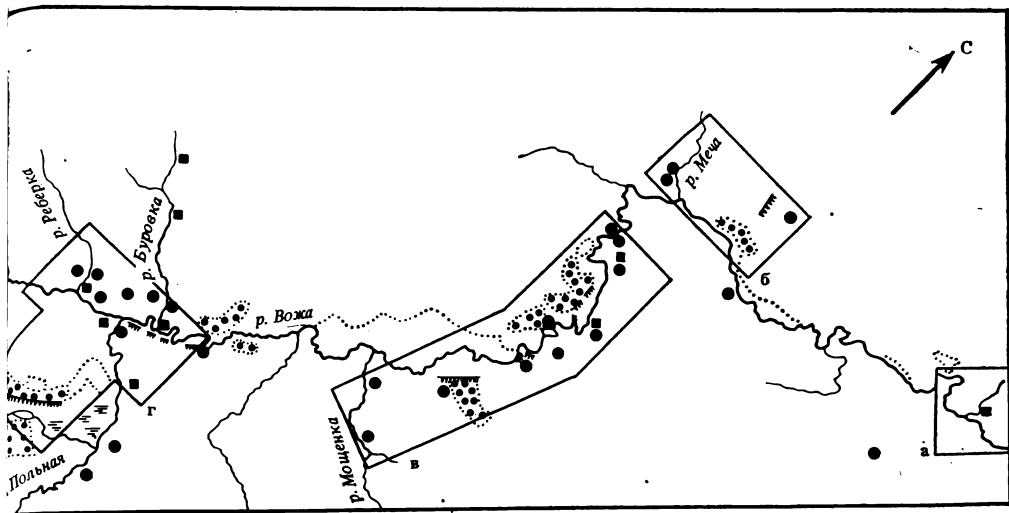

Рис. 1. Памятники Рязанских Засек

а — памятники нижнего течения Вожи; б — засечные укрепления и селища времени засеки в районе устья р. Мечи; в — засечные поселения и укрепления между с. Баграмо и Мошеное; г — памятники засеки у с. Глебово-Городище; д — памятники Красносельской Засеки

1 — земляные фортификационные сооружения; 2 — болота; 3 — остатки засечных лесов; 4 — неукрепленные поселения; 5 — укрепленные городки, городища

удается установить путем анализа данных приводимого исследователем отрывка из донесения⁴. Так, согласно последнему, речь идет как о ранее существовавших, так и проектируемых сооружениях, однако не всегда остается ясным, были ли последние построены. Так же есть основания полагать, что ряд старых исправных сооружений при реконструкции засеки не попал в список. Итак, по данным дозора Д. М. Пожарского, если ехать по дороге из ныне существующей д. Перекаль по направлению к Воже, то планировалось первые укрепления в виде острога на 300 воинов поставить на месте, удаленном от протекающей с одной стороны р. Быстрицы (справа) на 400 саженей и в 300 саженях от р. Вожи, расположенной с другой стороны (слева) от дороги. Но так как лес в этом месте был слишком редок для создания полосы повала, а низкое расположение участка, затапливаемость его в паводок не позволяли не только возвести острог, но даже и выкопать линию вала со рвом, то намечалось ограничиться надолбами и частиком. Только лишь непосредственно у берега Вожи (правого) планировалась постройка острожка на 50 человек и возведение линии надолб с частиком. Аналогичный острожек предполагалось поставить на «чистом» месте противоположного берега, против третьей линии надолб. Затем в отрывке говорится о линии вала со

рвом, которая шла вдоль берега от болота до большого леса и далее на протяжении 60 сажень следовала полоса лесного завала.

Что из планируемого удалось осуществить и в каком виде — остается неясным, однако некоторую ясность в отношении Митинского городища, как одного из упомянутых острогов, позволяет внести анализ терминологии, используемой в приведенном отрывке. Так, согласно документам XVII в., под термином «острог» понимался ряд плотно расположенных вертикальных заостренных сверху бревен. Линия бревен может ограничивать площадку, образуя крепость. Укрепления же, обнесенные валами и рвами, назывались «земляными городками». Следовательно, по терминологии того времени Митинское городище не может быть отождествлено с острогом. Далее в отрывке сообщается, что второй острог стоял на правом берегу, на месте, где ранее «татарам бывал проход большой». А место то называлось «старый шлях татарский Камарина дорога». Острожек располагался от реки настолько близко, что было возможным следить, как бы «татарве не переплыле реку». Последнее было бы невозможным осуществлять с площадки Митинского городища, расположенного на берегу оврага, в 0,5 км к северу от реки, которая оттуда вообще не просматривается.

Вопрос о городищах как засечных укреплениях имеет принципиальное значение при многочисленности последних в районе Засек. Обращает на себя внимание, что из десяти известных городищ ни одно не упоминается в письменных источниках при реконструкции Засечной Черты. Все городища создавались на природных мысах коренного берега определенной формы, которые в свою очередь встречаются не столь часто и располагаются спонтанно вне линии засек или главных дорог, а поэтому включение городищ

в качестве засечных укреплений, с учетом стратегических соображений, могло быть исключительно редко. Однако при этом не исключено, что ряд городищ более раннего времени могли использоваться для укрытия жителей близлежащих поселений при набегах татар. Именно к подобным городищам может быть отнесено и Митинское городище.

2. Засечные укрепления в окрестностях с. Ст. Веселово. От Митинского городища вверх по Воже до г. Рыбного оборонительные сооружения Засечной Черты пока не обнаружены. Их отсутствие связано, по-видимому, с тем, что на этом участке главную защитную роль играли лесные завалы и болота. Несколько выше по течению пойма реки становится со стороны левого берега широкой и образует луку, северная сторона которой ограничена обрывистым коренным берегом, на котором располагается с. Истобники и вдоль которого проходит старичное озерцо. У кромки берега обнаружено селище XVI—XVII вв. Если природа хорошо укрепила «русскую» сторону с севера, то с западной стороны луки берег был более пологим и открытым. Поэтому для создания препятствий вражеской коннице склон берега на протяжении 0,6 км был выпрямлен и эскарпирован. На равных расстояниях, примерно через каждые 150 м, были устроены пологие пандусы-спуски в пойму. По аналогии с другими укреплениями Засечной Черты следует ожидать, что по верху береговой линии шли деревянные сооружения в виде надолб и частокола, а на месте проездов-спусков были устроены подъемные надолбы или находились ворота.

К южному краю описанных сооружений подходит дубрава, называемая «Засекой», идущая вверх по берегу Вожи до железнодорожного моста. Этот лес ранее доходил до устья р. Мечи, на противоположной стороне которой, на огородах с. Ст. Веселово, нами были обнаружены селища XIV—XVIII вв. Далее от села, вплоть до шоссе Московской—Куйбышев, склон коренного берега несет следы эскарпирования. Согласно письменным источникам, по левому берегу до с. Валищева тянулся засечный лес. В целом пойма реки характеризуется значительной шириной, крутизной берегов русла реки и наличием заболоченных участков, что позволило ограничиться возведением дешевых и простых сооружений — полос лесных завалов и эскарпированных участков на пологих склонах коренного берега.

3. Оборонительные сооружения между с. Баграмово и с. Мошеное. Топографической особенностью этого района является сужение поймы, увеличение высоты и крутизны правого берега р. Вожи и понижение левого берега (рис. 1, 3). Согласно данным А. В. Никитина и текстам документов XVII в. по правому высокому берегу, как и по левому, шел засечный лес с линиями укреплений. К засечным укреплениям правого берега исследователь относит два городища: Баграмовское и Войнюковское (Борок)⁵. Первое расположено в 1 км к юго-востоку от с. Баграмово (а не к западу, как указано в публикации). Городище было нами обследо-

но в 1983 г. По типологическим признакам оно может быть отнесено к городищам без культурного слоя на площадке, имеющим на мысе характерную площадку-уступ. С южной стороны за оврагом нами обнаружено уничтоженное при планировании строительной площадки в 1982 г. селище XVI—XVII вв. Аналогичные поселения в этом районе были обнаружены по обоим берегам Вожи на западной окраине с. Баграмово. От городища далее к югу берег реки, располагаясь амфитеатром, становится на некоторых участках достаточно пологим для проезда вниз через реку, где наиболее вероятно могла проходить дорога из Переяславля-Рязанского на Москву. Далее берег становится крутым и в двух километрах от первого городища за оврагом располагается второе городище — Войнюковское⁶. Обследование последнего в 1978 г. позволило установить, что Войнюковское городище относится к укрепленным поселениям раннего железного века, сохранившим свое значение и в домонгольский период. С южной стороны к городищу примыкает селище XIV—XVII вв. Против того, что оба городища входили в ряд засечных укреплений, говорит следующее: отсутствие упоминаний о них в дозорных донесениях, удаленность от главной дороги на 1 км, от которой они были к тому же отделены оврагами. Поэтому с площадок городищ было невозможно следить за появлением неприятеля и своевременно оказывать ему сопротивление. Основные укрепления городищ — валы и рвы были обращены в стороны, противоположные дороге, а следовательно не служили для охраны дороги. Наличие же около городищ открытых поселений дает возможность полагать об использовании первых в качестве убежищ при военной опасности (рис. 2, а и б; рис. 3).

На основании письменных источников А. В. Никитин описывает и реконструирует укрепления на противоположном берегу реки, называемые «Введенскими воротами», местонахождение которых оставалось неизвестным. Согласно приведенным в вышеуказанной публикации данным, укрепления образовывали глубокую оборонительную систему вдоль дороги, главным пунктом которой был деревянный острог с въездной башней, выездными воротами, фланговыми башнями, отводными острогами по обеим сторонам крепости, стоящей в разрыве линии лесных завалов. С фронта острог был дополнительно укреплен валом со рвом, частичком и надолбами. Этими же сооружениями была защищена с двух сторон дорога, начиная от реки и до выезда за линию засечного леса на «русской» стороне. Хотя эти укрепления подробно описаны в донесениях 1638—1639 гг., однако расположение укрепленного района в целом оставалось до сих пор трудноопределимым из-за исчезновения указанных ориентиров, а поэтому реконструкции А. В. Никитина носят условный характер⁷.

Во время разведок 1983 г. на левом берегу Вожи, против Войнюковского городища, в километре к западу от последнего были обнаружены два фрагмента линий из валов со рвами⁸ (рис. 3, III). Первая линия образована двумя валами высотой до 1,5 м, разде-

ленными рвом глубиной 0,9 м. Линия тянется вдоль опушки «Левина леса» в северном направлении на протяжении 0,5 км. В 0,25 км от южного конца в линии имеется проход шириной 10 м, после которого линия приобретает еще более строгое направление на север. Северный конец линии подходит на 150 м к берегу Вожи, которая от этого места круто поворачивает в противоположную сторону, проходит около Войнюковского городища, а затем возвращается к прежнему направлению, образуя обширную излучину, называемую Большим или Левиным лугом. С южной стороны Левин луг ограничен Вожей и впадающим в нее идущим с запада от леса старичным рукавом. С запада урочище ограничено Засечным и Левиным лесами, из которых первый, расположенный южнее, заканчивается болотом, а северный его край отделяется от Левина леса пустошью с проходящей по ней дорогой на с. Ногино.

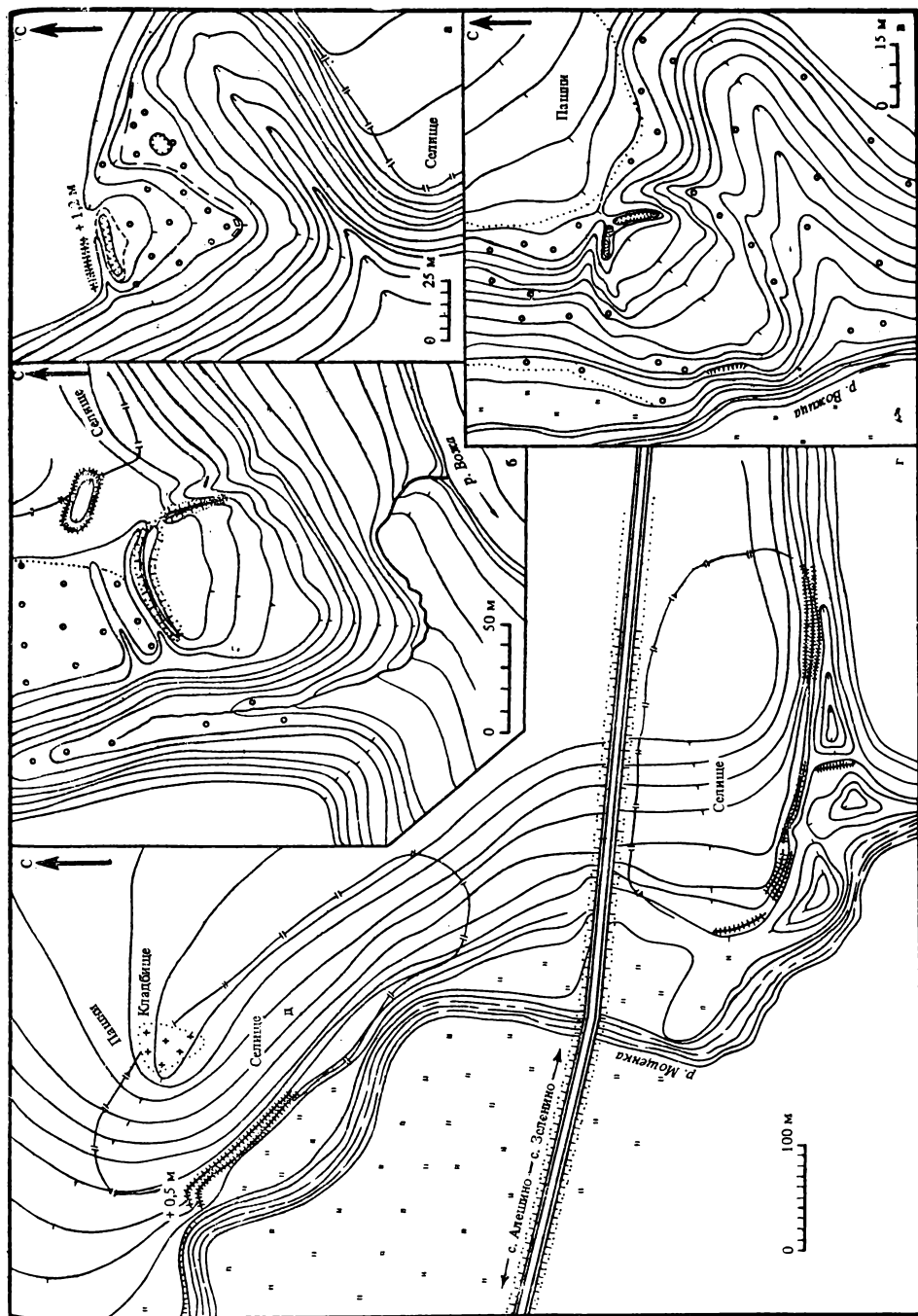
Вторая линия укреплений подходит на 25 м к месту слияния Вожи со старицей и тянется полудугой, обращенной рвом и выпуклой стороной к востоку, на протяжении 85 м в сторону южного конца первой линии. Сооружения состоят из вала высотой 1,5 м и рва глубиной 0,7 м. Между концами линий существует разрыв в 230 м. В целом описанные линии вместе с разрывом могут рассматриваться как линия обороны, северный край которой опирается на берег Вожи и заболоченный участок поймы, южный усилен обрывистым берегом Вожи и старицы, а далее к юго-западу — полосой засечного леса с болотом. С западной стороны оборона опирается на лесной массив.

Отсутствие каких-либо других остатков оборонительных сооружений в описанном районе дает основание предполагать в его земляных сооружениях остатки фортификационных сооружений Введенских ворот. Для проверки предположения были проведены промеры и сопоставление полученных результатов с расстояниями, указанными в донесениях И. Г. Бобрищева-Пушкина и П. А. Репнина в 1638—1639 гг. по досмотру засечных укреплений в этом районе⁹. Главным ориентиром, от которого берутся отсчеты расстояний, был острог, стоящий на дороге. Если длина острога составляла 44 сажени, а отводные остроги были длиной 44 и 76 саженей, то общая протяженность укреплений в разрыве лесоповала составляла 164 саженей (прямых) или 350 м, что равно расстоянию от места слияния р. Вожи со старицей до южного конца первой линии. Это значит, что острог стоял по линии разрыва между линиями оборонительных сооружений. Подобному положению соответствуют указанные расстояния от начала черты с русской стороны, т. е. по дороге от границы заповедного леса до острога, которое было равно 540 саженям. В настоящее время расстояние от западной границы леса до линии разрыва между фраг-

→

Рис. 2. Укрепленные поселения

а — Баграмовское городище; б — Войнюковское городище; в — Бараковское городище; г, д — Верхнее и нижнее укрепленные селища у д. Мощеное

ментами равно 1150 м, что составляет около 500 прямых саженей по существующей в настоящее время дороге. К югу от острога в донесениях указываются расстояния по большой дороге лесом 160 саженей и по большому лугу 140 саженей, итого 300 саженей до излучины реки, соединенной рвом, а через реку был наведен мост, от которого до укреплений на правом берегу оставалось 32 сажени. Расстояние в 300 саженей, или 640 м соответствует расстоянию от предполагаемого местоположения острога на северо-востоке до излучины р. Вожи, на противоположном берегу которой в этом месте были наиболее пологие склоны.

Согласно данным дозорных донесений, оборонительные сооружения были и на правом берегу р. Вожи против д. Горяиново в 2 км выше по течению. Укрепления располагались под склоном высокого берега, шли от болота до болота через речку Кошкодевку и состояли из вала со рвом и линии надолб¹⁰. При обследовании указанного места в 1983 г. среди поздних мелиоративных канав выявить древние валы и рвы не удалось.

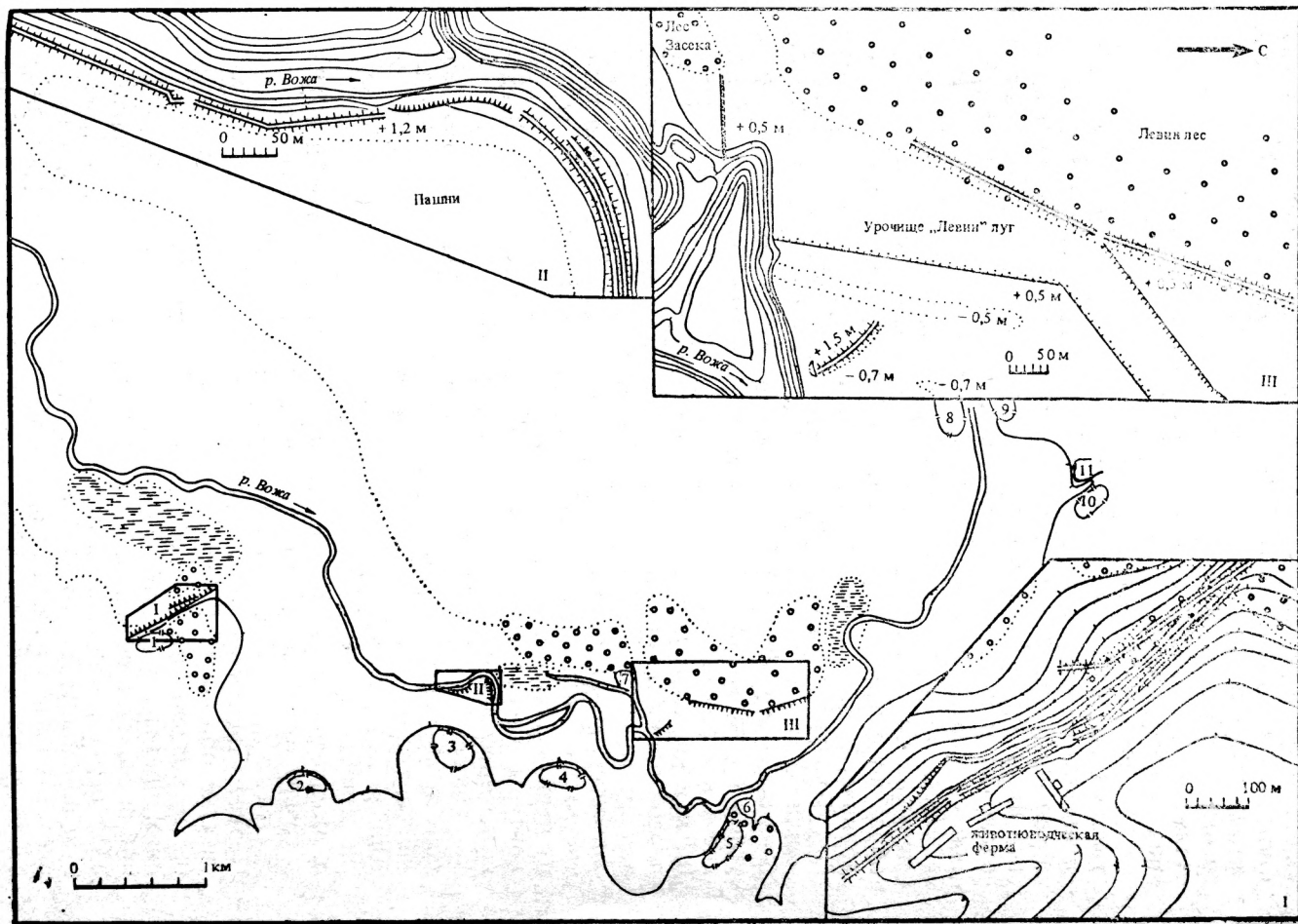
В то же время несколько выше по реке обнаружены против д. Ларино на кромке правого берега реки два фрагмента засечных укреплений, о которых в письменных источниках сведения отсутствуют (рис. 1; рис. 3, II). Первый фрагмент состоит из вала высотой 1,2 м, длиной 370 м с проходом в середине. Вал насыпан по кромке относительно пологого берега, ниже вала склон берега эскарпирован. Второй фрагмент располагается ниже и отделяется от первого участком обрывистого берега длиной 120 м. Сооружения второго фрагмента располагаются по дуге излучины берега на протяжении 185 м и состоят из вала высотой 1,2 м, эскарпа, спускающегося по склону сравнительно пологого берега, и второго вала, расположенного еще ниже, высотой около 1 м. Нижний вал короче на 25 м. На южном краю сооружений наблюдается круглая в плане насыпь и рывины, свидетельствующие о некоторой незавершенности земляных работ. В 0,4 км к югу от описанных сооружений, на северной окраине д. Ларино обнаружено селище XVI—XVII вв. Анализ топографических особенностей окружающей местности позволяет установить, что создание описанных сооружений у берега связано с укреплением пологих береговых участков. Именно в этом месте левый и правый берега были наиболее пологими. По аналогии с известными по письменным источникам другим укрепленным участкам Засеки есть основания полагать, что земляные валы и эскарпы были усилены надолбами и частиком.

→

Рис. 3. Засечные укрепления и селища в районе с. Баграмово — д. Мощное

I — укрепления у с. Зеленино; II — Ларинские укрепления; III — укрепления у Введенских ворот

1 — Зеленинское селище; 2 — Ларинское селище; 3 — Мантуровское селище; 4 — Горяинское селище; 5 — Войнюковское селище; 6 — Войнюковское городище; 7 — Войнюковское левобережное селище; 8 — Баграмовское западное селище; 9 — Баграмовское восточное селище; 10 — Баграмовское 3-е селище; 11 — Баграмовское городище

В 2 км выше по течению реки на том же берегу находятся укрепления, которые упоминаются в документах времени реконструкции Черты. Эти укрепления, состоящие из двух линий вала с ровом, начинаются от северного края с. Зеленино и тянутся на протяжении 0,8 км от основания склона коренного берега в направлении на северо-восток.

В процессе проведенной нами топографической инструментальной съемки в 1978 г. обнаружилось расхождение с опубликованными в вышеупомянутой работе глазомерными планами¹¹. Согласно последним, сооружение состоит из двух линий. Первая длиной около 0,8 м относительно прямая состоит из вала высотой около 2,1 м и рва глубиной около 1 м, расположенного с восточной стороны. Северный и южный концы этой линии соединены с концами ломаной второй линии, ров и вал которой значительно меньших размеров. В результате обе линии, соединяясь концами, образуют фигуру треугольника с небольшой высотой, что дало основание А. В. Никитину видеть в ней контуры «косого» острога.

В натуре нами было обнаружено, что в первой линии на удалении 200 и 380 м от южного конца имеются проходы шириной 6—8 м. За вторым проходом линия несколько ломается под тупым углом ближе к западу. Северный конец линии упирается в овраг, где к ней примыкает вторая линия, состоящая из вала высотой 0,7 м и рва глубиной не более 0,5 м. Последняя идет под углом к первой прямо на протяжении 250 м, а затем, еще круче ломаясь к западу, через 50 м обрывается. Далее к югу эта линия не прослеживается. По-видимому, за продолжение этой линии была принята треугольная площадка, примыкающая с западной стороны к концу первой линии. Эта площадка имеет с западной стороны прямые контуры и эскарпированный склон, что дает основание предполагать существование «косого» острога (рис. 3, 1).

Полоса укреплений на высоком правом берегу Вожи завершается оборонительными сооружениями у ныне снесенной д. Мощеное, где, по данным письменных источников, находился острог¹². Анализ материалов разведок 1978 г.¹³ и наши изыскания позволили выявить следы двух укреплений на обрывистом правом берегу р. Мощенки — правого притока Вожи. Первое находится в 0,25 км к северу от шоссе г. Рыбный — пос. Пионерский, второе располагается по другую сторону в 0,2 км от шоссе (рис. 1; рис. 2, а, б). Первое укрепление линейного типа длиной 150 м соединяет два участка обрывистого берега и состоящих из двух валов высотой 0,7 м, разделенных ровом. С северо-восточной стороны к укреплениям примыкает селище XII—XVIII вв. Вторая группа укреплений располагается полукругом по берегу Мощенки и впадающего в нее оврага, ограничивая при этом с запада и юга полого наклонную площадку, на которой выявлено селище XII—XVII вв. Если рассматривать укрепления от моста, через который проходит шоссе, то сначала по краю берега следует одинарный вал длиной 55 м и высотой 0,7 м. Затем через интервал в 6 м идет по краю

площадки линия из двух валов со рвом между ними общей длиной 60 м и далее, через второй аналогичный интервал, по краю закругляющегося берега располагается одинарный вал длиной 10 м, высотой, как и остальные, — 0,6—0,7 м. Против северного конца этого вала овраг перегорожен земляной перемычкой с валом и рвом со стороны р. Мошени. Через 80 м от перемычки по берегу оврага тянется укрепление из трех валов высотой 0,6 м, длиной 100 м.

Рассматривая в целом Мошенинские укрепления, можно представить их как единую линию обороны, расположенную на обрывистом восточном берегу реки Мошени. Само название «Мошени» или «Мошени» скорее всего говорит о замощенном участке дороги, проходящей через деревню вдоль берега р. Вожи, через р. Мошени. Следовательно, упоминаемый в письменных источниках острог стоял на важном направлении, защищая с запада и юга не только д. Мошени, но и целый ряд населенных пунктов на правом берегу р. Вожи, группирующихся около Московской дороги в районе Введенских ворот. Следует полагать по аналогии с другими засечными укреплениями, что валы и рвы были дополнительно укреплены линиями надолб, частоколом, а в разрыве между описанными укреплениями на замощенной дороге стоял острог, через который на запад с высокого берега спускалась замощенная дорога.

4. Укрепленный район в окрестностях с. Глебово-Городище. Вожская Засада, по письменным источникам, заканчивается около с. Глебово-Городище, однако ее конец (замок) обозначен недостаточно четко. По концентрации значительного числа оборонительных сооружений, по их разнообразию и тактической взаимосвязи район с. Глебово-Городища не имеет себе равных в Рязанской Черте (рис. 1; рис. 4). В расположении отдельных объектов района наблюдается система, появление которой обусловлено своеобразием топографической ситуации, прохождением через район с «татарской» на «русскую» сторону большого шляха, а также стремлением решить задачу обороны довольно протяженного и сложного участка с минимальным количеством людских и материальных ресурсов.

Ландшафтные особенности района заключаются в том, что после пересечения р. Мошени правый берег Вожи постепенно начинает повышаться к западу и через 7 км, достигнув максимума, резко пересекается с севера на юг долиной р. Пальной — самого крупного правого притока р. Вожи.

Эта долина создает разрыв в цепи естественных препятствий, который мог использовать противник при продвижении с юга на север. Однако между р. Пальной и ее высоким, крутым правым берегом проходит довольно узкая, местами заболоченная полоса поймы, которая заканчивается болотом, окруженным с запада останцом, с востока — высоким коренным берегом, а с севера — перемычкой, соединяющей последние. Таким образом, проход с

правой стороны реки завершается своего рода ловушкой, из которой нет выхода даже с левой стороны, так как река подступает вплотную к останцу и не оставляет прохода. Противоположная же сторона поймы была труднопроходимой весной и осенью, поэтому продвижение неприятеля могло происходить несколько выше, вдоль пологого склона низкого западного берега в направлении с. Глебово-Городища.

Более опасным было направление со стороны высокого правого берега Вожи и р. Пальной, по которому, согласно письменным источникам, проходила большая дорога с «польной» стороны на «русскую» сторону через р. Вожу. Именно на этой дороге располагался, согласно А. В. Никитину, центр обороны, называемый «Дураковскими воротами». Итак, если смотреть со стороны с. Глебова-Городища на юг, то слева в 2,5 км через р. Вожу проходила большая дорога, на которой следовало ожидать в любое время появление конных отрядов татар. Менее вероятным было появление крупных сил противника со стороны долины р. Пальной, и более опасным представлялось юго-западное направление, где для маневров конницы при прорыве ее к Глебову-Городищу имелись достаточно сухие и обширные пространства правого пологого берега р. Пальной.

Исходя из сказанного, было естественным, что при ограниченности данных письменных источников и археологических материалов укрепления Дураковых ворот А. В. Никитин отводит основное внимание, считая их центром обороны. Однако обнаруженные нами в этом районе многочисленные памятники не позволяют разделить эту точку зрения. Согласно данным дозорных донесений, укреплений на дороге было два. Первые располагались на правом берегу Вожи и их остатки сохранились до наших дней. При сопоставлении глазомерного плана, опубликованного в вышеуказанной работе, с данными проведенной нами инструментальной съемки наблюдаются расхождения¹⁴. Согласно первому, подступы к реке преграждает вал высотой 3 м и протяженностью 1,3 км, который концами упирается в изгибы берега Вожи. В середине линии вала сделан проезд, справа от которого располагается квадратный в плане земляной городок, ооконтуренный тем же валом. С левой стороны проезда вал, заворачиваясь под прямым углом внутрь, также обеспечивает защиту при нанесении врагу удара слева. Размер стороны городка по вершине вала и длина заворота вала с левой стороны проезда равны 30 м. В северо-западном углу городка имеется вход, где стояли ворота.

По нашим данным, линия вала имеет протяженность около 1 км, а в плане образует дугу, обращенную выпуклой стороной от реки. Западный конец дуги упирается в берег Вожи, от которой на удалении 280 м в валу устроен проход шириной 6 м, а еще через 260 м располагается главный проезд с земляным городком, описанным выше. Восточный же конец вала не доходит (как это указано в опубликованном плане) до реки, и через интервал в 110 м

нами была обнаружена ранее неизвестная вторая линия укреплений, образованная валом высотой 0,7—1,2 м и заплывшим рвом. Эта линия длиной 480 м упирается восточным концом в изгиб р. Вожи, а в 80 м от этого места в линии имеется проход шириной 6 м. С юга к линии примыкает селище XIV—XVII вв.¹⁵ Согласно письменным источникам, земляные укрепления на правом берегу Вожи были дополнительно снабжены линиями надолб, частика, имели деревянные ворота. Видимо, аналогичные сооружения стояли вдоль выявленной второй линии вала со рвом, а на месте интервала между двумя линиями могла располагаться линия острога (рис. 4, III).

Согласно сообщениям руководителей реконструкции укреплений Дураковских ворот И. С. Чевкина, П. Чулкова, В. П. Чевкина, Г. Д. Поршина и др.¹⁶, от земляного городка дорога, защищенная справа и слева надолбами, вела к мосту через Вожу и далее к Въездной башне острога, стоящего на левом берегу ручья Буровки, в 19 саженьях от последнего. Перед острогом располагались линии валов, рвов, надолб, частика. От острога в стороны отходили отводные остроги. В целом острог опирался на линии лесных завалов и «глухие» болота. За выездными воротами острога дорога была укреплена надолбами на протяжении всего заповедного леса, а затем поворачивала через мост налево на противоположный берег ручья. Итак, описание острога и укреплений по дороге дает довольно полное представление о сложной системе обороны.

Археологических следов острога и других укреплений не сохранилось, однако обнаружены синхронные Засеке поселения, которые могут пролить свет на заселенность района и расположение дороги. Первое селище располагалось на левом берегу ручья в 0,8 км от острога. Дорога должна была идти по сухому месту, т. е. по возвышенности через это селище. От первого селища дорога поворачивала налево через мост, за которым на южной окраине ныне существующей деревни Дураково (Покровское) находилось второе селище. Затем, к юго-западу от последнего, на пологом коренном берегу Вожи обнаружено третье селище, через которое вел наиболее «сухой» путь к с. Глебово-Городищу. С южной стороны третьего селища наблюдаются следы небольшого вала и рва. Итак, дорога, сильно укрепленная у Дураковских ворот, шла на Глебово-Городище, т. е. оборонительные сооружения защищали подступы к селу с юго-восточного направления.

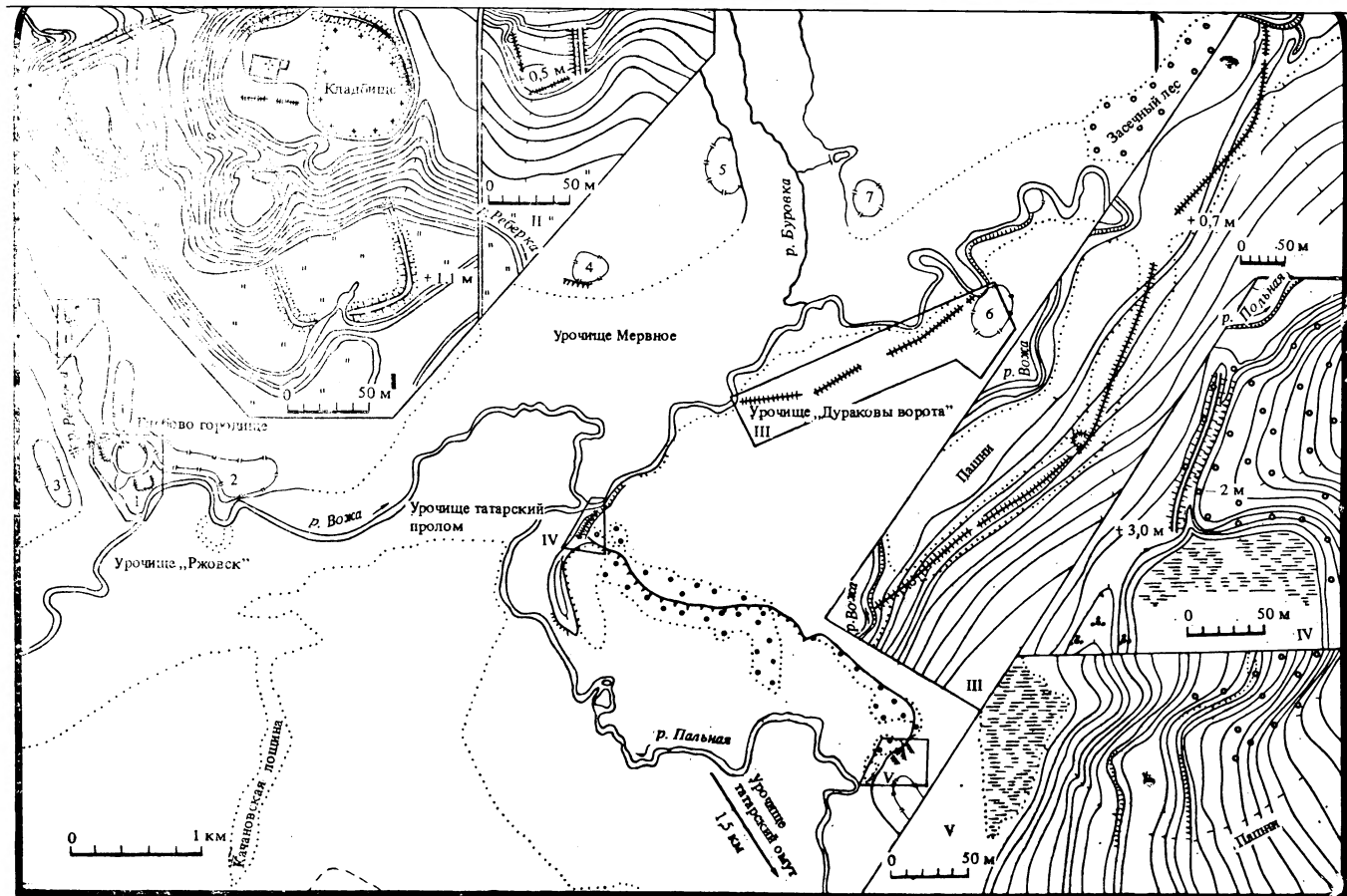
Если укрепления Дураковских ворот в письменных источниках придается первостепенное значение, то в тех же источниках упоминаются как особо опасный участок берега Вожи на стыке с долиной р. Пальной, который назывался «Глебовским татарским проломом». Само название дает основание полагать, что татарская конница не раз и не безуспешно пыталась обойти слева укрепления Дураковских ворот, чтобы форсировав Вожу и сократить путь, выйти прямо к Глебову-Городищу и на большую дорогу. В донесениях 1638 г. сообщается о возведении вала и рва на Глебов-

ском проломе, линия которых шла от перемычки, соединяющей останец с коренным берегом (от западни-болота на правой стороне поймы р. Пальной), под склоном коренного берега на север, где упиралась в изгиб р. Вожи¹⁷. Эта линия сохранилась почти полностью до наших дней. Она имеет протяженность 115 м и состоит из вала высотой 4 м и рва глубиной около 2 м. Согласно донесениям строителей, эта линия соединялась с валом Дураковских ворот надолбами. В настоящее время эта связь устанавливается по следам эскарпирования склона берега (рис. 4, IV). О том, что опасность могла возникнуть не только со стороны Глебовского пролома, но и со стороны долины р. Пальной, свидетельствует укрепление на левом «русском» берегу р. Пальной, поставленное вместо старого обнесенного плетнем сооружения. Новое укрепление представляло собой типовой острог с башнями, колодцем для воды, мостом через р. Пальную, чтобы в случае нужды можно было оказать помощь защитникам оборонительной линии у Глебовского пролома. Вверх и вниз от острога шли линии надолб длиной соответственно 77 и 85 саженей¹⁸. Расположение острога позволяло одними и теми же силами оборонять подступы к Глебово-Городищу как со стороны Татарского пролома, так и со стороны долины р. Пальной. Первое направление было настолько опасным, что князь Репнин предлагал в целях экономии ресурсов и усиления обороны завалить дорогу у Дураковских ворот лесом и перенести ее к Татарскому пролому, который еще больше укрепить острогом, перенесенным с другого берега р. Пальной¹⁹. Хотя это предложение едва ли было осуществлено, оно тем не менее подчеркивает, что главным назначением обороны была не столько сама дорога, сколько Глебово-Городище, стоявшее на важном пути из Переяславля-Залесского на Зарайск. О том, что центром обороны было это село, свидетельствует целый ряд укреплений, обнаруженных нами в 1978 г. (рис. 4).

Для контроля долины р. Пальной на склоне высокого правого берега в 3 км к югу от Глебова городища находился форпост. Следы этого укрепления представлены двумя расположенными одна над другой прямоугольными площадками с эскарпированными северными и западными краями. С южной стороны к форпосту примыкает селище XV—XVII вв. Несколько выше по реке находится урочище под названием «Татарский омут». С описанного форпоста было возможным наблюдать как за долиной реки, так и за продвижением противника по высокому правому берегу в направлении Глебовского пролома, а если нужно, то и задержать на

Рис. 4. Памятники Вожской засеки у с. Глебово-Городище

- 1 — Северная слобода Глебова-Городища; 2 — Восточная слобода Глебова-Городища; 3 —
 тельные линии у Дураковских ворот; IV — линия укреплений Глебовского (Татарского)
 пролома; V — Южный форпост Глебова-Городища
 1 — Северная слобода Глебова-Городища; 2 — Восточная слобода Глебова-Городища; 3 —
 Западное селище Глебова-Городища; 4 — 3-е Покровское селище; 5 — 2-е Покровское се-
 лище; 6 — 2-е Дураковское селище; 7 — 3-е Покровское селище

время врага (рис. 4, V). На площадке форпоста была обнаружена керамика XVI—XVII вв. Аналогичный форпост контролировал подступы к Глебову-Городищу с противоположной северной стороны. Это укрепление располагалось на левом берегу р. Буровки, по которому шла дорога от Глебова-Городища в направлении Зарайска. Находясь в 1 км к северу от центра укрепленного района — детинца Глебова-Городища, сторожевые могли заблаговременно предупредить о возвращении татар с пленниками или же в случае обхода врагом укрепленного района с западной стороны. От северного форпоста сохранилась лишь площадка подпрямоугольной формы размером, как и площадки южного форпоста, около 45×45 м. С запада и юга площадка оконтурена валом высотой около 0,5 м, с востока — двумя подобными валами со рвом между ними. С северной стороны площадки проходит дорога. Расположение форпоста на мысе берега позволяло видеть далеко на север и юг по долине р. Реберки (рис. 4, II).

Из трех городищ, расположенных в пределах описанного района, едва ли следует причислять к памятникам Засеки Булыгинское и Козицынское городища, находящиеся в отдалении и в стороне от главной дороги и укрепленного района в целом. Глебовское городище, наоборот, по ряду признаков следует считать Детинцем, главным опорным пунктом и центром обороны района (рис. 4, I). Основанием для сказанного является типологическое отличие Глебова-Городища от других городищ, наличие при нем фортификационных сооружений, типичных для времени Засеки, а также расположение детинца на главной дороге и наличие около него слобод. Располагаясь на мысе, образованном впадением в р. Вожу ручья Буровки, городище доминирует по высоте над окружающей местностью. Особенностью городища является то, что его площадка не традиционной треугольной формы, а округлая, защищена с севера, со стороны дороги, полукольцевым в плане валом высотой 1,2—2 м и рвом. В валу имеется проход, где, по-видимому, стояли ворота. Площадка занимала не всю оконечность мыса. Ниже нее, на самом мысе, имелась овальная площадка меньших размеров, отделенная от первой рвообразным понижением, которая по всем признакам являлась своего рода бастионом. С западной и юго-восточной сторон к подошве мыса примыкали фланкирующие укрепления, которые представляли собой площадки прямоугольной формы, оконтуренные с трех сторон валом высотой более 1 м. Размер западного укрепления 35×50 м, восточного — 50×80 м.

Итак, сооружения детинца Глебова-Городища рассчитаны на ведение огненного боя, в том числе с использованием артиллерии, на дальних и ближних подступах, что дает основание отнести создание фортификационных сооружений ко времени Засеки. Обширная низина на противоположном правом берегу р. Вожи против детинца называется урочищем «Ржовск» что, по мнению местных жителей, отражает ржание татарских коней. Кроме детинца,

почти весь левый высокий и обрывистый берег вместе с рекой представлял собой непреодолимую преграду на протяжении 0,4 км к востоку от детинца. По этому берегу располагалась восточная слобода, вытянувшаяся на 0,8 км, возникшая, судя по керамическому материалу, в домонгольское время. По этой слободе к детинцу вела дорога от Дураковских ворот. У ворот детинца дорога раздваивается. Одна из них шла через дамбу мельничной плотины на противоположный берег Буровки, где выявлено нами селище XII—XVIII вв., другая дорога поворачивала на север и шла вдоль левого берега ручья и другой слободы, протянувшейся почти в 0,7 км, возникшей, судя по керамическому материалу, в XII в. Далее дорога шла мимо уже описанного нами форпоста.

Стратегическое значение Глебова-Городища как центра обороны одного из важнейших участков Вожской Засеки вырисовывается еще ярче при рассмотрении укреплений юго-западного направления, обнаруженных нами в 1983 г. Хотя эти укрепления и упоминаются в письменных документах времени реконструкции засеки, однако неясность изложения не позволяет понять порой не только о каких сооружениях идет речь, но и вообще к какой засеке они относятся. Так, согласно росписи В. П. Чевкина, от начала (замка) Красносельской Засеки шли два рва длиной 402 сажени. С русской стороны около рва был острог, а между рвами проходили надолбы в два ряда и частичк в две колоды. С южной стороны ров был длиной 428 сажений, и перед ним был набит частичк. Эти сооружения располагались в лесу, который был слишком редок для создания полосы завала и который шел до р. Пальной и Глебовского пролома. Как далеко эти укрепления отстояли от реки — неизвестно, однако следует помнить, что от острога вверх по р. Пальной шел ряд надолб длиной 77 сажений. Затем В. П. Чевкин сообщает, что между двух рвов прокопан третий ров с валом и на линии был устроен земляной городок. В результате реконструкции линия укреплений удлинилась с «русской» стороны до 530 сажений, а с польской стороны до 550 сажений. На конце линии был земляной городок длиной 16 ручных сажений, шириной 12 тех же сажений. В городке были ограждения в два бруса и учинены между ними бои и сделан раскат для установки пушек. Перед городком был ров с частичком и две линии сцепленных надолб. О назначении этого городка говорится: «А те горотки земляные сделаны для того как на том месте будет татарский приход и многими людьми не стреляют к валу ратных людей, а в горотке сидеть и битца мочно»²⁰.

Итак, согласно приведенному отрывку и описанию укреплений следует, во-первых, что они относились к Вожской Засеке и примыкали к замку Красносельской Засеки. Во-вторых, эти укрепления подходили к линии надолб на левом берегу р. Пальной. В-третьих, укрепления были мощными и состояли из трех линий валов со рвами, земляного городка и имели протяженность более 1 км. Следовательно, эти укрепления имели важное значение для

обороны Глебова-Городища с юго-западного направления. При разведках в 1983 г. подобные укрепления были обнаружены в 1 км к западу от р. Пальной, в 1,5 км к югу от ее устья и в 3,5 км к юго-западу от детинца Глебова-Городища. Сооружения располагаются на плавно поднимающейся от реки возвышенности и представляют собой линию длиной более 2 км, идущую в направлении с юго-запада на северо-восток (рис. 5). Восточный конец линии немного поворачивает к северу в направлении устья р. Пальной. По картам прошлого века в этом направлении почти на 1,5 км тянулась полоса леса шириной 0,2 км, т. е. почти так же, как упоминающийся в письменных источниках лес. Большая часть линии укреплений проходит по южной опушке сохранившихся до нашего времени остатков этого леса. По различиям устройства линию можно разделить на три участка: восточный, центральный и западный.

Первый участок длиной немного более 1 км состоит из параллельных линий валов и рвов. Восточный конец участка на протяжении 260 м сильно разрушен, а далее он состоит на протяжении 400 м (считая с южной стороны) из двух валов высотой 2,5 м и рвов глубиной 1,5 м, расположенных перед валами. За валами идет ровная полоса шириной 10 м, которая тянется на всем протяжении восточного и центрального участков сооружений. За этой полосой опять идет аналогичный ров и вал. Западный конец участка отделяется от восточного поперечной канавой глубиной около 1 м и отличается тем, что перед ровной полосой располагаются уже не два, а три вала, разделенные рвами. Размеры их сохраняются. Восточный участок отделяет от центрального проход шириной 10 м, устроенный в первых трех линиях валов и представляющий довольно хитроумное сооружение. Если смотреть на линию с юга, то с правой стороны прохода три вала завершаются перемычкой той же высоты. С левой же стороны прохода подобная перемычка соединяет концы первых двух валов, а между вторым и третьим валами аналогичная перемычка отнесена на 20 м в глубь линии. Таким образом, устройство прохода позволяет при прорыве врага наносить ему удары с двух сторон из-за перемычек и оттеснять его в западню между вторым и третьим валами для полного уничтожения.

Центральный участок длиной 540 м отличается от восточного тем, что ров между первым и вторым валами отсутствует, а расстояние между ними постепенно увеличивается до 20 м в направлении к западу. Участок завершается земляным городком, расположенным в разрыве линии трех валов. Городок обнесен аналогичным валом высотой около 3 м. Ширина городка (в направлении север-юг) по гребню вала равна 40 м, длина — 45 м.

→

Рис. 5. Пальновские оборонительные сооружения Вожской Засеки

А, Б, В — разрезы укреплений

Западный участок оборонительной линии отличается от вышеописанных тем, что на протяжении 410 м сохраняются лишь первые три линии валов, через которые на равных расстояниях устроены проходы. Первый (от восточного конца) проходит через все три вала, второй — только через второй и третий валы. Завершается эта часть западного участка перемычками, соединяющими второй и третий, первый и третий валы. Далее к западу линия обороны состоит лишь из одинарного вала со рвом. Длина этого участка 170 м, вал частично нарушен.

Целый ряд признаков позволяет описанную линию обороны идентифицировать с укреплениями, упоминаемыми в росписях В. П. Чевкина и других документах. Перым признаком является местоположение линии, между которой и острогом у Глебовского пролома не могли размещаться иные линии подобной длины. Описанная линия имеет земляной городок и три вала со рвами перед ровной полосой, как и укрепления, упоминаемые в документах. Длина существующей линии от восточного конца до городка равна примерно 1,5 км, что соответствует 550 ручным саженьям, указанным в документах. Далее в письменных источниках указывается, что сооружения находятся на Мервиной поляне и что перед укреплениями протекала речка Скауровка (Кауровка). В настоящее время Мервиной поляной называется урочище в северной части долины р. Пальной, а речка Кауровка протекает в 0,5 км к югу параллельно сооружениям. Появление к западу от сооружений одинарного вала и вала со рвом с северной стороны линии следует отнести к более позднему, чем 1638—1639 гг., времени.

5. Памятники Красносельской Засеки. В районе от вышеописанных сооружений у с. Пальное вплоть до р. Осетр засечных укреплений нами не обнаружено. Согласно письменным источникам, на этой части черты основную роль играли лесные завалы, среди которых на дорогах стояли остроги описанного типа с башнями, носящие название Волчьих, Коровинских и Почегских ворот. Сведения о расположении этих ворот настолько неясны и противоречивы, как и о расположении самих засек (Красносельской и Почегской), что трудно определить порой, о каком сооружении идет речь и к какой засеке оно относится. Так, А. В. Никитин помещает Красносельскую Засеку между двумя довольно большими реками Вожей и Осетром вдоль берега р. Красносельки. Однако если по письменным источникам длина Красносельской Засеки равнялась 18 верстам, то расстояние от укреплений с земляным городком до р. Осетр составляет несколько более 30 км, причем по реке Красносельке, затем по реке Почеге до Осетра расстояние составляет соответственно 9 и 3 км, т. е. только 12 км. Следовательно, остальные 18 км черты, проходящей по водоразделу, собственно, не могли бы относиться к Красносельской Засеке, длина которой была только 18 верст. Эти противоречия сохранились в работе А. В. Никитина, который, не имея археологических данных о выявленных нами укреплениях на Мервинской поляне, ошибочно относит их,

по упоминаниям в письменных источниках, к Красносельской Засеке²¹. От этой линии сооружений, согласно письменным источникам, шла полоса лесного завала до острога Волчьих Ворот²². Судя по данным, приводимым А. В. Никитиным, напротив Волчьих Ворот на полевой стороне речки Скуратовки стоял еще «косой» острог, протянувшийся на 120 саженей, что вместе с линиями надолб в острогов и по бокам дороги обеспечивало надежную оборону. Упоминание речки Скуратовки дает основание полагать, что Волчьи Ворота находились не далее 5 км от линии Пальновских укреплений в районе д. Сапково, где нами были обнаружены селища XII—XVII вв.

Далее в публикации А. В. Никитина упоминается Почегская Засака, которая была длиной 15 верст и относилась к Каширским Засакам. При этом среди укреплений засаки упоминаются Коровинские Ворота. Остается неясным, как может относиться Почегская Засака к Каширским, когда река Почег от места впадения в нее р. Красноселки до места впадения ее самой в Осетр имеет протяженность всего 3 км, находится на рязанской стороне Осетра, и как могут находиться Коровинские Ворота в Каширской Засаке, когда с. Коровино находится вблизи истоков р. Красноселки. Эти противоречия сохраняются у А. В. Никитина, когда он к укреплениям Почегской Засаки относит городище у с. Перекаль, расположенное на правом берегу Осетра при впадении в него р. Почег и одновременно укрепления близ д. Орехово и Глубокое по р. Мордвез — левому притоку Осетра²³.

Из вышеупомянутых памятников не вызывает сомнений месторасположение Коровинских Ворот, которые находились между истоком р. Красноселки и с. Коровино, т. е. примерно там же, где до настоящего времени проходит дорога из Михайлова и Пронска на Зарайск. Менее ясно местоположение Почегских Ворот, которые исследователь помещает вблизи от Перекальского городища (Осовского). Обследование последнего, проведенное нами в 1983 г., позволило установить, что этот памятник возник в раннем железном веке. В нижних напластованиях городища обнаружена керамика домонгольского времени, в верхних — керамика XVI—XVII вв. С напольной стороны к городищу примыкают два селища XII—XVII вв., одно из которых тянется на 0,4 км по берегу Осетра, другое — по берегу Почег. По своему расположению и другим признакам городище едва ли могло входить в засечную линию, тем более, что, по мнению самого же А. В. Никитина, Красносельская Засака подходила к Осетру несколько ниже по его течению²⁴.

Приведенные примеры противоречивых высказываний по поводу местоположения отдельных укреплений и засек лишней раз показывают, насколько неверным бывает использование только письменных источников без подкрепления заключенных в них сведений археологическими данными.

Рассматривая в целом результаты археологических обследо-

ваний памятников Рязанских Засек, нельзя не обратить внимание на сосредоточение укреплений в двух районах, через которые проходили главные дороги: район с. Баграмово-Мошеное, где проходила Московская дорога, и окрестности с. Глебово-Городища, через которое шел путь на Зарайск. Письменные источники свидетельствуют о появлении укреплений в этих районах ранее начала XVII в. и о том, что ранее татары ходили еще по третьему пути — по Камаринскому шляху в низовьях Вожи, который к моменту реконструкции Засеки утратил важное значение.

Таким образом, набеги на Москву до XVII в. совершались по трем дорогам, из которых главное значение имела дорога, шедшая через Вожу у с. Баграмово-Войнюково. Этот район был сравнительно густо заселен, о чем говорят, наряду с упоминавшимися в письменных документах селами, выявленные селища XVI—XVII вв. В то же время поселения более раннего времени (XII—XV вв.) в данном районе остаются немногочисленными.

Другая картина наблюдается в окрестностях с. Глебово-Городище, где поселения XII—XV вв. более многочисленны и группируются вокруг укрепленного центра Глебова-Городища с детинцем и слободами. Судя по сокращению размеров поселений, они переживали расцвет до ордынского нашествия, а затем Глебово-Городище вновь восстанавливается (правда, не до прежних размеров) к XVII в.

О трагических событиях, разыгрывавшихся вокруг села, свидетельствуют названия урочищ «Глебовский татарский пролом», «Татарский омут», урочище «Ржовск», а также устные предания о битвах с татарами и якобы находки мечей, кольчуг и шлемов в Воже и около ее берегов, на южном конце восточного посада и у Глебовского пролома. Однако поиски тех же предметов с помощью металлоискателя в указанных местах, проведенные нами в 1978 г., не увенчались успехом.

Оба описанных района интересуют нас прежде всего с точки зрения определения места Вожской битвы 1370 г., которая произошла в месте, где правый берег был крутым, а левый — пологим, низменным. Этим условиям отвечают два участка: окрестности с. Войнюково-Баграмово и район Глебовского пролома. Учитывая, что отряд Бегича стремился обходить крупные города, чтобы неожиданно напасть на Москву, следует ожидать, что, обойдя Переяславль-Рязанский, он пошел по Зарайской дороге через Глебово-Городище по наиболее найденному в то время пути. С другой стороны, именно на левом берегу Вожи русские войска имели достаточное место для маневра и опорные пункты, т. е. могли навязать татарам, стесненным в пространстве под склоном крутого берега, наиболее трудные условия боя, лишая конницу всех преимуществ перед пешим строем. Менее удобными для подобных целей являются условия в районе Введенских Ворот под с. Войнюковым, где единственная открытая поляна — «Большой луг» была недо-

статочно просторна для маневрирования русских войск, а противник имел возможность рассредоточиться по противоположному берегу.

- ¹ Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты//МИА. М., 1955. № 44. Т. III.
- ² Там же. С. 129.
- ³ Челяпов В. П. Отчет об археологических разведках в Рыбновском районе Рязанской области в 1977 г. Архив ИА АН СССР.
- ⁴ Никитин А. В. Указ. соч. С. 30.
- ⁵ Там же. С. 133.
- ⁶ Челяпов В. П. Археологические разведки в Рыбновском районе Рязанской обл. в 1978 г. Архив ИА АН СССР.
- ⁷ Никитин А. В. Указ. соч. С. 135—140. Рис. 7.
- ⁸ Чернай И. Л. Отчет об археологических разведках в Рыбновском и Захаровском районах Рязанской обл. в 1983 г. Архив ИА АН СССР.
- ⁹ Никитин А. В. Указ. соч. С. 135—140.
- ¹⁰ Там же. С. 140.
- ¹¹ Там же. С. 141. Рис. 8.
- ¹² Там же. С. 144.
- ¹³ Челяпов В. П. Отчет об археологических разведках в Рыбновском районе Рязанской области в 1978 г. Архив ИА АН СССР.
- ¹⁴ Никитин А. В. Указ. соч. С. 144. Рис. 13.
- ¹⁵ Челяпов В. П. Отчет об археологических разведках в Рыбновском районе Рязанской области в 1978 г. Архив ИА АН СССР.
- ¹⁶ Никитин А. В. Указ. соч. С. 144—152.
- ¹⁷ Там же. С. 152.
- ¹⁸ Там же. С. 153.
- ¹⁹ Там же. С. 154.
- ²⁰ Там же. С. 155, 156.
- ²¹ Там же. С. 155.
- ²² Там же. С. 155—158.
- ²³ Там же. С. 158—159.
- ²⁴ Там же

ЗАСЕЛЕНИЕ ЕПИФАНСКОГО УЕЗДА В XVI—XVII ВВ.

Советские историки ведут в настоящее время тщательное изучение истории отдельных районов Московского государства XV—XVII вв. В. И. Ленин, называя только что созданное Русское государство Московским царством, подчеркивал, что оно «распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»¹

Необходимость изучения особенностей этих земель поднята в трудах С. Б. Веселовского, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимины и др. историков, показавших основные черты феодальной обособленности и поставивших на повестку дня изучение структуры землевладения по областям и уездам страны XVI в.²

Поуездное изучение страны того времени с каждым годом охватывает все большую территорию. Опубликованы работы по Белозерскому краю, псковской и новгородской землям, Переяславскому, Звенигородскому, Рузскому, Суздальскому и ряду других уездов³.

В настоящей статье предлагается рассмотреть вопрос о возникновении и заселении Епифанского уезда, на территории которого располагалась значительная часть Куликова поля.

Впервые в источниках Епифанский уезд упоминается в писцовой книге 1571—1572 гг. По всей вероятности, его возникновение связано с активной восточной политикой правительства Избранной рады. После взятия Казани и разгрома под Тулой в 1552 г. крымских татар повысилась безопасность населения в Заозкой полосе. Создались условия, благоприятные для освоения и заселения ранее пустовавших земель. С начала 50-х годов XVI в. возникает «украинный разряд». Войска в количестве нескольких полков с наступлением весны выдвигаются за Оку. Традиционный путь нашествия татар в русские земли — Муравский шлях закрывается новым городом Дедиловым⁴. Очевидно, одним из мероприятий по укреплению этой местности и ее освоению была передача Веневского уезда с 1549 г. боярину Ивану Васильевичу Шереметеву-Большому⁵. Уезд находился у него в течение ряда лет и был им скорее всего потерян в период опалы 1564 г., когда он был посажен в тюрьму, а его брат, окольничий Никита Шереметев, казнен⁶.

О принадлежности И. В. Шереметеву Венева писцовая книга приводит целый ряд фактов. «Город Городенск, на р. на Веневе, под засечным лесом, поставление боярина Ивана Васильевича Шереметева-Большого» — свидетельствует запись в писцовой книге. Кроме того, наряду с другим несомненным владельцем Венева кн. И. Ф. Мстиславским, он дает Веневской церкви «8 образов на золоте, 3 образа Пречистые да образ Иван Златоуст, да 3 образа Никола чудотворец, да образ Спасов, все пядницы, средняя поставление Ивана Васильевича Шереметева-Большого»⁷.

Вероятно, вскоре после конфискации владения у боярина И. В. Шереметева-Большого, но не позднее 1566—1567 гг., когда кн. И. Ф. Мстиславский основал Епифанский уезд⁸, кн. Мстиславский получает на не вполне ясных основаниях огромное владение. В его распоряжении оказывается Веневский уезд, а затем, видимо, используя его как базу, кн. Мстиславский начинает осваивать и территорию южнее. Исследователи не имеют единого мнения о юридическом положении этого владения. А. А. Зимин считает, что владение кн. Мстиславского является вотчиной, а Р. Г. Скрынников — что это настоящее удельное княжество⁹.

Нам представляется, что писцовые книги Веневского и Епифанского уездов позволяют разрешить этот вопрос. Во-первых, сами писцовые книги именуют это владение вотчиной: «Лета 7080-го сентября в 12-й день по государеву, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси наказу, писцы... княж Ивановскую вотчину Федоровича Мстиславского писали и мерили на Веневе на посаде и около Веневского посаду на государя царя и великого князя и в Веневском уезде детем боярским новым помещиком Кошином и Туляном поместья отделяли в их оклады половину пашенные земли, а другую половину дикого поля»¹⁰. Во-вторых, встречающиеся в писцовых книгах «люди» кн. Мстиславского определяются писцами как крестьяне, несмотря на то, что они «служили у князя Ивана с земли»: «...да 44 дв., а в них жили княж Ивановские люди Мстиславского, а служили у князя Ивана с земли, и в те дворы велено тех же дворцовых сел старосте Васюку Борзуну да ценовальником назвати крестьян в тягль... и всего княж Ивановских людей крестьянских 558 дв.»¹¹. Поэтому едва ли можно считать этих холопов послужильцами. Тем более, что в писцовой книге Епифанского уезда говорится: «В Епифанском же уезде деревни и починки... живут в тех деревнях и в починках княж Ивановские люди Мстиславского, а служили у князя Ивана с земли...»¹². Е. И. Колычева считает, что «в починки сажались представители именно рядовой массы холопов»¹³, а не послужильцы. Кроме того, многие из холопов кн. Мстиславского «приросли» к земле и вместе с ней перешли к новым владельцам. В случае же, если это владение находилось на положении княжества, следовало бы ожидать, что после роспуска «двора» кн. Мстиславского его послужильцы будут поверстаны поместными окладами, как это было в конце XV в.¹⁴ Однако писцовые книги Веневского и

Епифанского уездов не зафиксировали ни одного случая наделения «людей» кн. Мстиславского поместьями. Поэтому это владение кн. Мстиславского, вероятнее всего, следует признать вотчиной. Точное время возникновения Епифани и его уезда в настоящее время определить не представляется возможным. Во всяком случае все поселенные в Епифани и уезде люди сажались кн. Мстиславским «на льготе» с 1566—1567 гг.¹⁵ По-видимому, кн. Мстиславский, используя северную часть своей вотчины как базу, начал освоение незаселенной территории, примыкавшей с юга к Веневскому уезду. Был выстроен город, для его защиты названы 500 казаков, которых расселили отдельными слободами неподалеку от нового города. Кн. Мстиславский сажал своих холопов на землю и называл крестьян, давая им льготу на 10 лет¹⁶. По нашим подсчетам, в 1571—1572 гг. в Епифанском уезде было 45 жилых крестьянских дворов.

Как видим, несмотря на то, что в это время шел интенсивный отлив населения из Замосковского края и Центра на юг, осесть непосредственно на границе с Полем нашлось мало желающих. Опасность татарских набегов была еще велика.

Поэтому в результате хозяйственной деятельности кн. Мстиславского в Епифанском уезде только четвертая его часть была освоена: «И всего около Епифанского посаду пашни церковные и посадских людей и пушкарские и стрелецкие и казатские добр[ые] земли 5939 четьи да дикого поля 14206 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 89 640 копен. А садились те все люди в Епифани у князя у Ивана у Мстиславского на лготе в 75 г., а лготы им дал был князь Иван на 10 лет. А крепостей около Епифанского посаду по обе стор[оны] р. Дону заповедного лесу Епифанова болота от реки от Лютые к р. Дону и по р[еке] по Дону вниз на 3 версты, а поперег четв[ерть] версты, а инде менши, а инде и болши, да к Карачеву оз[ерку] и около озера[а] лесу в длину на 2 версты, а поперег на полверсты да по речке по Дрыске дубровы в длину 3 версты, а поперег верста, да к речке Пронице к Марковской дуброва..., а поперег на полверсты, да вверх речки Лютой лесу в длину на версту, а поперег на полверсты, да к р[еке] к Таболе дубровы Староселские в длину на версту, а поперег на полверсты, да за Доном дуброва Островцы в длину три версты, а поперег на версту, да от устья речки Непрядвы от Дону вверх по Непрядве дубровы в длину на 7 верст, а поперег на версту»¹⁷.

В 1571 г. произошел один из наиболее опустошительных татарских набегов, в результате которого Москва выгорела. Кн. Мстиславский был обвинен в том, что «навел» татар на русские земли, и его южная вотчина была конфискована. Среди историков утвердилось мнение, что владение князя совершенно не пострадало. Однако это не совсем так. В слободе Балахнинский на р. Сукромне под Сукромненским лесом был монастырь «Рождество Пречистые Богородицы, и тот монастырь и кельи сожгли

Крымские люди в приход Крымского царя в 79 г., а старцов всех Крымские люди побили, а иных в полон поимали»¹⁸.

После конфискации вотчины кн. Мстиславского ее земли были пущены в поместную раздачу. Писцовые книги Веневского и Епифанского уездов 7080 г. (1571—1572 гг.). закрепляли проведенное наделение поместьями землевладельцев, имевших поместные дачи в соседних уездах и получивших здесь придачи к своим старым поместьям. Причем половина поместья давалась в Веневском, а другая в Епифанском уезде. Прежде всего были помещены казацьи сотники, имевшие поместный оклад в 200 четвертей доброй земли в поле. В поместье отводились распаханые земли и дикое поле. Предполагалось, что освоенная часть поместья будет равна неосвоенной части. Однако на практике выдержать такую пропорцию не удалось. В выделенных поместных дачах «дикое поле» явно преобладало. Всего получили поместья семь казацьих сотников: Степан Юрьевич и Лаврентий Иванович Лихаревы, Андрей Никитич Порошин, Роман Шутаевич Воронин, Афонасий Хресникович Тураев, Гаврила Романович Безпятый, Григорий Кузьмич Котенев¹⁹ и 12 помещиков: Сухан и Дмитрий Кудашевичи Наугородовы, Иван Наумович Зиновьев, Потап Федорович Никитин, Иван Захарьевич Терехов, Истома Якимович Михайлов, Фил Архипович Юров, Осип Иванович Филимонов, Иван Бухаринович Косткин, Афонасий Павлович Овсянников, Иван и Гаврила Булатовичи Софоновы²⁰. Все они принадлежат к рядовому провинциальному дворянству, кроме Лихаревых, 13 представителей рода которых были записаны в Дворовой тетради по Коломне и Кашире²¹. Ввиду того, что эти землевладельцы не упоминались в разрядных записях, отсутствуют какие-либо сведения о службе их в опричнине или земщине. Так как эти землевладельцы принадлежат к мелким служилым родам окрестных неопричных уездов, можно предполагать, что это наделение не связано с опричниной. Тот же факт, что Веневский и возникающий в 1576—1577 гг. Епифанский уезды не были включены в состав опричнины, согласуется с теорией опричнины А. А. Зимина, согласно которой в опричнину включались те территории, которые давали возможность улучшить поместное обеспечение лично преданных Ивану IV дворян. Таким и являлся издавна заселенный и освоенный Белевский уезд. В то время непосредственно примыкавшие к Муравскому шляху Веневский и Епифанский уезды оставались в частном владении и только в самом конце существования опричнины отписываются на государя. Нам представляется, что и это владение являлось буферным, наподобие Северских служилых княжеств, которые должны были прикрывать центральные уезды страны от агрессии неприятеля²². Это позволяло Московскому правительству долгое время не предпринимать усилий по защите и освоению Веневского и Епифанского уездов, о чем свидетельствует полное отсутствие каких-либо сведений об этой территории в разрядных записях в первой половине и середине XVI в.

Впервые назначение воевод в эти города разрядные записи зафиксировали только в 1575—1576 гг., причем в Венев воевода В. М. Зыбин был назначен еще в 1573—1574 гг.²³ Разрядные записи в основном фиксировали только назначение воевод и почти не содержат сведений о самих боевых действиях. Поэтому практически невозможно сказать, какие столкновения с татарами происходили под Епифанью в последней четверти XVI в. Однако в записях содержатся сведения о чрезвычайно напряженной обстановке в этом районе. Так, в записи 1591—1592 гг. говорится: «На Епифани осадные головы Федор Хруль Наумов да Иван Хрипков, да Широкий Муромцов. Да на Епифани же на вылоске и в поход ходит Иван Васильев сын Измайлов»²⁴. Интересно, что Широкий Муромцов и И. В. Измайлов в дальнейшем не упоминаются в разрядных записях, что позволяет предполагать их гибель на этой службе.

По всей вероятности, переход Епифанского уезда в руки правительства мало что изменил в положении уезда. Несмотря на отток населения из центральных уездов страны на юг, Епифанский уезд по-прежнему заселялся очень медленно. Постоянные татарские набеги, которых за время Ливонской войны насчитывается 21, сильно мешали заселению и освоению края. Поэтому правительство Федора Ивановича решило пойти на экстраординарную меру — поверстало в 1584—1585 гг. в помещики 300 казаков из ранее набранных кн. Мстиславским. По-видимому, это была одна из мер правительства по ликвидации кризиса 60—80-х гг. XVI в. Необходимо было восполнить убыль в служилых людях после неудачной Ливонской войны и в то же время это был шаг по возвращению к политике, проводившейся некогда Избранной радой. Правительственная мера должна была резко повысить обороноспособность Епифанского уезда от татарских набегов и освоенность края, так как повышалась безопасность населения.

Писцовые книги Епифанского уезда 1627—1630 гг. позволяют говорить об определенных успехах, достигнутых после поверстания казаков в помещики. Следует, однако, оговориться, что, даже получив привилегированное положение землевладельцев, казаки сохранили свою прежнюю форму организации по сотням и продолжали жить в своих слободах под Епифанью. Несмотря на то, что помещестные оклады казакам были даны небольшие, типичный фактический оклад составлял только 21 «четь в поле, а в дву потому ж», земель под слободами не хватило. Поэтому им отводились владения в большом удалении от слобод. Так, дачи помещиков-казаков Шевыревской слободы располагались по реке Непрядве: «В Себинском стану на Куликовом поле порозжие земли, что бывали в поместьях. Гавриловское поместье Вавилова жеребей пустоши Дикого поля на речке на Непрядве и на речке Буйце пашни перелогом и дикого поля добрые земли двадцать три четьи в поле, а в дву потому ж, сена ставилось пятьдесят копен». Так же описаны владения Тихона Нестерова, жребий какого-то неустановленного писца-

ми владельца, Степана Кузнецова, Матвея Овдеева, Ивана Денисова, Тараса Севостьянова, Тараса Кондратьева, Якова Володина, Митрофана Кашкарова и Наума Лузгина²⁵. Всех их мы находим среди поверстанных в 1584—1585 гг. в помещики казаков. Кстати, это подтверждает, что по писцовым книгам 20—30-х гг. XVII в. можно изучать состав землевладельцев XVI в.

Писцовые книги 1627—1630 гг. ясно показывают, что земли помещикам-казакам отводились из «дикого поля». В них не содержится ни одного упоминания о каких-либо ранее распаханых или освоенных землях, что позволяет говорить, что до начала освоения этого района при князе Мстиславском занимающегося хлебопашеством населения в данной местности не было.

В этом отношении весьма характерно описание межей, содержащееся в межевой книге Елифанского уезда 1627—1630 гг. кн. Романа Болховского и подьячего Василия Бурцева. В частности, в ней описана межа пустоши Куликова поля: ...«межа Куликову полю епифанцов розных помещиков и порозжих земель з диким полем». Межа проводилась очень приблизительно в основном по естественным рубежам — реке, речкам и ручьям, высоткам, кустарникам и пр. На всем ее протяжении межевальщики нашли только два знака предыдущего межевания. У естественных рубежей не делалось никаких искусственных ориентиров. Это хорошо показывает, что по соседству или даже в отдалении не имеется каких-либо населенных пунктов, жители которых могли бы претендовать на земли помещиков Шевыревской слободы. Межевая комиссия двинулась от двух ручьев к реке Непрядве, переправилась на другой берег реки и по нему двинулась вверх по течению. Это говорит за то, что какая-то территория на правом, южном берегу Непрядвы также тянула к владениям Шевыревской слободы, но каких-нибудь определенных отметок о величине этого владения межевальщиками не было сделано. Достигнув речки Деготенки, межевщики вновь переправились через Непрядву на ее левый берег и двинулись по речке Деготенке вверх до Красного колка, до двух берез, выросших из одного жорня. Эту березу они сделали межевым знаком, натесав на одном из стволов межевую грань. Копать яму и класть в нее уголья и кости, как это обычно делалось, они не стали. Справа от межи находилась земля, отведенная помещикам Шевыревской слободы, налево — «дикое поле и дубровы государевы». Следующим ясно видимым межевым знаком стала старая Елецкая дорога, что езживали с Епифани на Елец». Ясно, что межевальщики передвигались какое-то время полем, на котором не было ни деревьев, ни каких-либо других естественных ориентиров, позволивших бы оговорить их. Позднее в таких случаях межевщики устанавливали столбы. В то же время, видимо, необходимости в установке искусственных межевых знаков не было. С дороги был виден дуб. Этот дуб и был первым ориентиром старого межевания: «На нем грань старая да грань новая 138 году». От дуба была видна береза, к которой и направились межевщики. На березе была

«грань старая да грань новая». Это второй и последний ориентир, сохранившийся от предыдущего межевания, который смогла обнаружить межевая комиссия. Подымаясь на возвышения и спускаясь с холмов, переходя ручьи, межевальщики добрались до дубровки на высоте, в которой ясно выделялся дуб, — «а в высоте дуб», и сделали его своим ориентиром. От этого дуба межа шла к речке Большому Буйцу, по речке до впадения ее в Непрядву и по Непрядве вниз до частого березняка, где межа кончалась²⁶.

Описание межи Шевыревской слободы в межевой книге 1627—1630 гг. ясно показывает, что старые межевые искусственные знаки были в большинстве утеряны и межа практически проводилась вновь.

Трудности, с которыми встретились межевщики при межевании уезда, объясняются трагедией, разыгравшейся в Епифанском уезде в 1609 г. Татарский набег этого года полностью уничтожил все плоды долгой работы по освоению и заселению местности. Город Епифань, церкви под городом, слободы помещиков и пришлого люда — все было уничтожено. Население уезда почти целиком было или перебито, или уведено в полон. В писцовой книге 1627—1630 гг. содержится жуткий итог опустошения: «И всего в Епифанском уезде 8 слобод на 4 стана да пустошь, а в них служилых дворян и детей боярских розных городов и епифанцов 203 человека... да в станех село да полдеревни живущей, а в порозжих землях 87 дворов да двор людцкой... да 327 мест с полуместом дворовых пустых, запустели от татарской войны»²⁷.

После разгрома бесследно исчезли деревни и починки, созданные еще при кн. Мстиславском, а население уезда уменьшилось во много раз. Наименьшие потери понесли служилые люди, потому что они или смогли отбиться от врага в своих слободах, или потому, что просто отсутствовали дома в момент набега. Во всяком случае традиционное заселение местности мелкими поселениями оказалось неприемлемым для Епифанского уезда.

Последствия разгрома уезда 1609 г. оказали очень сильное влияние на его историю. Даже после возведения в 1637 г. новой крепости южнее Епифан — Ефремова²⁸ население уезда по-прежнему не увеличивалось. Причина, несомненно, могла быть только одна — было очень опасно селиться на традиционном пути татар в русские земли. В итоге переписной книги 1646 г. Епифанского уезда прямо сказано: «И всего в Епифанском уезде за вотчинником и за помещики семнатцать дворов крестьянских, а людей в них 61 человек, да 6 дворов бобыльских, а людей в них тритцать человек»²⁹.

Незаселенность Епифанского уезда начала превращаться в большую государственную проблему. Отдельные попытки привлечь землевладельцев в Епифанский уезд оканчивались, как правило, тем, что выделенная земля не осваивалась. Так, в частности, произошло с вотчиной Тульского Предтечева монастыря, которому в 1657—1658 гг. было отведено 200 четвертей земли в поле на речке

Уперте в Люторическом стану Елифанского уезда. Даже через 10 лет монастырь, не имевший до этого вотчин, не смог освоить выделенную ему землю, которая продолжала называться пустошью³⁰.

Набег 1659 г. еще более заострил вопрос о заселении всей территории Куликова поля, большая часть которого относилась к Елифанскому уезду, так как в тылу Белгородской засечной черты продолжала существовать незаселенная и незащищенная территория.

В начале августа 1659 г. главным силам крымцев удалось проваться через укрепления засечной черты. 5 августа воевода г. Михайлова Иван Белелюбский сообщал в Москву, что 3 августа татары ворвались в Елецкий, Ефремовский, Елифанский и Дедиловский уезды. Воевода писал: «...а идут де те татарове большим собранием, а села и деревни все разоряют, жгут безостаточно». 5 августа он ожидал их появления под Михайловом³¹. Однако к середине XVII в. соотношение сил уже было в пользу России. Время безраздельного господства кочевников на рубежах страны прошло. Татары были быстро выбиты из пределов Московского государства, хотя ущерб, нанесенный их набегом, без сомнения, был значительным.

Исчерпав, видимо, возможности для испомещения дворян в Елифанском уезде, правительство пытается организовать в нем царскую пашню. Для организации «государева пашенного завода» был избран центр в верховье речки Лесной Уперты. В 1663 г. на этой реке в Люторецком стану Елифанского уезда началось строительство нового города, позднее получившего название Богородицк. Но строительство нового города и расширение царской десятинной пашни шло чрезвычайно медленно. Только в 1670—1671 гг. земли нового Богородицкого уезда были отмежеваны и описаны комиссией во главе с А. Щепотьевым. Кроме Богородицка в уезде была слобода, два села, всего 320 крестьянских дворов, 833 чети с третником государевой десятинной пашни, 700 четей крестьянской пашни, у шести помещиков было распаханно 598 четвертей и 44 467 четвертей без третника дикого поля, т. е. всего было освоено 4,5% территории уезда³². Остальная территория продолжала оставаться в своем первоизданном состоянии.

Проведенная при отмежевании Богородицкого уезда от Елифанского граница, проходившая по невозделанным целинным землям, не могла быть устойчивой. А. Щепотьев провел ее по реке Мече, через Рогачевскую дубраву, суходол, верховья Ситки (притока Непрядвы), по лощинам к речке Смолке и устью Непрядвы. Однако в дальнейшем многие места, лежащие к западу от этого рубежа, продолжали по-прежнему относиться к Елифанскому уезду.

Потерпев очередную неудачу в попытках заселить Куликово поле, московское правительство решает на отчаянный шаг, противоречивший всей политике московских государей, начиная с Ива-

на III, ограничивавших церковное землевладение. К заселению Епифанского уезда московское правительство решилось привлечь силы и средства крупнейших церковных иерархов. Любопытно, что территория, на которой отводились дачи, относилась к Епифанскому уезду, а сам отвод проводил Богородицкий воевода С. Е. Нелединский.

18 июля 1674 г. он, «приехав в Епифанский уезд в Себинский стан за реку Непрядву... отмежевал преосвященному Ионе митрополиту Ростовскому и Ерославскому четвертные пашни на тысячу на двести четей в поли, а в дву потому ж»³³.

27 июля 1674 г. он же в том же Себинском стану Епифанского уезда отводит «за рекою Непрядвою» митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу 1200 четвертей в поле³⁴.

19 сентября 1674 г. он в том же месте, «приехав... за реку Непрядву на речку Сетунку отмежевал ...Иосифу архиепископу Коломенскому и Каширскому четвертные пашни на 800 четей»³⁵.

Кроме того, 23 апреля 1675 г. была дана послушная грамота царя Алексея Михайловича Тульскому Предтечеву монастырю «в Епифанский уезд в пустошь Дикое поле промеж Епифанского и Ефремовского уездов, что в Куликовых полях за речкою Непрядвою по обе стороны речки Ситенки» на 200 четей, данных вместо взятой у монастыря земли в Богородицком уезде³⁶.

Из последующих описаний этих земель и переписных книг ясно видно, как происходил процесс заселения полученных церковными феодалами дач. В выписи из переписных книг Епифанского уезда Г. Кобякова и подьячего Л. Елизарова 1677—1678 гг. указано, что в вотчине архиепископа Коломенского и Каширского Павла уже жили: во владычном дворе дворник Ефимко Квасов, «родина его в Коломенском уезде в селе Беле Колодизе», вместе с ним в одном дворе жил деловой человек Роман Федоров, «переведен ис Коломенского ж уезду деревни Темщиной, бобыльской сын», во дворе Карпушка Иванов, «переведен ис Коломенского уезду из села Есенки, крестьянский сын», Гараско Васильев, «переведен ис Коломенского ж уезду из села Прус, из бобылей», Исайка Быков «взят на архиепископова двора ис конохов», Мартинка Михайлов «переведен ис Коломенского ж уезду из села Бела Колодезя, ис крестьян». Всего в вотчине архиепископа Павла деревне Никольской уже имелось 14 дворов с мужским населением в 42 человека³⁷.

Во всей вероятности, аналогично заселялись и другие возникавшие в это время в Епифанском уезде населенные пункты. Безусловно, что заселение и освоение необжитого места было связано для переселяемых крестьян с огромными лишениями и трудностями. На новое местожительство в принудительном порядке переселялись целые крестьянские семьи с малолетними детьми. Им необходимо было перевезти с насиженных мест на необжитое место свой нехитрый скarb, запасы продовольствия, семена. Крестьянским

трудом возводились дома, расчищалась и распахивалась земля, строились мельницы на реках.

В результате укрепления Русского государства во второй половине XVII в. и присоединения Украины к России татарские набеги перестали достигать границ Епифанского уезда. Плодородная земля и почти гарантированная безопасность сделали очень выгодными для феодалов дачи в Епифанском уезде. В результате массовых раздач поместий в конце XVII в. завершается процесс заселения Епифанского уезда. Одна из таких раздач была проведена в конце 1681 г. Хотя отказные книги этой раздачи не полны ввиду того, что раздача была прекращена в связи с наступлением зимы, но они содержат сведения о выделении 15 поместий представителям верхнего слоя дворянства России. Дачи выделялись среднего и крупного размера. Только ряд потомков казаков, поверстанных в 1584—1585 гг., получил дачи по 20 четвертей.

Интересно, что отказные книги 1681 г. содержат большое количество указаний на предыдущие раздачи земель в 1671—1681 годах³⁸.

В начале XVIII в. в Епифанском уезде мы видим сложное соединение различных слоев дворянства России. Низший слой представляли потомки казаков, получивших поместья в 1584—1585 гг. Немного по размерам дач ушли от них местные служилые люди, получившие в Епифанском уезде придачи к своим Тульским, Каширским, Соловским поместьям. Третий слой составляли стольники, стряпчие, командиры стрельцов. Среди них выделяются представители известных служилых фамилий: Алмазовы, кн. Коркодиновы, Ловчиковы, кн. Мыщецкие, Нелединские, Писаревы³⁹. Из боярских фамилий в Епифанском уезде владели крупными дачами князья Гагарины, Голицыны, Милославские, Нарышкины, Прозоровские, Ромодановские, Черкасские⁴⁰. При этом только боярину кн. Петру Ивановичу Прозоровскому в селе Судакове с селами и деревнями принадлежали в 1721 г. 224 двора, боярину кн. Григорию Григорьевичу Ромодановскому в селе Спасском с селами и деревнями — 210 дворов, боярину кн. Михаилу Яковлевичу Черкасскому в селе Лебяжий Усад с деревнями — 127 дворов⁴¹.

Изучение заселения Епифанского уезда позволяет сделать следующие выводы. Правительство Избранной рады, не имея достаточных средств для освоения территории, граничившей с полем, предоставляет эту возможность представителям феодальной аристократии, в частности, сподвижнику Адашева боярину И. В. Шереметеву-Большому. Неудача с освоением новых земель и явилась одной из причин падения правительства Избранной рады.

В период опричнины, на ее первом этапе, Иван Грозный продолжает прежнее направление в заселении окраины Московского государства. Ввиду того, что частные вотчины на границе не обеспечивали безопасность центра страны и в целях ограничения роста крупных владений вотчина кн. Мстиславского конфискуется. Однако московское правительство не находит необходимых сил и средств

для заселения этих земель. Поэтому для восполнения убыли в служилых людях после поражения в Ливонской войне и для усиления заселения и освоения территории Елифанского уезда правительство решается на крайнюю меру, поверстав в помещики 300 казаков. Но и это не решило в полной мере вопроса. Не имея крестьян, помещики-казаки принадлежали к самым низам феодалов и по своему положению почти не отличались от крестьянских масс, что хорошо объясняет их участие на стороне восставших в первой Крестьянской войне под руководством И. И. Болотникова. Разгром уезда в 1609 г. вновь поставил на повестку дня его заселение. Только привлечение всех сил государства, начиная от царского дворцового хозяйства и кончая духовными феодалами, позволило заселить уезд в конце XVII—начале XVIII вв. Поэтому состав землевладельцев уезда представляет сложнейший конгломерат всех слоев дворянства России, происходящего из различных земель государства.

-
- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.
 - ² Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси//Исторические записки. М., 1944. Т. 22. С. 101—131; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; его же. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; его же. В. И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в.//Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Каргалов В. В. Оборона южной окраины Российского государства в первой половине XVI столетия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Л., 1977.
 - ³ См. Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в., сб. М., 1974.
 - ⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 145.
 - ⁵ Зимин А. А. Состав боярской думы в XV—XVI вв.//Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 61.
 - ⁶ Там же. С. 72.
 - ⁷ ПКМГ. Ч. 1, отд. 11. С. 1538.
 - ⁸ Там же. С. 1595.
 - ⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.
 - ¹⁰ Писцовые книги Московского государства. С. 1537.
 - ¹¹ Там же. С. 1548.
 - ¹² Там же. С. 1587.
 - ¹³ Кольцова Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI вв.) М., 1971. С. 109.
 - ¹⁴ Васеловский С. В. Феодальное землевладение. Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947.
 - ¹⁵ ПКМГ. С. 1594—1595.
 - ¹⁶ Там же. С. 1582—1595.
 - ¹⁷ Там же. С. 1594—1595.
 - ¹⁸ Там же. С. 1588.
 - ¹⁹ Там же. С. 1582—1583.
 - ²⁰ Там же. С. 1584—1586.
 - ²¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950. С. 149, 160, 162—163.
 - ²² Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI вв.//Дворянство и крепостной строй России. М., 1975.
 - ²³ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1965. С. 268.

- ²⁴ Там же. С. 470.
- ²⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 140, л. 290—315.
- ²⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 140, л. 328.
- ²⁷ Там же. л. 275.
- ²⁸ *Малеванов Н. А.* Ефремов. Тула, 1858.
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 493, л. 950—950 об.
- ³⁰ Материалы по историко-статистическому описанию Тульской епархии. Тула, 1884. С. 38—39.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, д. 370, л. 112—113.
- ³² *Малеванов Н. А.* Богородицк и его уезд в XVII в. // Вопросы истории и хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 162—175.
- ³³ ЦГАДА, ф. 281, оп. 1, д. 4662.
- ³⁴ Там же. Д. 4664.
- ³⁵ Там же. Д. 4665.
- ³⁶ Там же. Д. 4672.
- ³⁷ Там же. Д. 4673.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 123.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 123; ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 59, л. 61—68, д. 126, л. 10.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 123; ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 59, л. 61—68, д. 210, л. 3—5 об.
- ⁴¹ ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 210, л. 3—4, 5—5 об.

К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

По материалам ЦГАДА

ЦГАДА — единственное хранилище, в котором сосредоточен большой комплекс документов, на основе которых можно воссоздать историю ранних поселений на Куликовом поле, а также представить его ландшафт 300 лет тому назад. Архивные документы ЦГАДА мало изучены и никогда не публиковались; фактически они привлекли внимание исследователей только в 1980 г. в связи с празднованием 600-летия победы на Куликовом поле.

Существуют четыре основных документальных источника, которые наиболее полно используются сейчас в архиве при воссоздании истории старых населенных пунктов.

Основным источником по истории городов, сел и деревень Русского государства за период XV—XVIII вв. являются писцовые, переписные, дозорные, приправочные, перечневые, платежные и межевые книги (ф. 1209). Всего в этом фонде десять книг по Епифанскому уезду. Но наиболее ранняя из них была выявлена в фонде 137 «Боярские и городовые книги» — это книга за 1572 г. «Веневского города и посада книга межевая». В конце книги помещено описание г. Епифани и Епифанского уезда. Однако книга не имеет конца, поэтому по ней трудно судить о всем Епифанском уезде конца XVI в. В частности, книга оканчивается описанием земель у реки Непрядвы: «Непрядвою вверх, по Непрядве дубравы на 7 верст, а поперек в версту»¹. К сожалению, Куликово поле в ней не упоминается, видимо, сведения о нем находились на утраченных листах.

Другим важным источником является коллекция грамот Коллегии Экономии XIV—XVIII вв. (ф. 281), где отложились жалованные грамоты, купчие, закладные, духовные, вкладные, выписки из писцовых, переписных, межевых книг. В этом фонде выявлена «Выпись из межевых книг митрополиту Сарскому Павлу на спорную помещиками землю близ реки Непрядвы» за 1674 г.² с подробным описанием земель, где в дальнейшем, как мы предполагаем, возникло село Монастырское — Рождествено.

Сведения об административном делении России в первой половине XVIII в., социальном составе ее населения и о родословии крестьянских фамилий содержатся в материалах «ревизских сказок» — переписи населения России в XVIII в. (ф. 350 «Ландратские

книги и ревизские сказки»). По этим документам можно установить владельцев Епифанского уезда и проследить появление в нем новых населенных пунктов с названием Куликовка.

Одним из самых важных источников по истории городов, сел и деревень за период конца XVIII—начала XIX в. являются материалы Межевого архива. Так, фонд 1355 «Экономические примечания к планам генерального межевания» содержит материалы о числе дворов в городе или селе, о населении, количестве и качестве земли, о реках, их судоходности, глубине и ширине, о животном мире, занятиях населения и т. д. Большое значение для выявления утраченных в свое время источников имеют хранящиеся в Межевом архиве «спорные дела» по тяжбам о границах земельных владений. Для подтверждения решения споров привлекались часто копии крепостных актов на вотчины и поместья за XIV—XVIII вв. Они могут быть единственным дошедшим до нас источником по ранней истории села, волости, деревни. Так, по этим документам удалось проследить историю соседней с селом Рождественным деревни Куликовки³. В этом же архиве хранятся губернские и уездные карты, топографические планы, в том числе и населенных пунктов Куликова поля.

Деревня Куликовка — древнейшее поселение Куликова поля

Первое упоминание о Куликовке содержится в подлинной писцовой книге Епифанского уезда за 1628 г., где она значится как пустошь Куликово поле: «...За епифанцы за Федьком да за Ивашком, да за Игнатом Агеевыми детьми Ишутина в поместье по ввозной грамоте за приписью дьяка Герасима Мартемьянова 122 (1614 г.) году жеребей; пустошь Буйцы Куликово поле тож, на речке на Непрядве. Пашни, перелогом и дикого поля добрые земли двадцать четыре чети в поле, а в дву по тому же, сена 40 копен, лес дубовы вверх по Непрядве с коробынскими помещиками вопче... За епифанцом за Фирсом Федоровым сыном Дехтерева в поместья жеребей пустоши Куликово поле на речке на Непрядве и на речке на Буйце. Пашни, дикого поля, добрые земли десять чети с осминою в поле, а в дву по тому же, сена тридцать копен, лес дубровой по речке по Непрядве и по речке по Буйце вопче с розными помещики...»⁴.

Пустошь Куликово поле значится среди пустошей, «что были села и деревни за помещики в поместьях»⁵. К началу XVII в. они «запустели» из-за набегов татар.

Как указано в монографии А. Л. Новосельского, «май—июнь 1622 г. пестрит появлением небольших татарских отрядов в Данковском, Епифанском, Дедиловском, Одоевском, Белевском уездах. Набег был внезапным и застал украинских воевод врасплох, поэтому набег, несмотря на участие в нем небольших сравнительно сил, принес татарам хорошую добычу».

Можно предположить, что селение Куликово поле превратилось в пустошь в результате набегов татар 1622 г. В ранее упоминавшейся писцовой книге имеются данные о запустении больших населенных пунктов в Себинском стане.

На пустоши Сухановской было «место дворовое помещиково да пять мест дворовых пустых крестьянских». Все они «запустили от татарские войны»⁶.

Как следует из отказной книги Епифанского уезда 1672—1683 гг., в начале 80-х гг. XVII в. на месте пустоши Куликово поле уже существовала д. Куликовка.

В этом документе зафиксировано, что 8 декабря 1682 г. подьячий С. Степанов приехал «в Епифанской уезд в Себенский стан в Олексеево поместье и вотчину Федорова сына Писарева в д. Курец, да в жеребей д. Новосельскую, да в жеребей д. Куликовку» и описал их⁷.

Во владении А. Ф. Писарева находились 9 дворов, в которых проживали 3 приказных человека, 26 задворных людей и 6 бо-былей.

А. Ф. Писарев принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему от литовского выходца Семена Писаря, пожалованного в 1441 г. поместьем в Коломенском уезде. К этому роду принадлежал и выдающийся литературный критик Д. И. Писарев.

Ландратская книга Епифанского уезда 1710 г. содержит сведения о д. Куликовка за начало XVIII в.⁸ В это время Куликовка также принадлежала роду Писаревых. В ней было 14 дворов, где проживали 41 крестьянин, 19 дворовых людей и 18 деловых людей.

Во второй половине XVIII в. д. Куликовка принадлежала уже другой ветви рода Писаревых — Иванчиным-Писаревым (к этому роду принадлежал известный писатель первой половины XIX в. Н. Д. Иванчин-Писарев).

Документы ЦГАДА позволяют проследить рост численности населения д. Куликовки во второй половине XVIII в.

Второй ревизией (1738 г.) в Куликовке зафиксированы 68 жителей⁹. Согласно «Экономическим примечаниям» к планам Генерального межевания Епифанского уезда Тульской губернии в конце XVIII в. Куликовка состояла из 78 дворов, где проживали 319 мужчин, 324 женщины¹⁰.

«Экономические примечания» содержат описание д. Куликовки: «...Церковь деревянная архистратига Михаила, дом господской, деревянной, конной завод. В нем лошади немецкия... Земля черная, хлеб и покосы средственны, лес строевой и дровеной. Крестьяне на пашне»¹¹.

Татинка и Татинов брод

Наиболее ранние упоминания о д. Татинке, имеющей прямое отношение к Куликовской битве 1380 г., найдены в писцовых и межевых книгах XVII в. В писцовой книге «письма» Андрея Федоровича Щепотева за 1669 г. упоминается Татинов брод и Татинская дорога: «Межа же города Богородицкого Куликову полю от первого урочища, от дву колодезей, что вышли из частого березника и впали в реку Непрядву. И от тех колодезей вниз рекою Непрядвою до реки Дону, а от устья реки Непрядвы вниз рекою Доном до лощины, что пониже Татинова броду и вверх лощиною на дуб, на нем грань. А с того дубу вверх по Куликову полю через Татинскую дорогу на березу, на ней грань. А с тое березу прямо на сухой осиновый колок. А с осинового колка через большую Татинскую дорогу и через речку Смолкою прямо лощиною межа дву верхов дуб кривой, на нем грань. А с того дуба через отвершек по Куликову полю березу, на ней грань, да орлово гнездо. А с тое березы подле Донковской дороги, что ездят с Буйца в Донков, на дуб развиловат, на нем грань...»¹² (рис. 1).

Межевая книга 1694 г. содержит описание земли и сенных покосов семьи Муромцевых: «...от Себинки реки.. вниз рекою Доном на деревню Татинку. Из деревни Татинки до Журихинского верха по столбам и по ямам до утиног столба. На праве общие сенные покосы Гаврила да Ивана, да Якова Муромцевых, а налево земля их же, Ивана и Якова Муромцевых... Поселена та деревня на Татинской дороге... и первый вершек окольные люди указали. И про колодези сказали, что де в грамоте и в деле, и в записи написано первым вершком к колодезю. И они в тех урочищах окроме дву колодезей не знают, а те де колодези — один в деревне Татинки, и стоит Татинский колодезь подле Татинской дороги, а другой колодезь близ Журихинского верха...»¹³.

Сведения о д. Татинке в XVIII в. удалось обнаружить в материалах переписи населения России в 1762 г. (3-я ревизия). В 1762 г. д. Татинка принадлежала надворному советнику С. В. Муромцеву, расположена была в Себенском стане Елифанского уезда и имела два названия — Татинка и Сычевка. «Книга Елифанского уезда 3-й ревизии» дает представление о населении деревни по 2-й и 3-й ревизиям: «Итого в помянутой деревне Сычевки, Татинки тож, положенных в подушной оклад по последней ревизии состояло 133 душ. Из того числа разными случаями убыло, а именно: померло — 51 душа, в рекруты отдано — 6 душ, на поселение в Сибирь — 1 душа, бежала — 1 душа, переданы в разные уезды — 50 душ. Затем ныне на лицо положенные в оклад 24 души. Вновь рожденных 32 души; переведены из разных уездов положенных в подушный оклад 5 душ, у них вновь рожденных 7 душ. Всего в оной деревне... состоит положенных и прибылых и вновь рожденных мужеска полу 68 душ, женска полу 58 душ»¹⁴.

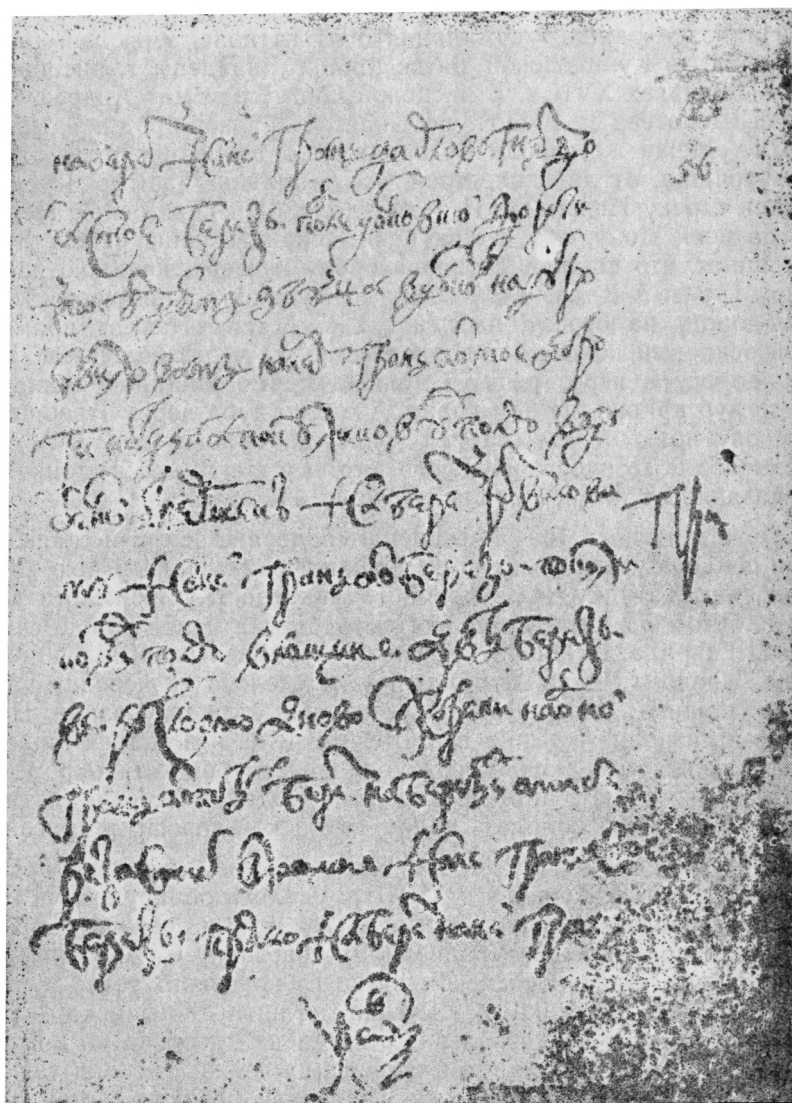

Рис. 1. Фрагмент текста писцовой книги А. Ф. Щепотева, 1669 г.

В «Экономических примечаниях» к планам Генерального межевания Тульской губернии Епифанского уезда дано следующее описание сельца Татинки конца XVIII в.: «На левой стороне р. Дона. Два дома господских деревянных с плодовитыми садами. Земля

черная, хлеб средственный, сенные покосы хороши, лес строевой и дровяной — дубовый, березовый, осиновый. Крестьяне на пашне»¹⁵

Сельцо Татинка, в котором было 13 дворов и 307 душ населения обоевого пола, в это время принадлежало С. В. Муромцеву и М. В. Бибикову.

Когда возникло село Рождествено?

До 1674 г. землями за рекою Непрядвою владели «без дач Иноземного приказу подьячие Тихон Мотянин да Андрей Аверкишев с товарищи». В этом же году стольник г. Богородицка Стефан Ефремович Нелединский, приехав в Епифанский уезд, отмежевал в Себинском стане землю «в домовые вотчины преосвященному Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому»¹⁶ Приводим описание межи на землю, где в следующее десятилетие возникло село Рождествено, которое, видимо, первоначально (до постройки церкви) имело название Монастырщина¹⁷: «А межа той земле почин от старой писцовой межи Андрея Щепотева (1670 г. — С. Д.), от реки от Дону на гору. Прямо на горе подле верха столб. На нем две грани. Одна указывает к реке Дону, а другая указывает вверх верхом на березу розвильовату. На ней две грани, подле ее яма. А от столба до березы два длинника. А от березы тем же верхом направа на берегу на старую грань Андрея Щепотева. Подле ее столб... А от того столба к речке Смолкочи на столб. На нем две грани, подле ево яма. Меж ими два длинника. А от того столба к речке ж Смолкочи У реки у Смолкочи на берегу на горе столб... И от столба до дуба два длинника. А от того дуба и от ямы сквозь дубровку через верх на две березы розвильоватые. На одной березе две грани, подле ее яма. А от дуба до березы длинник и дватцать сажен. А от березы прямо через степь на столб... А от столба через верх на столб. На нем две грани, подле ево яма. Меж ими два длинника и десять сажен. И от столба и от ямы через Донковскую большую дорогу к вершине на старую грань Андрея Щепотева, в верховье речки Смолкочи, на дуб. И тот дуб ссечен по грань. А на нем старая грань цела. И подле того пня и старой грани поставлен вновь столб... И от березы прямо через болото к реке Непрядве. Направе земля и лес и всякие угодыя домовые вотчины преосвященного Павла митрополита Сарского и Подонского. А налеле земля и лес, и всякие угодыя великого государя до старой до писцовой межи князь Романа Болковского и до межи писца Андрея Щепотева. А рекою Непрядвою вниз до устья и до реки Дону до первой грани. Направе земля домовые вотчины четвертные пашни отмежевано на тысячу на двести чети в поле, а в дву по тому ж. А сенные покосы по реке Непрядве и по реке Дону, и по реке Смолкочи, и по лоскам, и по дубровам, и по вершкам. В тех же урочищах, в межах и в гранях на тысячу на двести копен. А рыбные ловли по реке Непрядве меж тех же граней. А для хоромного и дровяного лесу въезжать крестьяном преосвященного Павла ми-

трополита Сарского и Подонского вопче с розными помещики в новые дачи по обе стороны реки Непрядвы опричь лесов великого государя, кои приписаны к городу Богородицкому...»¹⁸.

За 1674 г. в делах Поместного приказа сохранился столбец, получивший заголовок «Вотчинные записки фамилии господ Нарышкиных». Эти записки в Поместном приказе были составлены в связи с прошением кн. Якова Голицына царю Федору Алексеевичу на земли «по обе стороны речки Непрядвы и речки Буйцы», которые были отписаны в казну в связи с пожалованием их прежним владельцам земель в Данковском уезде. В документе переписаны поместья на Куликовом поле¹⁹; село Рождествено среди них отсутствует.

О том, что село Рождествено возникло на землях митрополита Сарского и Подонского, свидетельствуют следующие документы. В фонде «Коллегии экономии» сохранилось описание вотчинных земель Сарского и Подонского архиерея, где при упоминании села Рождествена Тульской провинции Епифанского уезда сказано, что «к оному селу Рождественскому по писцовой даче земли 1200 четвертей в поле, а дву по тому ж»²⁰. Эту же цифру подтверждает «выпись» из отказной книги: «В домовые вотчины преосвященному Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому четвертные пашни против указанного числа 1200 четь в поле, а в дву по тому ж...».²¹

В конце XVIII в. крестьяне села Рождествено спорили с соседним «разновладельческим» селом Куликовка («Алиски, Смолки, Оболешино тож») из-за смежных земель и предъявили в Тульскую межевую контору выписки из писцовых книг Епифанского уезда межевания Степана Нелединского 1674 г. и Андрея Щепетева 1670 г., которые приводились нами выше²². По предъявленным старинным документам владельцев соседней деревни Куликовки видно, что первые эти земли как незаселенные упоминаются в документах 1680 и 1682 гг., где записано: «...дано стольнику Елисею Иванову сыну Зиновьеву отмежеванною за ним из дикого поля в Епифанском уезде в Себинском стану на речке на Смолкаче поместной земли 186 четвертей вотчину. В 192 (1684 г.) сентября в 9 день оное Зиновьево поместье 186 четвертей в деревни уже Куликовка Алиска тож по продаже дошла стряпчему Ивану Алексею сыну Оболешеву. В 206 (1698 г.) году марта в 16 день бил челом Иван Оболешев, что на купленной вотчине в Епифанском уезде в Себинском стану к писцовой меже подошла порожжая земля дикое поле вотчинной земли, никому не отдана и не владеет ею никто до земли митрополита Крутицкого...»²³.

Таким образом, можно утверждать, что село Рождествено, так же, как и соседнее село Куликовка, возникло в 80-х гг. XVII в. на пустопорожных землях.

В начале XVIII в. с. Рождествено (Монастырщина) являлось домовою вотчиною архиепископов Сарских и Подонских (Крутицких). По сведениям ландратской переписи России 1715 г. населе-

ние села было довольно значительным. В селе проживали два священника и пономарь церкви Рождества Богородицы с семьями, крестьянских дворов насчитывалось свыше 20. В документе упоминаются следующие имена жителей села: Евтех Исаев сын Дрыкин, Филат Аксенов сын Жданов, Василий Афанасьев сын Першин и др.²⁴.

По переписи населения 1719 г. (1-я ревизия) в селе насчитывалось 306 крестьян разного возраста и пола, а также 9 «деловых» людей (т. е. крестьян без пашни) и конюхов²⁵.

До 1764 г. хозяйством села Рождествено управлял приказчик архиепископа Сарского и Подонского (Крутицкого). В 1764 г. при проведении секуляризации церковных земель и переходе села в ведение Коллегии экономии, хозяйство села было подробно описано. В хозяйство с. Рождествено входили значительные земельные и лесные угодья, сенные покосы и рыбные ловли. В селе имелась мельница, соляные варницы, конный завод, различные хозяйственные постройки. Крестьянское население с. Рождествено по 2-й переписи населения России (1744 г.) составляло 522 человека мужского пола, которые проживали в 107 дворах. Крестьяне выполняли различные работы: пахали землю, сеяли и убирали хлеб, ловили рыбу, а также платили денежный, хлебный и натуральный оброк. Ежегодно из села отправляли по 140 подвод с хлебом для Крутицкого архиерейского дома в Москве²⁶.

В «Экономических примечаниях к планам Генерального межевания» Епифанского уезда, составленных в конце XVIII в., содержатся более поздние сведения о землях и населении села: «Село Рождествено ведомства Коллегии экономии, а ныне казенного ведомства крестьяне; реки Непрядвы большого оврага на правой и по обе стороны дву безымянных оврагов; церковь каменная Покрова пресвятыя богородицы; земля — черная, хлеб — средственный, покос — хороший, лес дровяной, крестьяне на оброке». В селе насчитывалось 144 двора, где проживали 577 человек мужского и 578 женского пола²⁷.

¹ ЦГАДА, ф. 137 Боярские и городовые книги, г. Венев, № 1.

² ЦГАДА, ф. 281 Грамоты Коллегии экономии, Епифанский у., № 4663.

³ ЦГАДА, ф. 1345 Тульская межевая канцелярия, оп. 2, д. 2011, 2068.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209 Поместный приказ, оп. 1, кн. 140, л. 138, 141—141 об.

⁵ Там же, л. 134 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же, лл. 518—519.

⁸ ЦГАДА, ф. 350 «Ландратские книги и ревизские сказки», оп. 1, д. 118, л. 308—309 об.

⁹ Там же, оп. 2, д. 957, л. 325—327.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1355 Экономические примечания, оп. 1, д. 1793, л. 26 об.

¹¹ Там же.

¹² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 121, л. 55—56.

¹³ Там же, кн. 496, л. 158—159.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 975, л. 12—12 об.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 26 об.

¹⁶ В XIV в. епископы Сарайские и Подонские переселились в Москву на Крутиц-

кое подворье и удерживали этот титул до 1764 г., а затем были переименованы Крутицкими и Можайскими. См.: История Российской иерархии, собранная Амвросием. Ч. 1, 2. М., 1807.

¹⁷ Автор Н. А. Соловьев, ссылаясь на дела Крутицкого архиерейского казенного приказа, сообщает, что из дел за 191 (1683), 193 (1685), 194 (1686) и 196 (1688) гг. видно, что «в Епифанском уезде, в Себинском стану находилась вотчина Крутицких митрополитов село Рождествено»//Сарайская и Крутицкая епархии. М., 1914. С. 12. В хранящемся в ЦГАДА ф. 1443 (Крутицкий (Сарский) архиерейский дом) этих документов обнаружить не удалось.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 281, № 4663; ф. 1209, оп. 1, кн. 1008, л. 204—208 об.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, Вотчинные записки, стб. 18766, л. 22—41.

²⁰ ЦГАДА, ф. 280 Коллегия экономии, оп. 3, д. 600, л. 13.

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1008, л. 204—205 об.

²² ЦГАДА, ф. 1345, оп. 2, д. 2068, л. 9—9 об.

²³ Там же, л. 10—11 об.; в деле № 2028 имеется план села Рождествено, составленный в связи со спорным делом.

²⁴ ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 118, л. 299—308 об.

²⁵ Там же, оп. 2, д. 958, л. 191 об.

²⁶ ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 600, л. 13—17.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 26—26 об.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЕЛА КУЛИКОВКИ

К вопросу о заселении Куликова поля

В изучении заселения и хозяйственного освоения района Куликова поля особое место принадлежит истории населенных мест с названием типа Куликово, Куликовка.

Еще в 20-е гг. XIX в. топонимы с основой «кулик» были привлечены С. Д. Нечаевым как один из аргументов локализации сражения¹. В недавнее время вопрос об истории возникновения этих топонимов и их значении для выявления пределов Куликова поля был поставлен В. А. Кучкиным, справедливо отметившим, что для уточнения границ Куликова поля ссылки на бытование топонимов типа Куликовка недостаточны без выявления времени их возникновения². Топонимический анализ является обязательным условием надежной локализации древних географических названий, и точность его методики находится в прямой зависимости от установления датировки и условий возникновения этих топонимов³.

На территории Куликова поля по данным письменных и картографических источников XVII—XIX вв. мы можем зафиксировать десять топонимов типа Куликово, Куликовка: д. Куликовка на левом берегу реки Непрядвы⁴, с. Куликовка (Шаховская) в истоках оврага Средний Дубик, правого притока Непрядвы⁵, Куликовка (Телятинка) в истоках речки Смолки, правого притока Дона, южнее Непрядвы⁶, Куликовка (Аболевшина, Лиски) в среднем течении Смолки⁷, с. Куликово в устье Смолки⁸, с. Куликовка в устье реки Таболы на левом берегу Дона⁹, Куликовка на левом берегу Дона, к югу от с. Рождествено (Монастырщина)¹⁰, Куликова на левом берегу Дона, южнее д. Татинки¹¹, Куликовка в полутора верстах от г. Данкова, на левом берегу Дона¹² и д. Куликовка в 16 верстах от г. Лебедяни, на правом берегу Дона, южнее устья реки Красивая Меча¹³.

Приведенные топонимы можно условно разделить на две группы: а) бесспорные, то есть те, которые проходят по большинству источников: Куликовка в истоках Смолки и Куликово у ее устья — современные Куликовка Куркинского района Тульской области и Куликовка Кимовского района Тульской области; Куликовка на левом берегу Непрядвы — современное Красные Буйцы Богородицкого района Тульской области; Куликовка (Шаховская) — современное Шаховское Куркинского района Тульской области; сюда же

входят населенные пункты, ныне несуществующие: Куликовка (Аболевшина, Лиски, Калешива) и Куликовка (Григорьевское), что на Дону; б) случайные, то есть изменившие свое название в результате описки или опечатки. Сюда можно отнести топоним Куликовка, на левом берегу Дона, на карте части Куликова поля середины XIX в., на остальных картах существующий как деревня Татинки, и топоним Куликовка, в устье реки Таболы, на карте Епифанского уезда второй половины XVIII в., на других картографических источниках — с. Устье.

На некоторые из топонимов указала С. Р. Долгова, проследив их возникновение по материалам Отказной книги Епифанского уезда 1672 г. и «Экономическим примечаниям» к картам Генерального межевания XVIII в., — это Куликово в устье Смолки и Куликовка (Шаховская) ¹⁴.

С завершением заселения и распашки Куликова поля, а также с определением его границ связана история топонима Куликовка в истоках речки Смолки. Проследить историю возникновения этой Куликовки позволяет хозяйственная переписка А. М. Голицына 1779—1798 г. по делам Епифанской вотчины ¹⁵.

В Епифанской вотчине А. М. Голицына числилось село Красное с деревнями Семеновкой и Гороховкой. Село Красное, Буец-тож, находилось на левом берегу Непрядвы, при впадении в нее речки Буец, на дороге из города Ефремова в город Епифань ¹⁶. Деревня Семеновка была расположена к северу от села Красное на той же дороге меж двух оврагов — Гнилой Ржавец и Смородиной ¹⁷. Деревня Гороховка — на левом берегу Дона, около 7 км выше устья Непрядвы ¹⁸. Важно отметить, что все эти населенные пункты находились на левом берегу реки Непрядвы или на Дону выше ее устья.

В переписке Голицына с его приказчиком из села Красного А. Шесагутовым встречается еще один топоним — «Куликово поле», существующий в качестве самостоятельной хозяйственной единицы. Так, в «Ужинной ведомости 1779 года» ¹⁹ имеются сведения об урожае «в селе Красном, деревнях Семеновке, Гороховке и на Куликовом поле», в другой ведомости — «в Куликове поле». Но чаще всего в материалах фонда Голицыных топоним Куликово поле употребляется в связи с переселением туда голицынских крепостных крестьян. На Куликово поле было решено перевести 15 крестьянских дворов, о чем А. Шесагутов докладывает А. М. Голицыну в отписке от 21 июля 1795 г.: «Об населении на Куликовом поле пятнадцати дворов докладываю Вашему Сиятельству как прежде, так и нынеча, будет польза как нам, так и крестьянам...» ²⁰. Локализовать топоним Куликово поле помогло письмо от 25 августа 1795 г.: «...на все же Куликово поле имеется здесь с плана копия, которую при сем к Вашему Сиятельству прилагаю на рассмотрение. На оном плане значится Широкой овраг и на том овраге близ вершины назначено место для поселения под усадьбу, и удобнее оного места

по всему полю не имеется, и в оном овраге против усадьбы имеется хорошая изобильная вода...»²¹ (подчеркнуто мною. — Е. М.).

Копия с плана, упомянутая Шесатуловым и в ответном письме Голицына («план на Куликово поле с назначением на нем меры десятины») находится в фонде А. М. Голицына²². Она выполнена черными чернилами на листе плотной голубой бумаги и имеет название: «Копия. С Плана межевого пустоши дикого поля, принадлежащей к селу Красному, Буец тож. Межевания учиненного в 1776 году июля 4 дня землемером подпорутчиком Радышевским...» Масштаб на плане не указан. Участок, изображенный на плане, включает в себя на северо-востоке исток речки Смолки, на севере — часть оврага Широкого, впадающего в овраг, питающий Смолку, и земли к востоку от них. Эта территория почти полностью совпадает с контурами дачи № 170 на «Генеральном геометрическом плане Тульского наместничества города Епифани и его уезда... 1785 года»²³. На копии ОПИ ГИМ имеется важная приписка: «Межа утверждена по речку Смолку, а не по линии», то есть левый берег истока Смолки включался в понятие «Куликово поле». На плане указано количество пашенной земли — 289 десятин 312 кв. саженей, сеного покоса — 2 десятины; земли под проселочной дорогой — 1 десятина 1800 кв. саженей; под речкой и под водомоной — 900 кв. саженей, а всего — 293 десятины 612 кв. саженей. В качестве смежных земель на плане указаны земли деревни Смолки, пустоши Сабуровой, деревень Ивановки, Казинок и села Рождествена.

Таким образом, письменные и картографические источники ОПИ ГИМ фиксируют существование в 1795 г. топонима Куликово поле по отношению к отдельной даче владения Голицына, считавшейся в 1776 г. «пустошью дикого поля». То, что за уже распахан-ным участком сохраняется название «пустошь дикого поля», сви-детельствует об относительно недавней его распашке.

Те же источники дают возможность проследить возникновение нового поселения в центре Куликова поля от момента выбора места под усадьбу и переселения крестьян до начала изменения ландшафта под влиянием хозяйственной деятельности человека. Приказчик Голицына, выполняя его распоряжение, назначил место для усадьбы близ вершины оврага Широкого и «сохою в округе прорезал по передней прорезке, где быть улице, 120 сажень, в задней тоже 120. Да поперешнику в концах и в середине 80 сажень... На сей земле двory могут быть просторны, а позади дворов... из оной усадебной земли оставить, не заселявая, простыя места, да перед дворами через улицы должно отвести для выпуска скота три десятины...». На овраге Шесуготов планировал сделать пруд: «...где плотине быть место не широкое, и лесу мелкого не много пойдет»²⁴.

Общая площадь 15 крестьянских дворов с коноплянниками, гумнами, выгонами для скота должна была составить не более 15 десятин. Остальную землю отводили под три господских поля по 30 десятин в каждом²⁵.

Особого внимания, как данные о залесенности поля в XVIII в., заслуживает упоминание Шесагутова о дубовом кустарнике, расположенном «вниз по одному оврагу от усадебного места..., который слишком десятины на две будет. Вырубают оной посторонние, ежели соблюсти, со временем будет крупная роща»²⁶.

На упоминавшемся уже Генеральном плане Епифанского уезда 1785 г. на речке Смолке четко обозначены два лесных массива на левом берегу речки: один — при повороте ее на восток, другой — к западу от истоков Смолки, на берегах оврагов Прудового и Козинного. Дубовый кустарник, описанный в материалах ОПИ ГИМ, является продолжением последнего массива.

На Куликово поле А. М. Голицын переселял своих крепостных с левобережья Непрядвы в основном из села Красного, Буец тож. Сохранился «1795 года сентября... дня Реестр кто из крестьян переселяются на Куликово поле, и по каким случаям»²⁷ (подчеркнуто мною. — Е. М.), не только содержащий поименный список переселявшихся, но и дающий возможность судить о причинах переселения. Первыми на Куликово поле переселились вдова Татьяна Степанова с сыном Антоном Яковлевым с женой и детьми и невесткой — «оной Антон с семейством переселяется на Куликово поле самоохотно»²⁸; Самойло Федотов, имевший большую семью, «...за большим семейством желают делиться и делают себе в Куликовке избу, так и двор, а кому из них на Куликово достанется идти кину в том жребий»²⁹; Федот Сергеев Зудин с женою, шестью детьми и невесткой — «... переселяются на Куликово поле по повелению за самовольный раздел со своим отцом»³⁰; Григорий Никитин Саломатин с женой, семью детьми и невестками также был переселен за самовольный раздел³¹. Первыми переселились шесть семей, 57 человек³².

«Ведомость 1797 года о посеве разного ярового хлеба и прочих наличностях»³³ сообщает об урожае в селе Красном, деревнях Гороховке, Семеновке и Куликовке, вместо прежнего «на Куликовом поле».

История завершающего этапа хозяйственного освоения и заселения верховьев Смолки позволяет проследить путь образования топонима Куликовка. Из противопоставления левобережным, по отношению к Непрядве, владениям Епифанской вотчины Голицына («село Красное, Буец тож, с деревнями»), принадлежавшая ему в правобережье, на Куликовом поле, «отхожая пустошь Дикого поля» получает в хозяйственной документации название «Куликово поле». От этого, своего рода микротопонима, а не непосредственно от названия местности (всего Куликова поля), вновь образованное в 1795 г. сельцо получает свое название Куликовка.

В данном случае именование служило не для выделения нового географического объекта среди реально окружавших его поселений Куликова поля, а для отличия от объектов, принадлежавших одному владельцу, находившихся, как, например, Красное — Буец, вне Куликова поля. Для отличия же от окружающих поселений вы-

работался другой, добавочный топоним — Телятинка. Очевидно, что сходным путем формировались топонимы Куликовка — Шаховская, Куликовка — Аболевшина и некоторые другие.

Таким образом, рассмотренные известия о владениях Епифанской вотчины Голицына показывают, что в представлении жителей Епифанского уезда конца XVIII в. название «Куликово поле» относилось к правобережью Непрядвы. Вполне очевидно, что топонимы с основой «кулик», сосредоточенные преимущественно в одном географическом районе правобережья Непрядвы и Дона, отражали бытовавшие в XVIII в. представления о пределах Куликова поля. Это подтверждается описанием поля в Атласе Тульского наместничества 1787 г.: «В здешнем уезде (Епифанском. — Е. М.) находится и известное по истории Куликово поле между реками Доном и Непрядвою в пятнадцати верстах от города: оно в окружности имеет около пятидесяти верст» (подчеркнуто мною. — Е. М.)³⁴.

Одновременно с таким «узким» понятием известно и «широкое» понятие Куликова поля, существовавшее в научной литературе и картографии XVIII в. Так, «Словарь географический Российского государства...» А. М. Шекатова дает определение Куликова поля близкое определению его в «Книге Большому чертежу»: «Куликово поле — урочище Тульской губернии, в Епифанском уезде, простирающееся от вершин рек Упы и Зуши к востоку даже до Дона и вмещающее в себя, кроме этих рек, вершины и все течение реки Непрядвы со впадающими в нее речками»³⁵. На рукописной карте Епифанского уезда второй половины XVIII в. пространство Куликова поля локализовано с помощью данной в разрядку надписи «Поле Куликово»³⁶. Надпись начинается у правого берега р. Сукромны, впадающей в Дон в 15 км выше устья Непрядвы, идет почти параллельно течению Дона и заканчивается за р. Рыхоткой, покрывая расстояние примерно 40 км. То, что эта надпись выходит за пределы традиционного представления о границах Куликова поля, не случайно. Это подтверждается также данными рукописной карты Данковского уезда Рязанской губернии первой половины XVIII в., на которой к югу от р. Рыхотки имеется циркулярная надпись: «Часть поля Куликова» и указанием «Куликово поле, в Донкове» в работе В. Н. Татищева «Звания городов, урочищ, рек, озер, чинов, фамилий, денег и обстоятельств, в России употребляемых»³⁷.

Таким образом, данные топонимики, научной литературы и картографии XVIII—нач. XIX в. фиксируют одновременное существование двух представлений о пределах Куликова поля: «узкого» — в правобережье Непрядвы и Дона «широкого», включающего левый берег Непрядвы и правый берег Рыхотки. Топонимы с основой «кулик» сконцентрированы в районе правобережья Дона и Непрядвы. Можно предположить, что сосредоточение топонимов этого типа в пределах данного географического региона связано с более поздним его заселением по сравнению с левым берегом Непрядвы.

- ¹ Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища//Вестник Европы. 1821. № 14. С. 125—129. План Куликова поля. С. 169. Нечаев указал на сельцо Куликовку (Шаховскую), современное — село Шаховское Куркинского района Тульской области, а также на овраг Куликовский — правый приток р. Ситки у дер. Пяделка, который прослеживается и на картах Генерального межевания.
- ² Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле//Вопросы истории. 1980. № 8. С. 16—18. Сравни: Кучкин В. А. О месте Куликовской битвы//Природа. 1984. № 8. С. 47—53.
- ³ Зайцев А. К. Историко-географический аспект изучения Куликова поля//Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и вопросы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С. 68.
- ⁴ Долгова С. Р. История Куликова поля в документах XVI—XVII вв.//Природа. 1984. № 8. С. 55; Генеральный геометрический план Тульского наместничества города Епифани и его уезда... 1785 года. ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 6110; План нынешней местности Куликова поля и его окрестностей. СПб., 18... — ГБЛ СССР, Отдел картографии. Ко 1/1—145; Списки населенных мест Российской империи. Тульская губерния. СПб., 1862. С. 73, № 1714. (Далее Списки... — СНМ).
- ⁵ Долгова С. Р. Указ. соч. С. 55; ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 6110; Нечаев С. Д. Указ. соч. С. 169; План Куликова поля 1835 г.//ЦГА ВМФ, ф. 3/л, оп. 28, д. 1706; СНМ. С. 74, № 1756.
- ⁶ ОПИ ГИМ, ф. 14, ед. хр. 2932, л. 55; ЦГАДА, ф. 188, 5927. С. 23; ЦГА ВМФ, ф. 3/л, оп. 28, д. 1706; СНМ. С. 74, № 1753.
- ⁷ Долгова С. Р. К истории некоторых населенных пунктов на Куликовом поле. По материалам ЦГАДА. См. данный сборник.
- ⁸ Долгова С. Р. История Куликова поля в документах XVI—XVII вв. Природа. 1984. № 8. С. 55; ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 6110; ЦГА ВМФ, ф. 3/л, оп. 28, д. 1706; СНМ. С. 75. № 1774; ГБЛ. Отдел картографии. Ко 1/IV—145.
- ⁹ Карта Епифанского уезда II пол. XVIII в.//БАН СССР, Отдел редкой и рукописной книги, № 449. Описание карты смотри в кн.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946. С. 312, № 213.
- ¹⁰ План части Куликова поля, находящегося в Тульской губернии в Епифанском уезде, с показанием Красного холма и его окрестностей. 1848. ЦГА ВМФ, ф. 3/л, оп. 28, д. 1724.
- ¹¹ На картах России II пол. XIX — нач. XX вв.
- ¹² Карта Донковского уезда, I пол. XVIII в. — БАН СССР, Отдел редкой и рукописной книги; Долгова С. Р. Указ. соч. С. 55; ГИМ, Отдел картографии. Топографический атлас Рязанской губернии. СПб., 1862, л. XXII; ГИМ, 55727/ГО — 5830; СНМ, Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 23. № 511.
- ¹³ БАН СССР, Отдел редкой и рукописной книги; ГИМ. Отдел картографии. Атлас Российской империи. СПб., 1792, л. 27, ГИМ 55727/ГО — 920; СНМ. Тамбовская губерния. СПб., 1866. С. 83. № 1763.
- ¹⁴ Долгова С. Р. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 14, Голицыны, ед. хр. 2932. Материалы, включающие хозяйственную переписку Голицыных по делам Епифанской вотчины, хранятся также в ЦГАДА, ф. 188, 1263. Ч. IV.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 6110.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 14, ед. хр. 2932, л. 126—128 об.
- ²⁰ Там же, л. 98.
- ²¹ Там же, л. 117.
- ²² Там же, л. 55. Оригинал плана не обнаружен. На Геометрическом плане деревни Дубики, Казинки тож. рассматриваемое владение А. М. Голицына показано как смежное и названо «отхожей пустошью Дикого поля». (ЦГАДА, ф. 1354, ед. хр. Д-3).

- ²³ ЦГАДА, ф. 1356, ед. хр. 6110.
- ²⁴ ОПИ ГИМ, ф. 14, ед. хр. 2932, л. 117, 117 об.
- ²⁵ Там же, л. 98.
- ²⁶ Там же, л. 117 об.
- ²⁷ Там же, л. 121, 121 об., 122.
- ²⁸ Там же, л. 121.
- ²⁹ Там же, л. 121 об.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, л. 122.
- ³² По сведениям, любезно предоставленным нам старшим научным сотрудником музея «Куликово поле» А. Родиончиковым, фамилии Зудины и Саломатины и сейчас встречаются у жителей Куликова поля.
- ³³ ЦГАДА, ф. 188, Голицыны, д. 5927, С. 23.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1350. Межевой департамент, оп. 312, д. 46, л. 49.
- ³⁵ *Щекатов А. М.* Словарь географический Российского государства. СПб., 1804. Ч. 3. С. 961—962.
- ³⁶ См. сноску 9 наст. изд. Надпись «Поле Куликово» в этом описании не отмечена.
- ³⁷ БАН СССР, Отдел редкой и рукописной книги, № 597; *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 341.

ПОЛЕВАЯ КОНСЕРВАЦИЯ ГОНЧАРНОГО ГОРНА XIII—XIV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ МОНАСТЫРЩИНА V

В практике полевой консервации археологических находок известны различные препараты и методы, позволяющие фиксировать, а также частично или временно консервировать изделия сравнительно небольшого размера. Изделия могут состоять из самых разнообразных материалов, включая гончарную керамику. Однако сведения о полевой консервации крупногабаритной керамики, подобной горну, обнаруженному на Куликовом поле, отсутствуют. Между тем такая консервация особенно сложна, поскольку выполнение ее требует довольно продолжительного времени в практически никак не регулируемых погодных условиях. При этом специфика физико-механических свойств крупногабаритных объектов создает дополнительные трудности.

Целью полевой консервации крупногабаритной археологической керамики является обеспечение ее максимальной сохранности при нахождении в поле, изъятии из раскопа и последующей транспортировке. Обычно крупные керамические предметы начинают разрушаться вскоре после их освобождения от грунта. Это объясняется неравномерностью испарения влаги по объему при высыхании, в результате чего возникают внутренние напряжения, приводящие к механическому разрушению — растрескиванию. При изъятии с поля возникают дополнительные разрушения. Их вызывает механическое расчленение объекта на отдельные фрагменты, без которого часто оказывается невозможным в полевых условиях поднимать и перевозить крупные тяжелые археологические находки. В процессе перевозок при недостаточной структурной прочности объекта возможны дальнейшие еще более глубокие разрушения.

Проблемы полевой консервации крупногабаритной археологической керамики в значительной степени сходны с проблемами укрепления камня в памятниках архитектуры и скульптуры. Так как и керамика, и камень являются строительными материалами неорганического происхождения, можно предполагать, что средства и методы их консервации принципиально не отличаются. Поэтому целесообразно попытаться использовать опыт укрепления камня для полевой консервации керамики.

В отличие от керамики проблемой укрепления камня начали заниматься очень давно — с первой половины XIX в. Среди укреп-

ляющих материалов известны жидкое стекло, фториды, фторсиликаты и карбонаты щелочноземельных металлов, кремнийорганические соединения, синтетические полимерные смолы, натуральные и искусственные воска. Особое внимание привлекают материалы, которые хорошо растворяются в воде, поскольку полевая консервация предполагает укрепление объекта непосредственно на грунте в условиях постоянной и, возможно, достаточно интенсивной подпитки влагой. Помимо растворимости, укрепляющие материалы должны обладать высокой проникающей способностью, т. е. иметь не слишком большую вязкость, и быстро твердеть на воздухе. Таким наиболее доступным и дешевым материалом является жидкое натриевое стекло, которое и было использовано для консервации горна, обнаруженного на Куликовом поле.

Горн, датируемый XIII—XIV вв., найденный на поселении Монастырщина V, представлял собой монолит, включавший несколько полностью отделившихся фрагментов разных размеров. Его поверхность частично состояла из плотно спеченной глины, являвшейся непористым черепком, частично имела пористую структуру, расплывшуюся при высыхании.

В 1986 г. пористая поверхность и устьевая часть горна были обработаны жидким стеклом с плотностью 1,28 г/см³. Раствор стекла наносили кистью, напыляли и просто заливали в трещины. Обработка велась в очень неблагоприятных погодных условиях — практически постоянно шел дождь, а горн, находившийся непосредственно на сыром грунте, был прикрыт только брезентовым навесом сверху. Тем не менее через трое суток на обработанной поверхности образовалась блестящая плотная корка силиката натрия. Затем, спустя еще трое суток, устьевую часть горна отпилили, изъяли из грунта методом подведения жесткой основы под нижнюю часть и в деревянном ящике перевезли в помещение церкви села Монастырщина. Оставшуюся часть горна обшили досками, засыпали землей и в таком виде оставили до следующего полевого сезона.

Год спустя фрагменты горна и непосредственно в поле, и в помещении церкви были вскрыты. Осмотр показал, что обработка стеклом действительно предупредила распыление поверхности. Появившийся вначале блеск растворимого стекла исчез, внешний вид горна приблизился к первоначальному. Однако на обработанных участках местами появился белый налет.

Лабораторные исследования показали, что белый налет представлял собой карбонат натрия. Эта соль хорошо растворяется в кислотах, причем даже очень слабых, поэтому ее налеты можно легко удалить с помощью разбавленной (9%) уксусной кислоты и последующей промывки водой.

В связи с тем, что обработка силикатом натрия дает эффект укрепления (хотя оценить его количественно в данном случае затруднительно), а искажающий внешний вид горна налет карбоната

натрия легко удаляется, было продолжено укрепление жидким стеклом оставшейся в поле части горна.

Установившаяся ветреная солнечная погода благоприятствовала процессу укрепления, который осуществлялся по той же технологической схеме, что и ранее. Многократные пропитки позволили не только зафиксировать мелкие частицы на поверхности, но и склеить достаточно крупные фрагменты. В результате был достигнут значительный эффект укрепления, но горн в целом приобрел нехарактерный блеск и более интенсивную окраску.

Тем не менее выполненную обработку следует считать безусловно полезной, поскольку обнаруженные недостатки — блеск, усиление интенсивности окраски — проще устранить путем так называемой косметической реставрации, чем собирать крупный предмет из многочисленных мелких фрагментов, на которые распадается горн не только при распиливании, но просто при высыхании.

Обработанный стеклом фрагмент горна спустя 10 суток распилили тросом на две части и точно так же, как ранее устьевую часть, переправили в помещение церкви в селе Монастырщина. В дальнейшем предполагается очистка привезенных фрагментов от грунта, их монтаж и полная реставрация горна с использованием современных материалов, применяемых в практике реставрации керамических предметов.

Полевая консервация крупногабаритной керамики является частичной реализацией идеи показа археологических памятников в подлинном виде, без реконструкции. Следующий и вероятно более сложный этап осуществления этой идеи предполагает фиксацию и закрепление грунтов археологических раскопов для изъятия их с поля, транспортировки и монтажа в музейной экспозиции. Подбор консерватов, пригодных для этих целей, особенно затруднителен в связи с различием химической природы, неоднородностью состава и широким диапазоном дисперсности грунтов. Обязательное требование сохранить внешний вид неукрепленного грунта после консервации еще более осложняет задачу. Однако без решения этой задачи не представляется возможным показывать в музеях в подлинном виде уникальные археологические памятники.

¹ *Riederer J.* The conservation of German stone monements. The Treatment of stone. — Bologna, 1972.

² *Weber H.* Ursachen und Behandlung der Steinverwitterung. — *Maltechnik — Restauro*, 1977, vol. 83, № 2.

³ Biblioteka muzealnictwa i ochrony zabytkow, Warszawa, 1966. Seria A, t. 15; 1967, Seria B, t. 19; 1969, Seria B, t. 25.

⁴ *Сизов Б. Т., Постникова Т. В.* Проблемы структурного укрепления камня в памятниках архитектуры и оценка эффективности различных способов укрепления//Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Обзорная информация. Вып. 1. М., 1982. 49 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия наук СССР
АО	— Археологические открытия
АТ	— Атлантический
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ГАТО	— Государственный архив Тульской области
ГБЛ	— Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГУГиК	— Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР
ИГАН	— Институт географии Академии наук СССР
ИКДР	— История культуры Древней Руси
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение института археологии АН СССР
ЛПС	— Летописец Переяславля-Суздальского
МАВГР	— Материалы по археологии Восточных губерний России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МФГО	— Московский филиал Географического общества
ОПИГИМ	— Отдел письменных источников ГИМ
ОР	— Опорный разрез
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— «Советская археология»
САИ	— Свод археологических источников
СНМ	— Списки населенных мест Российской империи
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЧОИДР	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
SA	— Субатлантический
SB	— Суббореальный

СОДЕРЖАНИЕ

А. К. Зайцев, Б. А. Фоломеев, Н. А. Хотинский

**Проблемы междисциплинарного изучения
Куликова поля**

3

**Б. А. Фоломеев, А. Л. Александровский, М. П. Гласко,
М. И. Гоняный, М. А. Гуман**

**Древние поселения и природная среда
приустьевой части Непрядвы**

10

А. Л. Александровский

Палеопочвенные исследования на Куликовом поле

54

М. В. Фехнер

Находки на Куликовом поле

72

Р. В. Клянин

О локализации «Тульского клада»

79

С. А. Изюмова

Могильник у села Монастырщина Тульской области

82

М. И. Гоняный

**Поселение древнерусского времени
Монастырщина III на Верхнем Дону**

86

О. А. Шватченко

**Местонахождение пограничного города-крепости
Чур-Михайлова
и памятники Куликовского цикла**

97

И. Л. Чернай

**Оборонительные сооружения Рязанских Засек
в свете новых археологических данных**

101

Н. К. Фомин

Заселение Епифанского уезда в XVI—XVII вв.

126

С. Р. Долгова

**К истории некоторых населенных пунктов
на Куликовом поле**

138

Е. Д. Маркина

Возникновение села Куликовки

147

И. П. Байгулова, М. В. Юсупова

**Полевая консервация гончарного горна XIII—XIV вв.
поселения Монастырщина V**

154

Список сокращений

157

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Материалы и исследования

**Труды Государственного
ордена Ленина
Исторического музея**

Выпуск 73

**Редактор В. И. Ермаков
Технический редактор А. П. Гусева**

Сдано в набор 27.09.89. Подписано к печати 29.05.91

Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 10. Усл. кр. отт. 10. Уч.-изд. л. 11,2

Тир. 1000 экз. Тип. зак. 2710. Цена 1 р. 70 к.

**Государственный ордена Ленина Исторический музей
103012, Москва, Красная пл., 1/2
Типография имени Воровского**

